

ЧЕРВЬ

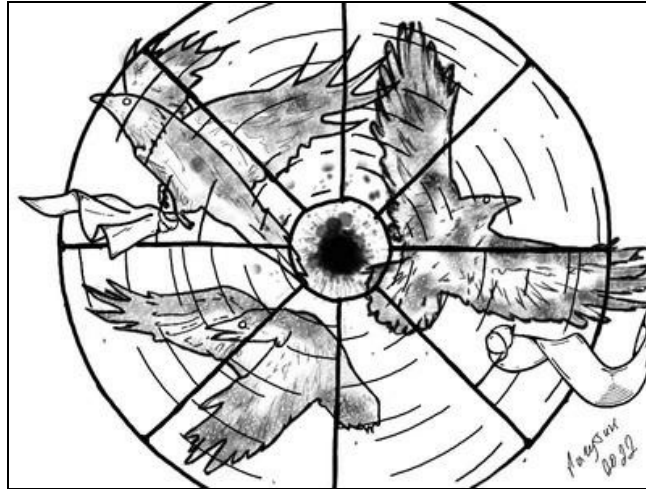

Annotation

Нездоровое отношение моей матери к моему воспитанию обернулось для меня не совсем радостным детством. И что вообще может вырасти из ребёнка, когда детская площадка — это рухнувший дом, а друзей с каждым днём всё меньше и меньше. Моя философия — выживай. Выживай, даже когда ты сидишь в туалете. Выживай, даже когда ты идёшь в магазин. Нормальной жизни не существует. Существует жизнь, где нормой является твоё существование среди особей твоего вида. Скучно и нудно. И мне всегда хотелось изменить свой вид. Стать кем-то больше чем простым человеком! Стать другим, не похожим на всех. Ах, как же они меня бесят! Орут и орут! Сволочи, замолчите!

И когда эти мрази меня застрелили — моё желание сбылось. Но я как-то странно себя ощущаю... Разум старый, но тело другое, оно не такое?! Где мои руки?! Где мои ноги?! Где мой ху...

Лагутин Антон
Червь

Ну и духотища сегодня...

Дребезжащий вентилятор, что застыл в углу моей грязной кухни, только всё усугубляет, дуя на меня жарким воздухом словно фен. За металлической сеткой защитного кожуха, пластиковые лопасти напоминают мне дворовых птиц, пойманных и запертых в клетке. Без еды, без воды. Они бьются раз. Они бьются два. Они бьются в решётку всегда. Без настоящего и без будущего. Каждый божий день!

Когда всё закончится, я открою защитный кожух, ослаблю винт крепления лопастей. Вытащу вентилятор в окно и включу его на полную мощность. Встану на подоконник и улечу следом.

Свобода. Но пока, надо завершить начатое.

Таблетки закончились еще два дня назад, и вы знаете, я прекрасно себя чувствую.

Я стою на коленях, на потрескавшемся линолеуме, усеянном липкими пятнами жира и свежей кровью, текущей тёплой струйкой к моим побелевшим от напряжения пальцам ног.

Я пилю. Пилю усердно, полностью отдаваясь процессу, и потому — на время я не смотрю. Успел отпилить от этого нудного хрена руку и ногу; попилить их пополам и закинуть в ванну. Какой же я грязнуля — заляпал всё вокруг, да так, что успел поскользнуться в коридоре и ебнуться прямо на копчик. Пиздец было больно! Надо быть аккуратнее, а то тот острый угол кухонного стола так и шепчет мне, мол, давай, подойди ближе и со всей силой насадись на меня.

Сейчас я пытаюсь отпилить указательный палец этого гондона, но не потому что так практичнее для сокрытия тела. Нет. Всё дело в принципах. Принципы — это и есть наше проявление личности, помогающее нам быть тем, кем мы являемся, а не тем, кем нас хотят видеть. И проблема того мудозвона была в том, что когда он заглядывал мне в глаза — он высматривал другого меня, полностью игнорируя принципиальную позицию моей проблемы. И тыкать в меня пальцем и усираться, что я плохо выполняю свою работу — как раз и было нарушением моих принципов. Своё дело я знаю хорошо, в отличие от этого любителя дорогих одеколонов, даже не пытающегося разобраться в простейших нюансах и тонкостях моего ремесла.

Как же душно. Я уже стянул майку, портки. Снял трусы, но пот продолжает стекать тонкими струйками по моему телу. Мне хочется подбежать к вентилятору и нахуй его переломить, ударив об стену! Но нельзя. Он гонит в коридор всю ту вонь, что исходит от худошавого тела, валяющегося на полу моей кухни.

Капля пота скользит по моей груди, скатывается на живот, смешивается в пупке с каплями крови и стекает на мой член, смотрящий своим концом на потрескавшийся линолеум, который уже давно просится на помойку. Но всё никак. Ну, вы знаете как бывает: то нет времени, то нет денег, то еще чего пошло пиздой и вам уже нет дела ни до какого ремонта. В жопу ремонт! Мои не родившиеся дети соберут стройматериалы во влажных лесах и сделают свой ремонт, как в рекламах с “идеальными” семьями, встречающих искусственное утро в студийных комнатухах 2 на 2.

С конца капает на пол.

Кстати, что там по телеку.

Я беру со стола обёрнутый в целлофан пульт, и начинаю щёлкать каналы.

Херня...

Ебучая реклама...

На зернистом экране появляется дряхлая телеведущая и сообщает новости: ...его кончина — трагедия для целого поколения. Трагедия для всех!

Да, жаль мужика... Но ничего не поделаешь, бывает. Живём один раз!

Щёлкаю дальше, и плоская телеведущая в строгом пиджаке и длинными волосами с радостью заявляет: целая сеть ресторанов уходит из нашей страны...

Бедные жирдяи, придётся пересесть на рис и гречку, а вместо коки пить “трахун”! Если меня спросят, что я считаю кидаловом века — я отвечу так: МАКДОНАЛЬДС! Вот так взять и оттяпать целую сеть ресторанов у чужой страны — это вам не мелких автомобильных дилеров нагибать!

Щелкаю дальше, и вижу нелицеприятное зрелище, от которого меня передёргивает:

Старый пердун подносит свои сухие губы к уху совсем юного мальчика и произносит: Умница! Видно, что паренёк уже весь взмок от напряжения. Его грудь неподвижна, видимо задержал дыхание, чтобы не чувствовать вонь, исходящую от старикана, который всё никак не уgomонится — и задаёт новый вопрос, от которого прыщавый подросток, да и вся трибуна, установленная полукольцом в студии, приходит в возбуждение. Ребята тянут руки, выёбываясь своими знаниями друг перед другом, а наш потнявый дружок свесил нос. Сразу понятно — ответ он не знает!

Готовиться надо было ночью, а не наяривать на глянцевого журнал! Ну, сейчас он получит по полной программе!

Скрепя дорогим костюмом, старикан скрещивает руки на груди, оставляя торчать микрофон из подмышки словно хер, и пытается сунуть его паренёку в рот, желая услышать ответ. Он знает, что тот не знает ни хуя, но продолжает наседавать, пытаясь выставить мальчугана распиздяем. Старикан растягивает губы, демонстрируя пожелтевшие от никотина зубы, и произносит: Плохо! Затем окидывает взглядом студию и, найдя новую жертву (ей оказывается рыжеволосая девчуля с двумя длинными косами, за которыми скрывается только-только появившаяся грудь), быстро к ней подбегает. Тычет свой чёрный микрофон ей в рот и, когда слышит правильный ответ, закатывает глаза в неистовом удовольствии. Не удивлюсь, если у него в брюках на месте карман — дыры, для лёгкого проникновения тёплой ладони к своему сморщенному члену.

Ёбаная реклама! На самом интересном!

Моя фантазия делает аборт на то, что может происходить в студии, но меня всё равно мучает вопрос: зачем старик так поступает? Да потому что советский союз подарил нам множество скупых на фантазию талантов. Ни тебе плейбоя, ни тебе VHS кассет с порнушкой, которые мы находили на полках у предков. Даже стакана с обнажающейся пышногрудой тёлкой от кипятка и того не было.

НЕ БЫЛО

НИ

ХУ

Я

Что видели, на то и дрыгали. Друг как-то историю рассказал. Пришёл он домой и сразу к деду, поведать — живой тот или нет. Слышит, тот пыхтит, страстно так, с придыханием. Он быстро подходит к двери, а она приоткрыта — сквозь маленькую щёлку видно было всю комнату. Но что-то его остановило быстро распахнуть дверь, ворваться в комнату и начать спасать деда. Он прильнул к щели, задержал дыхание, и от увиденного чуть не блеванул. В душной комнате, сидя со спущенными штанами в вельветовом кресле, без кондиционера, без глобального потепления, и без озоновой дыры, обливаясь липким потом, дед наяривал свою кочерьжку, не отрывая глаз от черно-белой фотографии. Тогда друг не смог разглядеть изображение, был увлечён другим. Но когда дед вышел справить нужду, друг зашёл к нему в комнату и нашёл ту самую фотографию под подушкой. На ней Брежнев целовался с Хонеккером. Тогда он и блеванул.

Всё, реклама кончилась — продолжаем!

Рыжая девчуля выходит на центр студии, сменяя нашего распиздяя, и уже всё внимание приковано исключительно к её персоне. Оператор наводит объектив, фокусируясь на бледноватом девичьем лице, но берёт чуть ниже, обрезая ей лоб. С экрана на меня смотрят голубые глаза, блестящие брекеты и торчащие соски на чёрной облегающей кофте, словно угри на блестящей коже. Облизнув губы, морщинистый хер приближается к ней. Встаёт плотную, прижимаясь своими брюками к её атласной юбке достающей до колен, открывает рот и шепчет ей на ухо: Умница!

С конца капает на пол.

Всё! Хватит смотреть это дерьмо! Мне тошно от одной мысли, что у этих детей не было детства! Вместо телика и приставки у них был кожаный ремень и прыгалки, а вместо хорошего друга — репетитор, дрюкавший их голову ежедневно!

Я вырубаю телик и швыряю пульт на стол. Хорошее детство — хорошая музыка. У меня было хорошее детство, и поэтому я говорю:

— Олеся, вруби Земфиру.

Женский, прокуренный голос наполняет кухню, вырываясь из пористой пластиковой коробочки, пылящейся на холодильнике.

Музыка у неё отличная, но на неё я бы не залез. Нет, она хороша, красивая баба, но нет. Не залез. Костлявая, словно на скелет натянули куриную кожу. А вот на эту... как там её зовут то... Забыл! Ну, она еще поёт: “Я твой краж, что-то там — охуительный мираж... Ага, она самая! Смекаешь! Вот на неё я бы с превеликим удовольствием запрыгнул бы, и такой бы краж устроил! Закражил бы все входы и выходы, а в самом конце спустил бы на её слипшиеся от пота волосы. Я уверен, что от Земфиры пахнет терпким запахом никотина, а от моей Кражи — наливными яблоками.

Люблю яблоки и ненавижу, когда от женщины пахнет табаком! Фу! От курящих баб исходит такой запах, словно на твою подушку рядом с твоим носом легла дворняга, повернувшись к тебе задом.

Фу!

Я беру со стола пачку сигарет. Чтобы не заляпать кровью белые палочки смерти, достаю их губами. Прикуриваю. Набираю легкие до предела и спускаю дым через нос.

Что-то я уже подзаебался, но частые перекуры делать нельзя.

Из окна доносится запах раскалённого асфальта и пердежа малолитражных машин. А еще доносится ругань, вспыхнувшая в какой-то суете. Любопытство подводит меня к окну. Отодвинув белёсую полупрозрачную занавеску...

БЛЯТЬ, ЗАЛЯПАЛ КРОВЬЮ, СУКА!

Откинув грязную занавеску, я одним глазком выглядываю из окна. Возле моего белого фургона, стоящего у подъезда, припарковался фургон посерьёзнее. Большой, чёрный, блестящий. Рядом трутся двое: громко спорят. Один из них подходит к боковой двери фургона и откидывает её в бок. Люди в чёрной форме, с автоматами наперевес, вытекают из машины густым маслом, и, под топот дюжины ботинок, втекают в мой подъезд.

Вот блядь! Неужели нашли! Быстро работают, хотя это было ожидаемо. Не надо было его убивать в его собственном кабинете. Ладно, надо торопиться!

Словно прочитав мои мысли, Земфира начинает мне подпевать.

С пола я поднимаю пилу для отпиливания толстых веток. Лобзик подвёл. Думал смогу без проблем отпилить им пальцы, но эти дерьмовые лезвия из комплекта не прожили и часу. Хорошо, что купил пилу — продавец посоветовал, услышав, что я собираюсь пилить ветки дуба. Стеклообразные глаза долго изучали меня сквозь толщу перегара вырывающегося из его пор на лице, а потом он пробубнил: Такой хуйней не отпилите! Дуб — дерево хуй сломаешь! Возьмите рычажную ножовку — не пожалеете!

Спасибо тебе, добрый человек! Дуб я сломал, с гнильцой оказался, а вот ветки, сука, крепкие, но рычажная ножовка знает своё дело.

Его рука чуть тёплая. Я беру её за запястье и кладу ладонью на стопку книг так, чтобы указательный палец свисал. Всё, что я хочу — отпилить этот палец и вставить ему в жопу. Злость еще бурлит во мне, словно лава в проснувшемся вулкане. Никто! Слышите! Никто не смеет тыкать в меня пальцем и называть конченным мудаком!

Со всей силой я наступаю ему на ладонь. Лезвие пилы слегка утопает в коже у основания пальца. Прицелившись, я начинаю пилить, периодически задевая обложки книг и его средний палец, дрыгающийся при каждом нажиме. Рву кожу, мясо: капли крови окропляют мою ногу, мой конец, усеивают живот кровавой ветрянкой. Красивый эффект. Художники еще называют его — звёздное небо. Берете кисть, макаете в краску, а затем, с нажимом, проводите пальцем по щетине. Щетина быстро выпрямляется, выстреливая каплями в холст. Так можно нарисовать звёздное небо. Моё небо сегодня багрового цвета.

С конца капает на пол.

От сигареты отламывается нарост пепла, а из носа вытекает дым.

В дверь постучали, спустя минуту начали долбить.

Мать у меня была еще тем параноиком. Всё боялась, что какой-нибудь извращенец вломится в нашу квартиру посреди ночи и изнасилует её, а потом и меня. И вот чтобы обломать насильника, она поставила самую дорогую дверь. Кидая сальные взгляды на мамашу в халате, монтажники обливались потом, устанавливая нашу дверь. Дверную раму поднимали впятером. Свёрла раскаливались до красна, углубляясь в бетон на 30 сантиметров. Повсюду пыль и недовольные соседи, осмелившиеся позвать местного участкового. Но оно того стоило. Когда все вопросы были решены, мы стали жить внутри “банковского сейфа”, закрывающегося исполинской дверью толщиной с футбольный мяч.

— Не бойся, пацан, — сказал тогда монтажник, ныряя с мамой в комнату, — выдержит выстрел из танка!

Я вспомнил его слова, почувствовав новый удар в дверь.

Минут 20 продержится — мне хватит. Спасибо, мама! Хотя, какая она мне мать... Чужая женщина, забравшая меня с улицы моего маленького городка, переживающего не лучшие времена. Тот день я запомнил на всю жизнь.

Тогда там, в том городке, мы сжигали тела мёртвых горожан на детской площадке. Ага. И возле школы. И возле продуктового магазина, где уже вторую неделю, из-за войны, не было тех самых продуктов, а тело тёти Клавы — продавщицы, угощающую меня конфетами — положили в самый низ, на свежеспиленные бревна.

Беззубый мужчина говорил тогда, что если этого не делать — мы задохнёмся от вони, земля будет отравлена, а мухи разнесут заразу на тысячи километров.

В тот день очередное стерилизационное сожжение устроили у подножья пятиэтажки, уставившейся на сгушавшуюся толпу выгоревшими в чернь оконными рамами. Когда запахло жареным мясом, а языки пламени вылизывали стену дома — с пятого этажа сорвалась бетонная плита — тяжёлый кусок чей-то квартиры.словно самолёт пикирующий носом в землю, она обрушилась на обугленные тела и разнесла их в клочья. Просто, все в хлам. В труху. Пепел взмыл в воздух вместе с яркими огоньками, скрыв за собой остов разрушенного дома. Толпа ахнула, уставившись на почерневшее небо, изредка пропускавшее тонкие лучи солнца.

Я открываю рот и ловлю языком парящие в воздухе хлопья, представляя себе снег, обрушившийся на город в середине лета.

И тут ко мне подходит этот потный хряк и отвешивает мне подзатыльник! Тычет в меня пальцем и говорит:

— Не смей это брать в рот! Ты дурачок что ли?

Затылок у меня горел. Но сильнее горело у меня внутри, словно бензином залили сосуды и подожгли. Злость разлилась по всему телу и просила дать ей волю, но что я мог поделаться, я — семилетний пиздюк, опустивший голову под гнётом туши жира смотревшей на меня свысока.

Я заплакал. Зарыдал, зовя маму с папой. И вот тогда появилась она.

— Где твои родители? — спросила она, отпихивая в сторону того мужлана.

Обливаясь слезами, я вскидываю руку и указываю пальцем на кучу палёного мяса, раздавленного куском бетона.

Она прижала меня к себе. Сильно-сильно. Я почувствовал кисловатый запах пота и волну успокоительной энергии, исходящей от её теплой майки.

— Пошёл на хуй отсюда! — крикнула она тому хряку, когда он нарочита начал приближаться к нам.

После мы узнали, что он наступил на мину и его разметало по квартире, в которой он хотел пожить ценным барахлишком. Новость меня успокоила. Во мне словно загушили пожар, медленно поджаривающий мои органы каждый день. Я, вроде как, исцелился. Но нет, это было другое. Я испытал истинное удовольствие, а потом еще раз, когда представил, как его оторванный палец со свистом вылетает в окно и падает на пыльную дорогу, а пробегающая мимо крыса быстро его подхватывает и уносит к себе в норку, кормить выводок.

С конца капает на пол.

Я наполняю лёгкие тёплым никотином, а затем опорожняю их, выпуская струйки дыма сквозь стиснутые зубы. Пепел осыпается на лужу густой крови, и я слышу, как он шипит, туша во мне пожар страданий. Никогда не думал, что моральная боль может быть сильнее физической.

Из-за тонких стен моей “картонной” квартирки, я слышу, как кто-то надрывается на той стороне двери, громко крича:

— Червяков! — ох, да, это моя фамилия. — Открывайте дверь! Мы знаем, что вы дома!

Идиотина, я и не скрываюсь! Только не надо пиздить, что вы якобы знаете, что я дома! Нихуя вы не знаете!
НЕ ЗНАЕТЕ!

Осталось совсем чуть-чуть. Я мог бы вырвать палец из сустава, но так не интересно. Палец нужно отпилить ровно между фаланг, отступив от сустава около сантиметра. В нашем деле халтурить — себя не уважать.

Я перепиливаю кость. Палец отваливается и повисает на кусочке кожи. Я хватаю палец и дергаю со всей силой так, что кожа растягивается как жвачка и лопаётся. Полдела сделано. В зажатом кулаке я ощущаю, как пульсирует источник моей внутренней боли. Волнами злость и ненависть расходятся по моему телу, но, разжав кулак и увидев на мозолистой коже свою цель, внутричерепное давление отпускает меня и наступает эйфория. Раньше я не знал, как это описать, но сейчас скажу так — словно я втянул целиком сигарету, залил целую бутылку ледяного пива, и начал медленно стравливать дым после десяти часовой рабочей смены, где я успел прихуеть раз пятнадцать.

В дверь постучали.

— Червяков! — чувствуются нотки раздражения. — Открывай по-хорошему! — уже перешли на “ТЫ”, терпению им не занимать. — Мы знаем обо всех твоих убийствах! Если сам откроешь — будешь сидеть до конца жизни на казённой харчи, а нет — мы в любом случае вскроем твою консервную банку! Но ты учти, за ребят я не ручаюсь, могут и кислород тебе перекрыть, нечаянно наступив на шею!

Так может мне приятно будет, если кто-то мне перекроет газ? Нет, точно не пойду дверь открывать! Мучайтесь дальше... А потом, можете и меня помучать.

СВАЛИТЕ НА ХУЙ ОТ МОЕЙ ДВЕРИ! Вы мешаете мне работать! Но они упорно продолжают кричать сквозь непробиваемую толщу металла, пытаясь достучаться до моей совести.

— Червяков, не усугубляй! Отпусти товарища Соседова, и мы не причиним тебе никакого вреда!

Ага, еще пыль с меня сдуйте. Мне кажется, он прислонился ухом к дерматиновой обивке двери и пытается услышать хоть что-то. Я молчу, наслаждаясь моментом, а он — тот, что стоит за стеной — бесится, чувствуя, как теряет драгоценное время.

— Слышишь меня?! — кричит он в маленькую щёлку, появившуюся между дверью и дверной коробкой. — Ты, кусок говна вылезавший из очка грязной дворняги! Я уже близко!

Такие аллегории я пропускаю мимо ушей всю свою сознательную жизнь. Знаете, психически я абсолютно здоров, и в принципе, не обращаю внимания на столь интеллектуальную низость, повседневно всплывающую на почве пустяковых конфликтов. Пусть у человека будет три высших образования — но дайте мне случайно плюнуть ему на ладонь — и вот, передо мной представитель животного мира, жрущий червей после дождя. Но я не такой. Мне похуй на этого мудака. Пусть дальше себе распинается.

Я так и чувствую, что там, на тесной лестничной площадке утопающей в лучах утреннего солнца, он и его дружки, облачённые в тяжелые бронежилеты и плотную военную униформу, обливаются потом, словно они на очередной гей-вечеринке выжидают часа X, после которого они смогут накинуться друг на друга и славно повеселиться. В руках у них гигантское стальное дилдо, которым они долбят мою дверь. Долбят и долбят. Долбят и долбят. Ну, пусть наслаждаются процессом, я не собираюсь им мешать.

В моей ладони обрубок той прошлой жизни, в которую я уже не вернусь. У моих ног обрубок той прошлой боли, что я уже никогда не испытаю. От новой жизни меня отделяет один шаг.

Своими пальцами я перехватываю палец мудозвона как банковскую карту. Наклоняюсь к телу и, раздвинув волосатые булки...

Стоп! Делать этого под Земфиру я не буду!

— Олесья, — нежно шепчу я, — включи мне Мэнсона, песню “Рок умер”.

— В-к-л-ю-ч-а-ю, — отвечает колонка.

Раздвигаю булки и запихаю его указательный палец прямиков ему в анус, словно карточку в здоровенный банкомат. Сука! Не влезает! ОПЕРАЦИЯ ПРЕРВАНА.

Окоченел...

Окидываю кухню взглядом, я вижу возле раковины средство для мытья посуды. Отлично! Подойдёт!

Давлю пару камель густой зелёной жижи себе на ладонь и смазываю палец. Обильно смазываю, словно готовлю хер к долгой ночной смене с парой крошек. Возвращаюсь к телу и пропикиваю палец как можно глубже. Вот тебе, козлина, надо думать, прежде чем тыкать пальцем в красивого, эмоционально уравновешенного молодого человека! Встаю и отвешиваю ему пендаля.

На меня накатывает лёгкое головокружение. Я закатываю глаза и запрокидываю голову назад. Глубокая тяга... Смоляной дым наполняет мои легкие, пепел осыпается мне на живот... чуть обжигает, но капли пота быстро его смахивают, унося в густые заросли моего лобка. С конца капает на пол. Я выдыхаю дым в потолок и чувствую, как меня охватывает озноб удовольствия. Мне хочется засмеяться, но они всё долбят и долбят. Долбят и долбят.

ХВАТИТ УЖЕ! ОСТАНОВИТЕСЬ!

Пойду, гляну, что они там надолбили. Я захожу в коридор и вижу, что дверная рама чуть изогнута вовнутрь, а пол усыпан крошкой из бетона. Еще чуть-чуть и они сломают дверь. Обязательно выставлю им счёт, нехуй ломать

чужое имущество, заработанное кровью и потом! Нужно что-то делать, двигаться, суетиться... Пилить! Надо продолжить пилить!

По пути на кухню я захожу в ванную комнату, открываю кран и оставляю чуть тёплую струйку воды набирать ванну. На кухне тушу окурки в круглой стеклянной пепельнице, купленной на сайте объявлений. Сучка, что мне её продала, умолчала про один дефект; про маленькую трещинку, якобы появившуюся после того, как она попала в мои руки. Увидев её автарку на сайте, мне стало страшно любопытно, чем ещё приторговывает эта мадмуазель. Ковыряясь в её профиле, я натываюсь на одно очень интимное объявление о продаже кружевного лифчика третьего размера и трусов. По сути, я и купил пепельницу только потому что мне нужен был повод для встречи. Набор её тряпок стоил в десять раз дешевле пепельницы, и было ясно — деньги ей нужны позарез.

Хватаю телефон и набираю номер:

— Алло! — говорит приятный женский голос с интонацией двадцатилетней шлюхи. Скорее всего, она приезжая, с кем-нибудь на пару снимает хату на окраине города. В объявление указано метро открывшееся недавно в тех ещё ебенях. Но туда я не поеду, выманю её к себе.

— Я по поводу пепельницы, продаёте? — спрашиваю я.

— Да.

— От бабушки досталась?

Молчание. Затем она хихикает, прикрыв ладонью рот.

— Да, — отвечает она иронично.

— А трусы?

Молчание...

— Трусы?

— Да, набор из другого объявления: трусы и лифчик.

— Они мои...

— Жаль, я думал бабушкины.

Молчание... Я не выдерживаю, и пытаюсь разрядить обстановку:

— Да я шучу, простите, если обидел!

— Ничего страшного, я сразу и не поняла, — и начинает хихикать.

Конечно, ты не поняла, ты же — тупая корова, торгующая своим бельём.

— Я готов купить пепельницу, — делаю паузу, а потом добавляю: — И ваше бельё.

— Хорошо... хорошо... Но зачем вам моё бельё?

— А зачем мне ваша пепельница вы не хотите спросить?

— Я догадываюсь, для чего вам нужна моя пепельница, — и снова хихикает.

А ещё мне нужна твоя волосатая пепельница, куда я запихну свой окурки.

— Я уверен, вы уже догадываетесь для чего мне нужно ваше бельё.

Молчание...

— Ты... Вы...

— Можно на “Ты”.

— Ты серьёзно? Хочешь купить его?

— Серьёзно, хочу купить его.

— Так странно, я думала, мне будут звонить женщины...

Ага, и спать с твоими мандавошками! Нет уж, это так не работает. Никакой мужик не поедет покупать дырявые трусы у другого мужика. Вот баба да, может и приехать, сказав, что пустит их на тряпки, а сама... ну, вы поняли...

— Я могу денег накинуть, — говорю я.

— Хорошо, — соглашается она, но с долей сомнения, — где встретимся?

— У меня, — отвечаю я спокойно, без напора.

— Нет-нет-нет, — ломается она, но что самое интересное, продолжает хихикать.

— В центре? — спрашиваю я.

— В центре...

Увидев мой фургон, обклеенный логотипами логистической фирмы, она быстро соглашается в него залезть. Садиться на соседнее сиденье и протягивает мне пепельницу, завернутую в целлофановый пакет. Я забираю белый кулёк и, не глядя, кладу на заднее сиденье.

— Где бельё? — спрашиваю я.

Её зелёные глаза сканируют меня без остановки. Она красивая. Пухловатая, но в меру, а мера для меня — это когда сиськи смотрят чуть дальше живота. Жуя жвачку, она говорит:

— Я подумала, что ты мутный какой-то. А сейчас понимаю — это был норм подкат...

Молодец. Попалась корова с мозгами.

— Твоё предложение в силе? — спрашивает она.

— Конечно в силе, но где бельё?

— На мне!

Я жму педаль газа в пол, выкручиваю музлу на полную (Смэк май БИЧАП нельзя слушать сквозь бабий трён) и мы мчимся ко мне на хату. Мои глаза смотрят то на дорогу, то на её колышущуюся грудь. То на дорогу, то на её пухлые губы. В какой-то момент я понимаю, что на дорогу уже не смотрю; не могу оторвать глаз от её белой коротенькой юбки, подчеркивающей огромный зад. Нужно открыть окно и вырубить кондёр — пусть пропотеет, коровка, а то приятные нотки дизеля, пропитавшего каждый клочок ткани моей колесницы, сменяются приторным запахом её дешёвых духов, которые она явно приобрела у местных цыган, приторговывающих леваком возле метро. Я опускаю стекло, и тёплый воздух подхватывает её крашенные волосы, похожие на маток медной проволоки, и закидывает ей в лицо. Мы смеёмся. Проезжая на скорости “лежачий полицейский”, пепельница грохается на пол и закатывается под сиденье, но мне похуй, сегодня я затушу свой огонёк в пепельнице “подороже”!

Когда я паркуюсь возле подъезда, она становится коленями на сиденье, поворачивается задом к лобовому стеклу и нагибается так, что я и бабки, ворчащие на лавке, видим её трусики, те самые, что были в объявлении. Её тело скользит вглубь салона, она что-то там ищет, водя руками по полу, и вдруг радостно восклицает: — Нашла!

В лифте мы уже сосёмся, в коридоре раздеваемся.

Никакой романтики.

Никакой химии.

Долбят и долбят. Долбят и долбят.

Закончив, я лечу в ванную смыть с себя её липкий пот, а когда выхожу в коридор — охуюваю от увиденного на кухне! И как это я сразу-то не догадался.

Это розовое желе дрыгается на моём стуле и курит тонкую сигарету! Фу! У меня во рту был её язык пропитанный никотином! А это значит, что её кариес теперь появится и на моих белых зубах! Она делает тягу, глядя на меня как ни в чём не бывало, и стряхивает пепел в пепельницу. В ту самую, что я купил!

КУПИЛ ДЛЯ СЕБЯ!

И тут она говорит:

— Пепельницу я тебе дарю, она треснула! А вот за своим бельём я еще вернусь, — и смотрит на меня, прикусив нижнюю губу.

Треснула? Когда это она, мать твою, треснула?

— А может ты и продавала её с трещиной? — кричу я на неё.

— Да нет же, — оправдывается она, — видимо в машине треснула, когда упала. Да что ты вообще несёшь? Тебе не похую на пепельницу?

— Пошла отсюда нахуй!

— Не ори на меня, мудень! — кричит она в ответ. Затем резко подрывается, выбегает из кухни, ныряет в комнату и начинает одеваться.

Трещина разрасталась от маленького скола, появившегося в центре пепельницы. Это точно не произошло в машине. Так и было, и она пыталась меня наебать! Нет уж, сучка, на пять звёзд не рассчитывай! Максимум на три, и то за тёплые сиськи. Так и напишу на сайте. Пока она одевается, я захожу на сайт и оставляю комментарий.

С покрасневшим лицом, она вылетает из комнаты в коридор, натягивает туфли и кричит мне:

— Засунь себе эту пепельницу в сраку, долбаёб! — и дергает ручку входной двери, но та не поддаётся. Нужно повернуть замок, но на это у неё не хватает мозгов.

— Не ломай дверь! — кричу я ей. — И пепельница твоя мне нахуй не нужна!

— Выпусти меня, ублюдок! Иначе я вызову полицию!

Я беру со стола пепельницу, чтобы вернуть хозяйке её мусор. Гольшом топаю по коридору. Хочу открыть замок, как друг, она меня обрывает.

Её искусственный ноготь больно врезается мне в кожу. Она тычет пальцем мне в грудь и говорит с презрением:

— Я подумала, что ты нормальный парень, а ты оказался последним мудаком! Я даже денег у тебя не просила!

Мой внутренний вулкан терпения начинает извержение. От мозга злость бежит по моей руке, вскидывает в воздух ладонь, в которой я держу пепельницу, и со всего маху обрушивает кусок толстого стекла на голову этой истерички.

С конца капает на пол.

Долбит и долбит. Долбит и долбит.

Хрустнув костями своих пальцев, я встаю над телом. Смотрю на его криво выбритый подзатылок, на худую спину, и на оставшуюся руку без указательного пальца. Один его глаз неподвижно уставился на ножку стола, а

другой — погрузился в лужу густой крови, залившей весь пол.

Мне нужно продолжать пилить, так как нормальные пацаны всегда кончают начатое дело! Я беру пару пропитанных кровью книг и подкладываю их под его плечо. Левым коленом становлюсь ему на спину, а правой ступнёй прижимаю руку, чуть ниже плеча, чтобы не дергалась. Из-под холодильника выбегает таракан с длиннущими усищами и с большим белым яйцом, которое вот-вот лопнет, породив на свет еще тысячу таких же рыжих созданий. Таракан замирает, наблюдая, как я беру пилу и начинаю отпиливать руку. Вырывать из сустава я не хочу, ну, уже говорил почему...

Пилю и слышу сквозь дверь, как он снова надрывает свою глотку, крича мне, что в течение получаса вломится в мою квартиру и либо захлопнет наручники на моих руках, либо упакует в чёрный мешок для мусора.

Ну уж нет! Меня вы хрен возьмёте! Знаю я, какая участь уготована моему прекрасному молоденькому телу. После окончания допросов, меня, ещё тёпленьким, отправят прямиком в неумелые руки студентов медицинского университета. Вначале они меня заморозят в жидком азоте, а затем, в вертикальном положении, установят под шлифовальный станок и превратят в кучу пыли. Начнут с головы, закончат пятками. Каждый миллиметр моего стирания будет сопровождаться высококачественной цветной фотографией моего внутреннего устройства: органы, сосуды, кости. Я умру, но обрету вечность в виде сотни гигабайт на жестком диске какого-нибудь древнего компа. Повезёт еще, если меня солью в сеть! Миллиметр за миллиметром вы сможете изучать мой внутренний мир, всего лишь включив опцию — “слайд”. Моё цифровое бессмертие поможет будущим врачам набраться опыта, и не обосраться, когда дело дойдёт до первой операции.

Я сам таким был — студентом. Стирала мы тут одного насильника — любителя подкрасться со спины и врезать камнем по макушке. Он оставлял записки в карманах жертв, и мне как-то довелось одну прочесть. С его телом нам привезли официальный документ, в котором он лично разрешил отдать себя науке. Конечно же, после смерти. Заявление было написано от руки, и почерк заметно отличался от того, что я видел в записке. Тогда мне было похуй; вина его была доказана.

При помощи супер клея, которым мы в детстве унюживались до прихода розового слоника, студенты приклеивают подбородок насильника к его шее, посиневшей от множества удушений. Зачем? Чтобы челюсть не отвалилась, когда сотрут пол головы. Затем приклеивают руки вдоль тела. Зачем? Чтобы не отвалились, когда сотрут плечи. А под конец — приклеивают накаченный силиконом хер к бритой мошонке. Зачем? Чтобы на фотографиях были видны пещеристые тела (Учебник анатомии — раздел: половой член). Миллиметр за миллиметром мы превращаем его тело в пыль. Когда шлифовочная лента доходит до его шишки — все студенты смеются. Стоящая рядом со мной сокурсница облизывает губы, с пристрастием наблюдая за тем, как дрыгается огромный член в момент истирания. Даже представлять боюсь, что она себе там нафантазировала...

Пилить.

Нужно продолжить пилить. Осталась голова. Лысая башка с крохотной дырочкой у виска. Я наклоняюсь и заглядываю в эту дырень как в замочную скважину, и вижу фиолетовый мозг усыпанный осколками черепа и крупинками гречки. Возможно, я переборщил, но он сам виноват! Нехуй было вызывать меня к себе в кабинет, и, на глазах своей секретутки, громко отчитывать, да еще открыто намекать на то, что я, типа, умалишённый! И этой кудрявой кобыле в полупрозрачной рубашке, тоже не стоило шлёпать своими ботоксными губами, посмеиваясь над каждым его словом. Если тебя держат только ради того, чтобы скрыть свои педерастические наклонности — сиди, блядь, и молчи! Но мы-то всё знаем!

Вот вам информация для размышлений. Если у вас проблемы с вашим боссом, он постоянно вами не доволен, и даже хочет уволить — не парьтесь! Проблема не в вас, а в нём. И проблема его в том, что он хочет вас поиметь. Да-да, в буквальном смысле! Прямо в прямом! Прямо взять, и посадить на прямой! Каждый раз, при виде вашей физиономии, он начинает злиться по причине того, что на вас у него стоит покрепче, чем когда он видит свою голую жену привязанную ремнями к постели. Любой бы разозлился! Назло ему отработайте две недели, не торопитесь уходить. Продолжайте маячить возле его носа, и тогда, в порыве умопомрачительной фантазии, дрыгаясь на жене, как собака во сне, из его уст прямиком в женское ухо нежно влетит: — Сашенька!

Или: — Олеженька!

А может даже: — Мишенька!

В подробностях расписать не могу, свечку не держал, но в чём я точно уверен — ему будет полный пиздец! Ага. И его карьере, наверно. Отмазаться от такого будет проблематично. И ладно если он проорёт ей на ухо универсальное имя (как женское, так и мужское). А если нет? То и тебе пиздец! И тогда, только одно — лучшая защита — это нападение! Но не переборщи: на слово отвечай словом, на грязь — ответь какашкой, а на рукоприкладство — пиши заявление в ближайшем отделении, и кури бамбук. Но ты — это ты. А я — это Я!

В тот день босс вызвал меня к себе из-за очередного пустяка. Дёрнул меня, когда я дёргал в туалете после тяжёлой смены, но у меня нихера не получалось из-за водянистых волдырей покрывших всю кожу на ладони. Вообще-то я зашёл почистить кишки, но уже что-то второй день из меня ничего не выходит. Ну и денёк выдался, полный пиздец! Когда я уже готов был извергнуться на белого друга, в дверь туалетной кабинки постучали. Я зарычал, выдохнул струю табачного дыма себе под нос, и вот надо было так — обжог глаз. Зараза! Ну вот как так! Задрали! Только хочешь уединиться, как ты срочно кому-то нужен!

— Курить нельзя! — говорят мне снаружи.

— Нельзя бензин лить в бензобак дизельного фургона! — кричу я своему напарнику — Дрюне — простофиле и конченому отморозку, конец которого уже весь иссох и скоро отвалиться, оставшись разлагаться на потной простынке его мелкой кушетки.

— Отъебись ты уже со своим дизелем! Было один раз! И я не виноват — это заправщик профукал!

Снова оправдывается. Только и знает, что оправдываться. Слабак!

— Профукал ты, когда кассирша тебе назвала вид топлива и сумму, а ты, видать, глаза приковал к её сиськам, и мечтал, как бы тебе между ними просунуть свой мелкий хуй! — и начинаю ржать.

— А ты я смотрю, на продавцов только заглядываешься? С кассиршами не особо любишь попиздеть?!

— С кассиршами я люблю попиздеть на заднем диване фургона! А с продавцами нужно общаться — полезно бывает. Могут подсказать тебе, куда стоит нос сунуть, а где лучше мимо пройти! — и снова начинаю смеяться.

— Ты машину заправил?

— И не только машину!

Дрюня хоть и с придуркой, но парень надёжный! Пару дней назад выдалась нам возможность прижать мажорчиков по полной программе. Сами аж охуели от собственной дерзости.

Значит, паримся мы в пробке на узкой дороге между двух населённых пунктов, недалеко от города. Жара, кондёр включать накладно (дополнительный расход топлива всегда ложится на наши плечи), и тут, из стены пыли, появившейся на обочине, вылетает чёрный Рэнжик (стоимостью как моя двушка) и нагло нас подрезает. Мы сами любим иногда подымить на обочине, особенно когда опаздываем, но это был полный беспредел. Ладно, вклинились как последние пидоры, так еще открыли окно и швырнули банку энергетика в сторону леса. Жестянка еще не успела прижаться к траве, а Дрюня уже покраснел от злости. Затрясся весь, готовый взорваться на месте. А он это может. От него еще разило вчерашним августовским праздником, где он умудрился искупаться в фонтане и погонять приезжих работяг, да так, что в раздевалке все заулюлюкали, увидев глубокий порез от лопаты на его поясище. Топливо еще в Дрюне осталось, и жаждал он его потратить с умом.

Я включаю поворотник и перестраиваюсь в левый ряд, тошню, но чуть быстрее Рэнжика, что и даёт нам возможность выкинуть нашу морду перед ним, да так, что он чуть не улетает в кювет. Ублюдок зажимает бикалку и что-то выкрикивает нам в окно, но нам похую. Похую кто там сидит. Похую, даже если нам дадут пизды — в первый раз что ли? Мы только рады получить дополнительный опыт.

Глушу фургон. Включаю аварийечку. Выходим. Дрюня обходит слева, я — справа. Не успел я подойти к Рэнжику, как водила ринулся открывать дверь, но я был быстрее: ёбнул нагой — она и захлопнулась. Запрыгнул на порожек, и положил локти на дверь, не дав водиле поднять стекло. Дрюня принял такую же позу, словно мы облокотились на подоконник в предвкушении грандиозного события за окном.

Салон у тачки — “бобма”: чёрная кожа, чёрные рояльные вставки, и чёрный потолок из алькантары, который обожают педики всех мастей. Отовсюду веет дорожным парфюмом, который я бы никогда в жизни и не

почувствовал бы, если бы не сложились столь удачно обстоятельства. Запах избранных. Только теперь к нему добавиться лёгкий запах пота. Нашего пота. Так должны пахнуть мужики на работе, пытающиеся вовремя доставить груз до клиента, и сделают это, если им не будут мешать всякие мудозвоны, спешащие побыстрее домой погонять лысого.

— Какого хуя вы... — начинает вопить смугловатый паренёк с блестящими чёрными кудряшками. Аккуратно стриженная борода, колечки на пальцах-сосисках, побрякушки на шее — типичный еврейчик, который съебётся из страны, как только запахнет жареным.

— Как дела, приятель? — обрываю его на полуслове, и заглядываю в салон, поглубже. И БОНУС!

На заднем сиденье, раздетые как шлюхи на трассе, сидят две девчули. Симпатичные худышки с длинными волосами в коротеньких топиках. На одной красная юбка по не балуйся, так и кричит — возьми меня! На второй коротенькие джинсовые шорты, при виде которых моя шишка начинает цвести. Одна попыталась что-то вякнуть, но Дрюня её быстро осадил, громко гавкнув.

— Что вам надо? — собрав яйца в кулак, спрашивает мажорчик.

Сквозь линзы его чёрных “рейбенов” я так и вижу, как он начинает потихоньку пересирать. Он смотрит то на меня, то крутит головой и уставляется на Дрюню, чей вид может напугать любого адекватного человека, повстречавшего его поздней ночью. Дрюня растянул губы, продемонстрировав нам улыбку без пары передних зубов, и почесал нос, показав сбитые в грубые мозоли костяшки.

— Я сейчас вызову полицию, — продолжает мажорчик, выуживая из подстаканника яблочный телефон.

— Вызывай. Но пока они будут ехать, мы успеем пару раз тебя отметелить на глазах твоих тощих коз, — говорю я. — Такое себе будет воспоминание на всю жизнь.

— Мы не козы! — доносится бляение с заднего ряда.

— Тут вы правы! — встречает Дрюня. — Вы — свиньи!

— Чего вам надо? — спрашивает еврейчик, уставившись на меня.

— Я хочу, чтобы все жили как нормальные люди, — говорю я, — поступали по совести. Совершали добрые поступки. Понятно, что это всё мои мечты, но я привык, что мои мечты всегда исполняются. И сегодня я хочу, чтобы твои свиньи убрали за собой.

— Убрали что?

— Говно своё! — встречает Дрюня.

— Я вас не понимаю, — ноет мажорчик.

— А ты у них спроси.

Громко скрипя кожей кресла, он выворачивает своё отъеденное тело в бок, смотрит на своих тощих свиней и спрашивает:

— О каком мусоре он говорит?

Две шлюшки переглянулись, сделали вид, что не врубаются, но потом одна, что по красивее выдаёт:

— Я банку выкинула в окно...

Мажорчик поворачивается ко мне и спрашивает:

— Можешь отойти?

— Зачем?

— Я пойду, подберу эту банку...

— Нет-нет-нет, дружище. Это должна сделать твоя свинка!

Он снова скрипит кожей, поворачиваясь к своим сучкам. Они ему даже рта не дали открыть, как завизжат в две глотки:

— Никуда мы не пойдём! Пошли они нахуй! Им надо, пусть и убирают!

Он снова поворачивается ко мне и говорит:

— Дай я её уберу, тебе что, принципиально? — и пытается открыть дверь. Но я навалился всем весом. Смотрю на него и говорю:

— Принципиально.

Говорю так, чтоб он понял всю серьёзность ситуации, и увильнуть у него никуя не выйдет! Всё, парень, ты попал!

— Катя... — говорит он, но я снова его обрываю.

— Нет-нет-нет! У животного есть название, никаких имён!

— Бля, чуваки, что вы до меня доебались! Не могу я так!

— Тогда сейчас я залезу к тебе в салон, — говорит Дрюня, — и усядусь на задний диван. Прижмусь к твоим свинюшкам, и буду умолять их стянуть с меня штанишки.

— Почему вы мне угрожаете? — завопил еврейчик.

— Хочешь красочных воспоминаний на всю жизнь? Нам то похуй, десять суток за хулиганку и гуляй! Не

первый раз! А ты с этим жить будешь всю жизнь, — и начинаю смеяться. Дрюня подхватывает, наполняя салон едким запахом перегаром.

Мажорчик поворачивается к тёлке. Мы уже все в нетерпении от предстоящего шоу. Барабанная дробь!

— Свин... — начинает он медленно из себя выдавливать.

Дрюня вдруг начинает громко хрюкать, а я быстро подхватываю. ХРЮ-ХРЮ-ХРЮ.

— Пошёл ты, урод, — выдаёт девка, распахивает дверь и выбирается на улицу.

— Вот видишь как, даже не пришлось ничего говорить, — подмечаю я, затем спрашиваю: — Шлюшек на трассе подхватил?

— Нет! — он начинает уже закипать. — Сестра с девушкой.

— А кто из них кто? — спрашивает Дрюня.

— Сзади — сестра.

Парень на взводе, еще чуть-чуть и сорвётся.

— Ну это мы тебе даже одолжение сделали, — продолжает Дрюня, — теперь будешь знать, с какой свиньёй спишь!

Я отхожу от двери, обхожу машину и хочу просто глянуть, чем эта пиздёнка там промышляет. Нагоняю. А она тупо стоит, сложив руки на груди, окидывает взглядом верхушки деревьев и о чём-то усердно думает! Банка валяется у её ног, и я пытаюсь обратить её внимание на столь очевидный факт. Говорю ей, чтоб она нагнулась и подняла. И тут прилетает удар мне в затылок. Пиздец как больно! Меня качнуло в бок, что я чуть не ёбнулся в кювет. Быстро ухожу в бок, оборачиваюсь и вижу еврейчика, прущего на меня как паровоз, лишь дыма из ушей не хватает. Я мог бы уложить его с одного удара, но ему повезло, отчасти. Хотя, может и не повезло.

Из тошнящей в пробке машины, (а мы, на минуточку, перекрыли целую полосу, и никто нам даже слова ни сказал), вылез мужичок средних лет, в клетчатой рубашечке и с седыми усами, и спрашивает:

— Ребят, что случилось?

— Этот пидор на меня напал, — говорю я.

— Да я видел, — говорит мужичек, — у меня видео регистратор всё заснял!

После этих слов еврейчик сразу сдулся. Напрягся лицом. Одним словом — обосрался.

Мужичок подходит ко мне и шепчет:

— Я этих пидоров еще на выезде из города приметил. Выехали на обочку и прут, словно им всё можно. А нам значит сидеть в 30ти градусную жару и их пыль хавать? Уроды! Ты смотри, я всё заснял — там сроком попахивает. Нанесение побоев, все дела. Видео я тебе передам, запиши мой номерок.

— Спасибо! — говорю я. Из кармана спецовки выуживаю блокнот, ручку, и записываю номер.

Мажорчик смотрит на меня, не отрывая глаз. Весь вспотел. Пересрал, наверно, уже трижды. А вот нехуй было нападать со спины, тупое быдло! Теперь точно запахнет жареным. Я бы даже сказал, ЖАРЕВОМ!

Я подхожу к нему и объясняю на пальцах, что он был не прав. Что теперь ему может светить срок. Ну ок, отмажут до исправительных работ, может еще чего, но факт остаётся фактом — это залёт. Залёт такой, что может покачнуть репутацию его семьи. А ему это надо? Конечно нет! Выход есть, простой.

— Дай мне пять минут наедине с твоей подружкой, — предлагаю я ему.

Он смотрит на меня — никакой реакции. Думает. Понимает, что это девка на пару дней, а репутация на всю жизнь! Ну, думай-думай. И что же ты выберешь? Правильно!

Он резко кидает суровый взгляд на свою свинку, подходит к ней. Что у них там было — я всё не слышал, видел только как она начала махать руками, что-то громко выкрикивать, мол я не шлюха и все в этом духе. Вроде, он даже ей денег начал предлагать. Обвинил её в том, что это она сама во всём виновата. Что точно сработало, я не знаю, но девка подошла ко мне и спросила:

— Куда идти?

ЯХУУУУУ!!! Да хоть тут, на травке, среди жучков и дорожной пыли!

— В фургон, — отвечаю я.

Проходя мимо Рэнжика, вижу, что Дрюня уже по пояс влез в оконные проём. Того и гляди усядется на задний диван и подкатит к черноволосенькой, пока тот фуфел трётся на улице, надеясь что всё пройдёт гладко с его киской. Ну и пусть туда лезет, а то еще начнёт преставать ко мне, мол, делись по-братски, все дела. Хрен тебе!

Я открываю боковую дверь фургона и приглашаю милую даму подняться на борт. Когда она переступает порог, я хватаю её за узкую задницу и помогаю запрыгнуть. От вида её растягивающихся шортиков моя шишка набухает так, что еще чуть-чуть и из неё хлынут орешки! Она заходит, я за ней. Захлопываю дверь и включаю свет.

Увидев стены с истёсанной краской, она шепчет: — Какой кошмар...

Увидев голый стальной пол, без какого либо покрытия, она шепчет: — Какой ужас...

Ну и духотища. Пот ручьями льётся по моей спине. Девка тоже вся вспотела, что аж блестит в свете лампы.

— Да всё нормально, — говорю я ей, — не парься!

— И где мы будем... заниматься...

— На полу!

— На полу?

— Сейчас постелю.

Сегодня мы везли тренажёры для новоявленного спортсмена, по этому — картонных коробок было хоть замок строй. Я достаю нож для резки линолеума и отрезаю от коробки большущий кусок, на котором можно смело разместиться втроём, и кладу его на пол, скрыв маслянистые пятна.

— И что, мне лежать на ней? — возмущается свинка.

Лежать?! Кто сказал, что ты будешь лежать?

— Ты будешь стоять!

— Как?

Ни какой химии.

Ни какой романтики.

— РАКОМ!

Она стягивает с себя шорты (трусиков на ней нет!), но полупрозрачный топик, сквозь который я вижу лифчик, оставляет. Я скидываю свой рабочий комбез и оставляю на себе майку, покрытую ореолами влажных пятен от пота. Затем она становится коленями на картонку, открывая передо мной просто великолепную картину, от которой моя шишка начинает дымиться. Я запускаю руку в её рогатку и понимаю, что там сухо как у мумии. Не, ну это полный облом, ТУДА я так просто не попаду. Да и не хочу уже. Если перед вами закрылась дверь, значит, где-то открылась другая. Зайду через чёрный вход.

Я становлюсь перед ней как краб, плюю себе на конец и начинаю примеряться к её узенькой дырочке, но она сразу просекает в чём подвох, и заявляет мне!

— Туда нельзя! — и хмурясь зыркает на меня, словно я изверг какой-то.

Ага, конечно-конечно.

— Это твой друг будет так говорить своим новым друзьям в камере, если мы тут не закончим одно дельце! — жёстко аргументирую я.

Аргумент так аргумент, тут не поспоришь!

Она отводит от меня взгляд и начинает пялиться на изображение улыбающегося мужика застывшего в прыжке на беговой дорожке.

С трудом, но я захожу в туннель и начинаю медленно продвигаться вглубь. Когда всё разработалось — ускоряюсь. Свинка даже начинает подыгрывать, тихо постанывая. Пиздец как узко, как будто я вставил в горлышко бутылки шампанского. Главное не застрять и кожу не содрать, как в тот раз. Капли пота срываются с моего лба и окропляют её блестящую кожу спины. Кожа бледная, без единой родинки или шрама. Гладкая, бархатистая. Мне хочется разорвать взмокший топик, стянуть лифчик и схватить её за волосы как лошадь за гриву. Но это перебор. Лучше ускоряюсь.

Даю еще оборотов, и вдруг понимаю, что фургон начал ходить ходуном. И это начинает меня парить. Я, значит, тут веселюсь во всю, а народ должен охеревать в душной пробке, которую мы слегка усугубили? Ну уж нет. Чуть замедляюсь. Еще медленнее. И вдруг слышу, как свинка, уткнувшись щекой во влажную картонку, с придыханием, сквозь стон, выжимает из себя: — Не замедляйся, быстрее... Быстрее...

Вот это поворот! Как скажете, капитан! Я хватаюсь за её зад, как за штурвал самолёта, и вжимаю газ в пол! Вот так... да... о, да... ДА! Главное фургон на бок не опрокинуть! Ага... теперь так! Еще... еще... ууууф... еще... ДА! ДА! ДА!

Я спускаю молофью в её туннель, но как оказалось — не всю, последняя капля капает с конца на пол. Она смотрит на меня таким довольным взглядом, что и ежу понятно — такого она еще не испытывала. И это не удивительно! Если продолжит тусоваться с такими конченными фуфелами, как тот, что парится на улице, — больше такого и не испытает! Задумайся!

Мы быстро одеваемся, изредка поглядывая друг на друга. Выходим и охуеваем. Такого я не видел ни в одном фильме, ни в одной игре, и даже ни в одной уличной драке, учинённой доставщиками жратвы возле МАКа. Под палящими лучами солнца, Дрюня, как макака, держит в руке полутораметровый дрын — по-видимому, это стебель какого-то растения — и пиздит им по спине нашего мажорчика, когда тот наворачивает круги вокруг своего Рэнжика.

За это мы можем огрести по полной! Я хватаю Дрюню за руку, выхватываю дрын и говорю:

— Всё! Уходим! Быстро в машину!

— Я уже почти уломал его сестричку, — орёт Дрюня, — как он влез и обломал меня!

— В машину!

Мы прыгаем в фургон и быстро съёбываемся. Благо пробка чуть рассосалась и я уже на скорости наблюдаю в

зеркало заднего вида, как наш мажорчик присаживается на корточки возле своей тачки и начинает чесаться. Весь чешется, словно ему под одежду залезли осы и жалят, жалят и жалят.

Растянувшись в довольной улыбке, я спрашиваю у Дрюни:

— Что это за хрень была у тебя в руке?

— Борщевик! — и добавляет: — Чувак, у меня кожа горит, нам бы в аптечку захватить... — и весь чешется.

Ладонь у меня тоже начинает чесаться. И мы едем в аптечку, забив на очередного клиента.

— Тебя босс ищет! — кричит мне Дрюня в сортире. — Уже всех на уши поднял! Так что, ты попку получше подотри, а то у неё будет много работы сегодня! — и начинает смеяться. — Ладно, я пошёл готовиться к смене. Надеюсь машина чистая?

— Ага, чистая! — отвечаю я.

Такая чистая, что ты охуеешь, когда увидишь её.

Волдыри трут кожу моего конца как два надувных шара с тёплой водой и мне приходится закончить, так и не кончив. Ладно, к этому вопросу всегда можно вернуться в любой момент. Было бы желание.

Я не успеваю открыть дверь в кабинет босса, как он уже с порога орёт:

— Какого хуя ты натворил?! Ты хоть понимаешь, что ты наделал? — он напряжён, словно его усадили на электрический стул. В руках его фирменный термос. В кабинете витает смесь из дорогих духов и дешёвых понтов в виде множества бестолковых сертификатов, что увешивают стену за его спиной.

— Нет, — спокойно отвечаю я, пытаюсь убрать стояк в бок (в кармане у меня для этого огромная дыра), который неожиданно обострился при виде целлюлитно-бугристой задницы его секретарши, не умеющей спокойно сидеть на стуле — видимо уже привычка — ворочаться на всём, куда опустила свою жопу.

— Ты, придурок, — надрывается он, — сбил человека и съебался! Я... я... я даже не знаю, что сказать! Нет, ну ты нормальный? — и стучит себя кулаком по лбу, явно на что-то намекая.

Я ж говорил, из-за какого-то пустяка сорвал меня. Могли бы и завтра это обсудить. Ладно, пообщаемся...

— Нормальный, — отвечаю я, пытаюсь заглянуть в глубокое декольте секретарши, когда та сползает со стула на пол, чтобы поднять выпавший из её рук карандаш. Я словно очутился на крыше высоченного небоскрёба, с края которого пытаюсь разглядеть в подробностях две огромные улицы, но чёрный кружевной туман мне мешает. Мне хочется погрузиться в туман и ощупать тёплые дома, решившие от меня спрятаться. Я вглядываюсь внимательнее, но вдруг встречаю её взгляд, плюющий в меня ядом. Ползает у моих ног, как грязная дворняга. Мне так и хочется задрать её короткую юбку, пристроиться по-собачьи, и слиться в долгом замке, пока не скину давление в клапане.

Карандаш подкатился к моим ботинкам, а я даже не дрыгнулся. Пусть сама поднимает, мне не до этого; я пытаюсь уловить смысл тех редких слов, что врываются из звериного крика моего, не на шутку взъерепенившегося босса.

— Ты думал, что мы не заметим разбитую морду машины? Зачем ты уехал? Не отвечай, я тебе помогу, повторяй за мной: Я уехал, потом что... — и крутить ладонь, ожидая, что я закончу за него.

Но единственное, что я сейчас хочу — закончить это фарс и уехать домой.

Пока я молчу, он начинает вращать головой, пытаюсь из меня выудить вразумительное объяснение. Локон чёрных сальных волос, прикрывающий его лысину, скатывается на лоб, и он начинает нервно его поправлять, пробуя зализать обратно. Ну вот зачем так делать — отращивать с боку головы волосы, чтобы ими скрывать отсутствие других волос... Побрейся налысо и ходи с блестящей лысиной! Девочкам нравится — проверено! Как бы я хотел сейчас взять машинку для стрижки волос, снять насадку и побрить его бледную голову. И сбрить брови, чтобы он походил на стрёмного инопланетянина, вылетевшего из чёрной дыр.

— Хорошо! — продолжает он. — Если твоя пустая башка нихера не понимает, я ей помогу: ты ехал через весь город с заляпанным кровью лобовым стеклом! Кусочки мозга застряли в решётке радиатора! В разбитой фаре лежит глаз! И ты, идиотина, берёшь, и напрямик возвращаешься на работу, словно ничего и не случилось! Да? По-твоему это нормально?

Я молчу, но чувствую, как внутри меня начинает закипать кровь на летучем топливе его криков.

Я не собираюсь объяснять этому тупому пидору, почему сбил того ублюдка. Видите ли, ему не понравилось, что во дворе я ехал с небольшим превышением скорости. Тот спортсмен ткнул в меня пальцем и сказал, что это смертельно опасно — гнать через двор на скорости больше 40 км в час. Не представляю, как можно навредить на столь малой скорости, но с уверенностью могу сказать — что на скорости 80 км в час, человек, перебегающий пешеходный переход, влетает в машину как олень на ночной трассе. Как птица в лобовое стекло самолёта заходящего на посадку. Я врубил дворники, выкрутил музон на полную и поехал дальше, не сбавляя оборотов. Машина слегка качнулась, как будто проезжает лежащий полицейский, но я знаю — они тут не установлены.

— Я уже вызвал полицию, — он ставит на стол термос со своим ужином; как правило — гречка с вонючим мясом. Окидывает себя взглядом и, увидев крупитцы гречихи на своей любимой жилетке, начинает их смахивать.

Мне кажется, что мои губы успели побелеть от злости. Адреналин начинает брызгать в мозг короткими струйками, словно из водяного пистолета. И тут происходит экстраординарное событие, ранее такого не происходило, я бы точно запомнил. Он подпрыгивает со своего стула и начинает тыкать в меня пальцем, приговаривая:

— Ну ты и мудака! Ты хоть знаешь, что ты наделал?

В моей голове срывается плотно сжатая пружина и кидает меня на моего босса. Я подлетаю к столу, хватаю термос и со всей силой замахваюсь. Гондон даже ничего не успел сделать, лишь обосрался от моей дерзости, превратившись в глянцевого манекена дешёвой витрины. Даже руки не вскинул, когда его же термос проломил ему череп.

Всё произошло быстро. Бац, и он упал, опрокинув стул. Бац, и его ручная сучка начинает так сильно визжать, что у меня аж уши закладывает. Встала возле меня, прижала ладони к своим побелевшим щекам и орёт как оголтелая, словно случилось что-то страшное. Пришлось её заткнуть.

Я сдёргиваю ремень со своих брюк. Пока она что-то пытается сообразить, кожаный ремень перелетает через её голову и ложится прямоком на её нежную шею. Резким движением я перекрещиваю свои руки и прижимаю сучку к себе. Чувствую, как бьётся её сердце. Чувствую страх, сменивший её благоухание. Она уже хрипит, на гладком лбу проступили жирные вены. Из рта, вытянувшегося в форме овала, брызжет слюна. Она даже не сопротивляется. На секунду мне показалось, что ей нравится. Нравится, когда перекрывают газ. Я укладываю её на пол. Сажусь сверху и продолжаю душить. Она вся дрыгается. Чёрные слёзы текут по щекам, оставляя за собой дорожку из туши. Красная помада испачкала её острый подбородок. Сейчас она напоминает резиновую куклу с застывшим лицом. Я наклоняюсь, чтобы заглянуть ей в глаза, а она тянет ко мне свои грабли. Может, хочет достать мой болт и пуститься в пляс? Я готов! Давай, вытащи его! Но нет... А я уже губу раскатал. Она хватается за мои руки и начинает сдирать с них кожу своим дорогим маникюром. Я сжимаю ремень сильнее, и её ногти ломаются, глубоко застревают в моей коже. Миллиметр за миллиметром ремень туго затягивается на её посиневшей шее. Волдыри лопаются на моей ладони, и белёсый инфильтрат прыскает ей на лицо.

С конца капает на пол.

Долбят и долбят.

Всё, я закончил. Пилу я швыряю в усатого таракана, но тот быстро среагировал, и успел юркнуть под холодильник. Пытаюсь встать, но нога так затекла, что у меня аж в глазах потемнело. Перед носом закружили жирные мухи, загудело в ушах. Видимо давление поднялось. А нехер сидеть на корточках по полчаса!

Я заглядываю в коридор и вижу, что двери уже почти пришёл полный пиздец. У меня мало времени, пора съёбываться... Но куда? Думай... Думай... Есть одна идеяка, может и прокатит! Живём один раз!

Я беру со стола карандаш, упираю его острый конец в спину моего любимого босса, между ребер, и бью по нему ладонью со всего маху, словно я шаолиньский монах забивающий гвозди руками. Получилось отлично сквозное отверстие. Подойдёт!

— Олеся, — говорю я, — выключайся.

— В-ы-к-л-ю-ч-а-ю-с-ь.

А теперь реще-реще-реще!

Долбят и долбят. Долбят и долбят. Долбят...

Входная дверь моей квартиры с грохотом вылетает в коридор, и я слышу, как она обрушивается на мягкий коврик. Затем слышу вопль: ВСЕМ ЛЕЖАТЬ!

Да лежу я, лежу.

Люди в чёрной форме, с автоматами наперевес затекают в квартиру густым маслом и растекаются по комнатам, громко выкрикивая:

— Чисто!

— Чисто!

— Чисто!

Спасибо! Я старался. Люблю поддерживать порядок в квартире. Ух-х-х-х, ну и работёнка меня ждёт после

того как всё закончится. Полы помой, пыль протри, дверь поставь обратно... Забот невпроворот.

Слышу шаги возле ванной комнаты, глухие такие, явно от тяжёлых ботинок. Заскрипела дверь. Пауза. И кто-то кричит:

— Твою мать! Ебаный ублюдок убил его! Срань то какая... — голос юный, с налётом неопытности.

— Ничего тут не трогай! — наставляет второй голос, более мужественный, с хрипотцой. — Оставим это экспертам. Ёб твою мать... чуть не пизданулся!

— Аккуратнее, шеф, тут повсюду кровь. Даже на потолке! А почему нога свисает с края ванны? Не успел отпилить? Мы помешали?

— Да хуй его знает! Что ты меня пытаешь этим? Вот найдёшь его и лично спросишь! Кухню проверил?

— Краем глаза...

— Пойдём, посмотрим. И сколько раз я тебе говорил, не надевай ты светлые вещи на выезд!

— У меня сегодня особый день! И белое мне к лицу.

— Пару синяков будет тебе к лицу, — и начинает смеяться, прерываясь на кашель, — особый день у него...

Надеешься, что она сегодня раздвинет перед тобой свои тощие ножки? Ну-ну...

— Да куда она денется! Думаешь, я спрашивать буду? Впихну так, что еще добавки потребует, сучка...

Шаги уходят на кухню.

Неопытный восклицает:

— Дерьмо мне об штанину, он оставил голову на полу!

— Ты только не блевани тут, — хрипит второй, — Стой! Ты куда?

— Хочу посмотреть...

— Стой тут! Оставь это взрослым дядям, — и снова смеётся, прерываясь на кашель.

— И что ты там хочешь увидеть?

— Хочу понять, чья она!

Раздаётся хлюпанье — видимо, тот, что с хрипотцой, зашёл на кухню, наступая на кровь.

— Аккуратно, — подсказывает неопытный, — не заляпай обувь!

— Мамочка, где же ты раньше была, а? — и снова смеётся, прерываясь на кашель.

Кто-то пробегает вдоль коридора, громко пыхтя. Останавливается у входа на кухню и начинает докладывать:

— Мы никого в квартире не нашли! Пусто, его здесь нет!

— Тогда быстро обыщите все этажи! Ищите следы крови, пятна на стенах... Он не мог съебаться так быстро!

Соседи сказали, что он дома. Во всяком случае, был вчера вечером.

— Хорошо! — тяжёлые шаги торопливо проносятся по коридору и сливаются с другими шагами. Я слышу, как они выходят на лестничную клетку (стены у нас очень тонкие) и разбредаются по всему подъезду; кто вниз, кто вверх.

— И как ты собираешься затащить её к себе домой? — продолжают они светский разговор, как ни в чем не бывало.

— Да как и всех. Секрета особого нет...

— Ну-ка ну-ка, делись!

— Тачка брата, хороший парфюм. Умные слова. Под конец опишу ей свой будничные день во всех красках — нагоню жути, так сказать. Добавлю еще, что чуть не погиб сегодня, ловя эту тварь!

И они оба начинают смеяться.

— Может, меня с собой прихватишь? Расскажем ей, как мы вместе ловили эту мразь, ну, а потом вместе разведем её норки...

— Нет, лучше я один...

— Хорошо, один так один. Ну и духотища же здесь.

— И вонь! Может, включим вентилятор?

— Хочешь провонять с головы до ног?

— Нет. Что ты там забыл, проголодался?

— Я всегда хотел посмотреть, что эти ублюдки хранят в холодильнике. Ёб твою мать! У нас еще одно тело!

— Пиздец!

— Не то слово! Ладно, проверим, что здесь.

— И зачем ты полез в помойку?

— Смотри, у нас тут наркоша оказывается. Ц-И-К-Л-О-Д-О-Л. Пачка пустая. Посмотрим что у нас еще ту Блокнот доставай. Записывай: на столе обнаружен карандаш со следами крови. Рядом рассыпаны трубочки для напитков. Тут же рядом лежит машинка для стрижки волос, с пучком волос, застрявших в насадке. Из-под холодильника виднеется ручка пилы. В раковине валяются книги. Да что, мать его, он тут делал? Псих какой-то...

— Это записывать?

— Знаешь, что я тебе скажу? Это всё поколение беженцев! Они там у себя такого понавидались, что нам и не снилось. Там такой пиздец был. А теперь они выросли, и решили у нас устроить что-то похожее, что-то, чего им не хватает. Вот нормальный человек так поступил бы? Нет! А для них это — НОРМА! Не о какой морали даже не может быть и речи. Многие живут за ширмой нравственности, и исключительно ради того, чтобы устроиться на работу, сходить в магазин — показать, что он нормальный. Ширма падает, и мы видим ЭТО. У них преобладает инстинкт самосохранения. Он движет ими. Всё, что они делают — это защита. Любой диалог для него — защита. Любой физический контакт с человеком — защита. Он говорит нам: “Здравствуйте!” и мы думаем: Какой вежливый молодой человек. Воспитанный! Да хрена с два, вежливый... Когда мы его найдём, я знаю, куда его пристроить...

— К медикам?

— К медикам!

Ну всё! Терпеть моральные унижения я больше не хочу! Хорошим болтом не страшно и резьбу сорвать! Пора действовать.

Свою ногу, которую они приняли за ногу моего босса, я снимаю с края ванны и медленно погружаю под воду. Ванна большая, глубокая, позволила мне разместиться на дне, прикрывшись телом начальника. Делаю глубокий вдох через пластиковую коктейльную трубочку, которую я продел сквозь отверстие в теле сделанное карандашом. Когда я пропихивал трубочку сквозь мясо и кости, в неё попала кровь, которую мне пришлось выдуть в потолок. Но ничего страшного, вкус крови я переживу. Начинаю потихоньку вставать. Кровавая вода каскадом стекает с моей лысой головы, с плеч, с груди и живота. С конца капает на плавающее у моих ног тело, затем я перешагиваю — и уже капает на пол. Я выхожу в коридор, оставляя за собой кровавые следы. Вижу, как в дверном проёме кухни стоит мужчина. Он стоит ко мне спиной, и даже не замечает, как я подхожу к нему вплотную. Я не дышу. Шариковой ручкой он в точности записывает слова своего напарника, внимательно изучающего содержимое моего стола.

— В подставке для ножей не хватает одного ножа. самого длинного. Постой... В пепельнице окуроч. Он тёплый!

Их общение меня тревожит, — и я медленно поднимаю руку, в которой держу нож с длинным лезвием. Стоящий передо мною паренёк коротко стрижен. Солнце просвечивает сквозь его уши, от чего они похожи на покрасневшие листья клёна.

— И что с того? — спрашивает паренёк. — Наш псих курит?

Появившаяся на его затылке капля пота, медленно пробирается по лабиринту жёсткой щетины и исчезает в воротнике его белой майке поло, такой красивой, выглаженной и очень дорогой. Наверное, от него хорошо пахнет, но я боюсь сделать вдох.

Да и неважно это уже...

— А то, что он здесь! — испуганно заявляет старший, кидая взгляд на напарника.

Неважно, каким от тебя пахнет брендом...

— Где?

Неважно, какой фирмы твоя модная одежда...

— ПОЗАДИ ТЕБЯ!

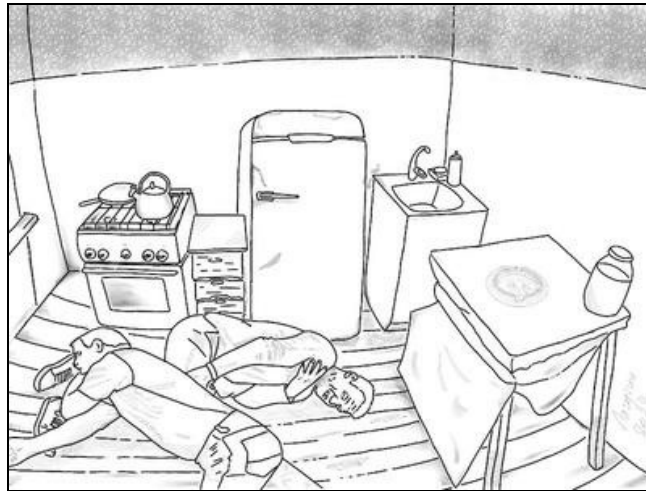
Неважно, в каком европейском городе собирали твои дорогие часы, когда лезвие ножа вылезает из твоей груди, а кровь изо рта заливает белую майку поло, делая её твоим саваном...

Паренек дёрнулся, как от испуга, покачнулся. Я вынул нож и толкнул его в спину. Неуклюже он делает пару шагов, доходит до побледневшего напарника и застывает валиться на него. Тот машинально скидывает руки, ловит своего дружка, но поскользывается на луже крови и валиться на пол. Ну и картина! Голова моего босса прыгает по кухне как мяч на футбольном поле. Брызги крови летят во все стороны: пачкают мои занавески, стол, стены. Мужчина пытается найти точку опоры, упереться туфлями в пол, встать на ладони, но у него ничего не получается — кровь повсюду. Она скользкая. Она мешает. Сейчас он напоминает корову на льду, и мне становится его жалко. После нескольких неудачных попыток, он успокаивается. Замирает.

Держа нож, я захожу на кухню и говорю: — Здравствуйте!

Тонкий слой водянисто-кровоавой смеси, покрывавшей моё тело, ярко поблёскивает в лучах солнца. Никто не кричит, не кричит. Тихая суэта расползается по полу, судорожно кидая в меня свои взгляды. Взгляды не понимая. Взгляды страха. Взгляды бессилия.

С конца капает на пол.

Я выдыхаю. Делаю глубокий вдох.

Хочется включить музыку, закурить, но у меня мало времени. Всё что я могу — это сказать: Олеся, включи KORN, песню “Kiss”. Нужно успеть переодеться, выскочить из дома, сесть за руль МОЕГО фургона и умчаться на край света! Но в начале, нужно кое-кого уговорить.

Что я должен сделать?

Почему эта боль не может пройти?

И я с головой погружаюсь в то,

Что знаю, у меня не получится.

Я подхожу к мужику, беспомощно валяющемуся на моём потрескавшемся линолеуме. Он успел спихнуть с себя напарника, и дрожащими руками начинает что-то искать у себя за пазухой. Его модный голубоватый пиджак, с белой строчкой на швах, измазан кровью. Его идеально выглаженные брюки успели впитать литры багровой жидкости и потемнеть. Он был весь измазан кровью. Чёрные глазёнки уставились на меня, застыв от порыва холодного ужаса. Ужаса, сжавшего его губы тонкой ломанной линией. Сейчас он напоминает мне новорождённого младенца, оставленного на грязном, покрытом тонким слоем пыли ковре, в квартире, чудом уцелевшей после очередного обстрела.

Последнее, что я хотел бы сделать перед тем, как уйти,

Это плакать рядом с тобой!

Плакать и говорить о наших прошедших деньках

Я подхожу к нему, и хочу его только успокоить. Сделать так, чтобы он заткнулся! Прекратил крутиться из стороны в сторону. Прекратил мычать! Просто возьми и замри! ЗАМОЛЧИ, СУКА!

Пожалуйста, ЗАМОЛЧИ!

Но нет, он всё никак не уговорится. Крутится и крутится. И пытается своими ручонками что-то достать. Ну, давай-давай, что там у тебя?

Почему ты всё время меня отталкиваешь?

Почему ты всё время меня отталкиваешь?

Почему ты всё время меня отталкиваешь?

Дуло пистолета уставилось на меня своей чёрной дыркой. Мужик улыбается, типа демонстрируя своё превосходство в сложившейся ситуации.

Ну вот зачем? Зачем ты его достал и тычешь в меня этой елдой? Я же ничего не сделал тебе плохого. Еще...

Громкий выстрел оглушает меня.

Больно не было. Пуля прошла диафрагму, вышла из спины и улетела в зеркало, со звоном разметав его на мелкие крохотные осколки. Голова наполнилась звоном и туман усталости.

Я делаю вдох — не получается. Как будто тёплая вода затекает в мои лёгкие через ноздри. Какое гадкое ранение: воздух, вместо того, чтобы уходить в лёгкие, — уходит в желудок, а кровь — в лёгкие.

Пробую снова сделать вдох — тоже самое, только теперь еще и кровь хлещет из моего рта, заливает живот и капает с конца на пол. Полный пиздец, конечно, но есть одна вещь, которую я очень хочу попробовать. Живём один раз...

Тёплые края раны с лёгкостью впускаю в меня мой указательный палец. Пробую пропихнуть его глубже, хочу потрогать желудок, но вместо этого, расхерачиваю кожу на пальце об раздробленную кость. Вынимаю палец, и струйка густой крови, пузырясь, льётся на пол из моей новой дырки.

Я начинаю хватать воздух ртом, жрать его, как собака жрёт падающие с неба снежинки, и воздух начинает наполнять мой желудок. Наверное, я уже начал краснеть от удушья. Больно. Тело ломит. И тут я внезапно отрываю кровавым фонтаном прямиком на мужика, уставившегося на меня своей довольной гладко выбритой рожей. Кишки скрутило так, что всё то дерьмо, что скопилось во мне за последние пару дней, валится из моей жопы прямиком на мой любимый линолеум, превращаясь в густой молочно-клубничный коктейль. Струи поноса текут по моим ляжкам, пачкают ноги и, попав на линолеум, затекают прямиком под пиджак того мужика. Его смелое лицо быстро искажается отвращением, и он уже не выглядит так как прежде, он уже и сам готов обосраться, залив жижей свои накрахмаленные брюки.

Я начинаю терять сознание. Духотень меня больше не беспокоит, наоборот, очень странно, что в такой жаркий день мне вдруг стало так холодно. Странно. Падаю на колени и заваливаюсь на мужика, продолжающего пялиться на меня своими выпученными глазами. Того и гляди — вывалиться! Мы вместе стонем, и вместе затихаем.

Падаю.

Падаю.

ПАДАЮ!

Улетаю в бесконечность, чувствуя, как отказывают руки, ноги, органы. Я словно проваливаюсь в грязную холодную яму, не имея возможности ухватиться за влажную землю, за корни растений, за пустоту.

Я словно летел в воду с 20ти метровой высоты, прикрыв своё хозяйство руками.

Удар. Несильный, сравнимый с прыжком на батуте.

Внутри всё поднялась, как во время посадки, а потом быстро опало, как при взлёте. Опало к самой заднице, чуть не выскочив из неё со свистом.

Тишина.

Темнота.

На меня накатывает волна тепла, а затем, очень быстро, накатывает волна холода, как будто я валяюсь на надувном матрасе посреди океана, а вредные тучи, плывущие по небу, то скрывают солнце, то снова его обнажают.

Снова тепло. Тепло и очень плотно. Рук и ног я не чувствую, но ощущаю давление, окутывающее моё тело. Я вообще живой? Или попал в преисподнюю, прямиков в котелок грязных чертей?

Пробую открыть глаза — и понимаю, что их нет. Нет даже век. Может их срезали, а глаза забрали сраные черти? Возможно... Я ничего не чувствую. Хотя, что-то есть. Есть продолговатое тело, которое я, вроде, как ощущаю. Ощущаю себя тем самым пальцем, что впихивал в холодный, окоченевший анус. Забавно. А впрочем, не может этого быть! Что-то давит на меня со всех сторон, чуть тёплое, мягкое. Мне нравится это ощущение. Приятное такое. Вокруг меня всё начинает вибрировать, расходясь волнами в разные стороны. Я так и чувствую ширину, частоту, и длину волны. Мне удаётся их понять... Прочитать!

— Смотри, что я принёс! — обрушивается на меня длинная волна в широком диапазоне, и я это всё понимаю, понимаю — что это мужской голос, довольный такой, как будто сделал что-то важное, а на самом деле просто жидко бзднул!

Может нас везут в больницу? Это было бы очень хорошо, а то та новая дырка, что появилась на моём теле, меня беспокоит.

— И что, — говорит женский голос, — я ими должна заниматься?

Наверно, медсестричка. Судя по голосу — симпатичная. Дай мне только прийти в себя, и тогда мы с тобой таким займёмся, что тебе и не снилось. Вот только дырку мою заштопай, и потом можешь смело свою расчехлять!

Снова накатывает ощущение полёта, и меня начинает это пугать. Меня словно охватывает паника. Я не понимаю, что происходит... Что со мной? Голова трещит от избытка сомнений, подсказывающих мне, что нет никакой больницы, что никуда меня не везут! Блядь! Да что за хуйня происходит? Где я? Где, мать вашу, я? А-А-А-А-А! ГДЕ МОЯ ГОЛОВА!

Дышу.

Нет, не дышу.

Кислород насыщает меня, просачиваясь в мой организм через узкие поры на коже. Я чувствую это. И еще чувствую... очень странное и пугающее чувство... Что ТО, что меня окружает, мертво! И я могу последовать следом...

— Хорошо, — ворчит мужчина, — я сам их разделаю!

Кого ты разделаешь и зачем? Может меня? Ну, сука, только попробуй, и тогда я так тебя разделаю, что если кто-то попытается собрать тебя обратно — получится женщина. Дайте мне только разобраться с собой, выбраться из этой западни, и тогда повеселимся, убудудки!

— Мог и не говорить, а просто взять и сделать, — говорит женщина, в стиле последней стервы.

Снова лечу, чуть покачиваясь. Пытаюсь пошевелиться, толкаюсь, пробую двигаться — уже похуй как: взад или

вперед, хоть куда! Но всё без толку. Обволакивающая меня материя словно окаменела. Застыла, став холодной.

Я в ловушке.

— Ну что же, — говорит мужчина, — приступим! — и начинает насвистывать тупую мелодию, от которой у меня сразу же рисуется образ румяного немца с густыми усами; в одной руке у него кружка пива, в другой — сосиска на вилке, и, чередуя возле рта руки, он смачно отплясывает в средневековом пабе. Херня какая-то!

Заткнись!

Пожалуйста, ЗАТКНИСЬ!

— Где мой нож? — спросил мужчина, и сразу же началась суета. Что-то переключают с места на места. Что-то с грохотом падает на пол. Кряхтя, это что-то поднимают, кладут обратно. — Ага, вот ты где! Я же просил, не трогать мои ножи! Хер что найдёшь после тебя!

— А нехера раскидывать где попало! — возмущается женщина. — Да и не трогала я твои тупые железки — ими даже хлеб не порезать!

— Ты не умеешь им пользоваться!

— Это ты своим хером не умеешь пользоваться! — и начинает смеяться. Вот жеж противная баба. Сама, походу дела, не даёт никому, и на мужика всё сваливает. Женщины...

Чувствую, как мужчина опять устраивает возню. Усаживается на стул, который начинает натужно скрипеть. Сейчас гляди так и развалится под его задом. Огромным, наверно. Затем появляется странный свист, монотонно повторяющийся. Я пытаюсь сосредоточиться. Хочу разобрать звуки, и у меня получается выудить из облака шума лязг металла. До меня доходит — он точит нож. Смачно харкает на камень и снова точит.

— Пап! — вдруг раздаётся голос мальчика. — Что сегодня на ужин?

— Иди, сам глянь.

— Рыба? — недовольным тоном спрашивает мальчуган. — Опять?

— А ты что хотел, крольчатины?

— Да!

— Ну, вот иди и поймай. Я в твоём возрасте...

— Что? — взревела женщина. — В его возрасте тебе бабка жопу вытирала лопухами! А твой сын уже сам голубей ловит!

— Не лезь в мужской разговор!

— Я куда хочу, туда и лезу!

— Вот и лезь к себе, а не...

— Вот и лезу! Кто-то ведь не в состоянии! — женщина что-то швыряет с силой и раздаётся звук битой посуды.

— Побереги посуду, — говорит мужчина, — не тебе её лепить.

— А ты попробуй слепить не из говна, видать и не будет биться о гнилые деревяшки.

Напряжённая тишина, повисшая в воздухе, вдруг лопнула, пронзённая голосом мальчика, полного энтузиазма:

— Пап, давай отрубим ей голову!

— На, держи. Руби!

— Ого, какой нож тяжёлый!

— Прицелься... так, хорошо... подними руки и бей!

Так, что там происходит? Куда целится мелкий пиздюк? Как-то всё странно, словно я рыба, но дохлая! Тогда почему я живой. Вернее, почему моё сознание живо? А что, если я попробую вспомнить что-то из прошлого. Освежу память, так сказать.

Так... так... так...

Плыву. Нерест. У меня горит в одном месте, как у подростка на Семенович. Икра. Всюду икра, которую я должен оплодотворить быстрее всех! Вода уже начала затягиваться белёсым туманом молокой других рыб, но я буду первым! Ага, так, вырываюсь из тумана. Подстраиваюсь к ковру из икры, устлавший каменное дно реки. Ооо... Хорошо... О... Да-да... Спускаю...

Миссия выполнена!

Нужно пожрать. Нужно срочно что-то сожрать, иначе, прямо тут лягу на дно, и буду смотреть, как другие спускают на икру, еще и меня в придачу заливая. О, червячок! Ай, сука, моя губа! Что? Крючок? Бляха-муха, ТУПАЯ Я РЫБИНА! Попалась... Одно радуется — вижу, что не я одна такая тупая. Пытаюсь дышать, работаю жабрами, но мне словно газ перекрыли, и я погружаюсь в тёплый мокрый сон. Засыпаю. Но почему сознание живо?

— Ты готов бить? — спрашивает мужчина.

— Да!

— Бей!

Н-е-е-е-т! Мои яйца!

Глухой удар. Лезвие ножа вонзилось в деревянную поверхность. Чувствую, как всё вокруг меня дёрнулось и... и никуда... Я по-прежнему живой.

— Молодец, сынок, точно по жабрам. Теперь смотри: вставляй лезвие сюда, ага, и веди вдоль пуза до самого хвоста. Нет! От себя, иначе отхреначишь палец и что тогда?

— Роже приделает его обратно! — мальчик радостно засмеялся.

— А если не приделает? Если у неё не получится?

— Получится! Я видел, как она отрубленные ноги сращивала...

Роже? Сращивала ноги? Где я? Кто я, мать вашу?!

Чувствую, как всё вокруг меня пришло в движение. Меня чуть сдавливает.

— Молодец! — восклицаем мужчина, — теперь надо выпотрошить.

Кого? Меня?! Вы там что, с ума все посходили? Отпустите меня! Меня нельзя потрошить! А хотя, уже похуй.

— Давай, — продолжает мужчина, — засовывай пальцы, хватай всё, что там нащупаешь и резко дёргай!

— Фу-у-у-у, — стонет малец, — там так противно и мокро!

Это ты еще в пихву свои ручонки не вставлял. Вот где противно и мокро, но не всегда. Бывает очень даже приятно!

— Тяни, давай! — кричит мужчина. — Тяни!

Вокруг меня всё зашевелилось. Чувствую, как меня резко сдавило. Сжало как в лифте, битком набитом офисными менеджерами. Высвечивается 11й этаж, открываются двери и потный жирдяй, похожий на грушу, впихивается в лифт, вжимая меня с дюжиной коробок в стену. Рукой до кнопок он достать, конечно же, не может, и мы все слышим: — Нажмите, пожалуйста, 12й этаж.

12 этаж! Ты серьёзно! Повышенный холестерин убьёт тебя на лестнице, если ты попробуешь подняться, хотя бы на один этаж? Ну, уж нет! Этот беспредел я так просто не оставлю. Если я его не остановлю, он так и будет пихать своё пузо всем под нос.

Когда он выходит на 12 м этаже, я, выталкиваю всех из лифта, так как мне надо вытащить клиентские посылки, и иду следом. Шаркаю по темно-голубому ковровину, стараясь не отстать, но коробки так и норовят выскочить из моих рук. Одной это удаётся сделать, и пока я её поднимал, толстяк нырнул в сортир. Ну нахер эти коробки с дешёвым дерьмом, пусть тут ждут! Оставив картонную пирамиду возле двери туалета, я быстро окидываю коридор взглядом — всё чисто, желающих отлить больше нет — и захожу следом.

Внутри меня встречает чистота и блеск, заботливо наведённые руками азиатских приезжих. Чёрный пол, белые стены. Яркий свет газовых ламп ровно ложится на ряд белых писсуаров, между которых стоит бесформенное тело, спустив штаны до колен. Он кладёт руки на пояс, и струя мочи бьёт в блестящий писсуар, разбрызгивая мелкие капли во все стороны. Я терпеливо жду, но терпения нет. Начинаю насвистывать, включаю воду в раковине. Трусь возле него, сложив руки на груди. Короче, делаю всё, чтобы он прекратил ссать и внимательно меня выслушал. Наконец, он меня замечает. Хватается за брюки, окропленные множеством мелких капель. Застёгивая пуговицу, он смотрит на меня с таким тупым выражением, что я не выдерживаю и заявляю ему:

— Ты — слабак, который не в состоянии подняться по лестнице всего один этаж!

— Приятель, — довольно спокойно говорит он, застёгивая ширинку, — иди на хуй. Как хочу, так и поднимаюсь.

Охуевшая скотина по имени Константин, если верить его бейджу (бывают дни, мы с Дрюней меняемся нашими для прикола) начинает неуклюже застёгивать ремень, пытаюсь попасть в самую крайнюю дырку, но слегка обсосанные пальцы ему не особо помогают.

— Константин, — говорю я, — сейчас подниматься ты будешь на хую, если продолжишь разговаривать со мной в таком стиле. Я же с добрыми намерениями, понимаешь?

— Свои благие намерения вот так сдави, — тут он подносит свою ладонь отдающую мочевиной к моему лицу и начинает своими пальцами сжимать воздух до размера песчинки, — и засунь себе в задний проход.

Его указательный палец с идеально подстриженным ногтем, с белой окантовкой, блестящий, как свежий лак на тачке, начинает тыкаться мне в грудь, как тычется конец его ремня мне в ногу, который он так и не осилил застегнуть. Каждый тычок подобен удару ножа в моё сердце! Я же хотел как лучше! Зачем? Зачем ты так?!

— Сейчас ты выйдешь, — говорит он, — и наебенишь вниз по лестнице, а я спокойно спущусь следом, но на лифте. Понял? — под жирными щеками появилось подобие улыбки, он даже прыснул, пытаюсь засмеяться, но вдруг весь искривился, согнулся в три погибели и застонал.

Нормально я так заехал ему по шарам. Хотел еще раз, но зашли другие офисные зассанцы. Взяв толстяка под руку, мы вышли из туалета. Дошли до пожарной лестнице и уже вместе — он катаясь как мяч, а я его пиная как футболист в атаке на ворота — спустились на первый этаж.

— Нам нужно вернуться за коробками, — говорю я ему, — вставай!

Он что-то болезненно промычал, схватился за перила, но встать не смог.

— Вставай! У меня доставка горит, я не могу опаздывать, понимаешь? Я всегда успеваю в срок. Я — профессионал!

С трудом, но мы начали покорение “Эвереста”. Я думал, он помрёт на девятом этаже. Но нет! Он смог подняться на одиннадцатый и уже там двинуть кони. Вначале захрипел, затем посинел, потом споткнулся, перевернулся на спину и начал жадно хватать воздух ртом. И замер, выпучив язык. Наверно, действительно избыток холестерина его погубил. Так и остался там лежать, в обмоченных брюках.

Меня снова с силой сжало и накрыло мужской вибрацией, громко кричащей:

— Ну, сынок, тяни!

Я физически ощущаю как теплые, мягкие пальцы паренька обхватывают холодные внутренности рыбы, и, с громким чавканьем, вырывают их наружу. Опа. Я вырываюсь вместе с ними. Вот это поворот.

Что же получается: теперь я — остывший орган? Сердце, желудок, или кишки?

— Какая мерзость! — кричит пацан, брезгливо. — Все руки испачкал. И одежду.

— А ты как думал? Хотел выпотрошить рыбку, не испачкав труселей?

— Юрис! — строго процедила женщина сквозь зубы. — Чему ты учишь сына?

— Он — пацан! — взревел мужик. — Пора уже и руки замарать, и к девкам приставать!

Вот это я понимаю батя! С таким воспитанием пацан не пропадёт. Это точно.

— Пап, я уже пристаю к Роже!

— Как? Гулять зовёшь на речку?

— Ага! И она ходит со мной, и мы гоняем птиц на берегу, кидая в них палки!

— Молодец какой, гоняет он птиц на берегу. Я бы на твоём месте, кинул бы палку...

— Юрис! — снова недовольно пробурчала женщина.

— Ладно-ладно. Отто, собери всё в ведёрко, и пойдёшь на улицу, выкини в яму. Пусть птицы попируют.

Чувствую, как меня сдавило со всей силой, что аж говно сейчас хлынет через рот. Только вот вопрос: есть ли у меня рот? И говно — есть ли оно?

— Пап, смотри! — брезгливо кинул пацан.

— Что это? — мужик вскочил со стула, приблизился. — А ну ка, подай мне нож со стола, мне тоже интересно, что это там шевелится в рыбьих кишках!

— Может, мне тоже каждый раз брать нож, — говорит женщина, — когда у тебя начинает шевелиться? — и начинает ехидно хохотать.

— Пап, можно я сам разрежу?

— Режь! Да ёпты! От себя! Дай, я сам достану...

— Пап, я сам хочу!

— Хорошо...

Вначале я почувствовал заскорузлое прикосновение к своей плоти, словно колючий свитер надели на мокрое тело, а потом тепло приятной волной разлилось по моему телу.

— Ого! — воскликнул пацан. — Мам, смотри, червячок! Беленький, я таких раньше не видал...

ЧЕРВЯЧОК?! Кто? Я? Бляяяя... Быть этого не может... Я же был тупой рыбиной, брызжащей семенем на икру. Парень, ты точно ошибся, я — продолговатый мозг рыбы, иначе чем я могу думать? Стоп, а у рыбы есть продолговатый мозг? У рыбы вообще есть мозги? А-А-А-А-А!!! Если я сейчас же не успокоюсь — сойду с ума, и похуй на то, что я давно уже пересёк эту черту безумия! Нужно успокоиться.

Всё нормально!

Всё хорошо!

Пробую пошевелить хоть чем-нибудь — и получаю сигнал в мозг, если это можно назвать мозгом. Тело ответило. Начинаю двигаться. Что ж греха таить — я извиваюсь как змея. Пиздец! Пацан не обманул, я — червячок...

— Пап, смотри как он умеет... Фу-у-у-у-у...

— Сожгите эту мерзость, — брезгливо завопила женщина, — брось в костёр!

Баба, ты ошалела? Какой, найди, костёр? Дай только добраться до тебя, и сама узнаешь, что такое быть охваченной пламенем! Падла, отпусти меня! Да бля, кому говорю!

— Опа, — сказал мужик, — и во второй рыбе такой же. Может, это новый вид паразитов? Или рыба заплыла не здешняя. Так я и думал, что на вершинах чёрте что творится. С ихним там колдовством, срака-наха. Потравят

нас, сволочи, потравят! Хотя... — мужик заходил из стороны в сторону, остановился. — Гретта, может, пожарим их, попробуем на вкус? Если их породило колдовство, так может, и мы... Ну что ты глазёнки вылупила? Ну, хорошо-хорошо, я всё понял. Сынок, иди, выкини всё в яму.

Да, пацан, выкини меня в яму, а там я не пропаду, найду, как выбраться.

— Хорошо, пап!

Да, хорошо, пап, мы пойдём, прогуляемся и я спокойненько съебусь от вас. От сюда.

Пацан зашагал прочь, оставив спорящих родителей где-то позади. К ощущению полёта я уже начал привыкать. Тёплый ветерок обдувал мою кожу, а возможно это было и дыхание мальчика, решившего меня разглядеть поближе.

Глаза, мне нужны глаза. Нихуя не вижу. Крот и то больше видит в своей земляной дырке. Но ведь когда я был рыбиной — я всё видел. Странно. Ну ладно, хорошо еще что могу шевелиться, уже что-то. Чувствуешь ноги — чувствуешь свободу. Осталось только почувствовать землю. Бетон или асфальт. Можно почву. Не ногами, но хоть своим телом, напоминающим грязный шнурок от кроссовки.

Жрать!

Как же хочется жрать...

Меня вдруг резко дёрнуло, потом как скрутило! В прямом смысле. Скрутило в пружину.

— Выбрасывать я тебя не буду, — шепчет мальчуган, судя по всему, обращаясь ко мне, — намотаю на палку и Роже покажу!

Кому? Да кто, мать твою, это Роже? Вообще, что ЭТО? Так, пацан, кончай уже прикалываться, тебе что отец сказал! Идём к яме. Выкинешь меня и пиздуй на все четыре стороны к своей Роже! И кстати, выкини меня так, чтобы мне понравилось! Слышишь меня?!

ПАЦАН! Ну, куда же ты побежал? Рядом зашуршала трава, захлюпала мокрая почва. Тёплый ветерок снова скользнул по моему тонкому тельцу.

— Роже! — кричит шкет. — Роже, смотри, что у меня есть!

— Фу-у-у-у-у! — с отвращением тянет девичий голосок, юный, но уже не девчачий. Девка явно старше парня. — Что это у тебя за сопля на палке?

Просто охуенно. Теперь я — сопля. Вроде достаточно, но можно и продолжить. Может мне уже кто-то наверняка скажет — что я такое? Намёка будет достаточно, но не такого стрёмного, как мне довелось сейчас услышать. Нет? Больше никаких ремарок? Желających нет? Короче, надо уматывать. До свидания!

Пытаюсь пошевелиться, выпрямиться, слезть с палки.

— Твоя сопля живая? — спрашивает девчонка.

— Ага! Давай разведём костёр и поджарим его! А?

Опять костёр. Может, хватит уже пытаться меня поджарить, а? Это я должен всех жарить! Грубо и с наслаждением!

— Я это есть не буду!

Молодец, хорошая девочка. Осталось донести твою здравую мысль до тупого пиздюка, не отдающему отчёт своим действиям!

— Вот вы вредные девчонки, — напрягся пацан, — боитесь в рот брать, даже не зная, какой он на вкус!

Малец, это ты сейчас выдал просто на пять. Но знай, не все девчонки бояться, есть такие, что целиком заглотят! У тебя всё еще впереди. Потерпи.

— Вот и пробуй.

— Вот и попробую. Папа сказал, что он волшебный! Я его съем и получу его силу. Стану как ты. А может даже сильнее!

— И умнее...

— И умнее!

— Хорошо, — говорит девочка, — пойдём за дом, наберём веток, а уголёк я из печи принесу. Попробуем приготовить твою соплю.

Девчонка, судя по голосу, та еще сучка, вечно гребущая под себя. Свой зад никогда не подставит. А зачем? Есть же другие. Пусть они проникают в заброшенные квартиры, рыщут по шкафчикам, ищут, чем можно разжиться. Загоняют так, что будешь жалеть о том дне, когда подошёл к ней и предложил дружбу. Роже, мне бы посмотреть на твою рожу...

— Пошли, — довольно воскликнул пацан.

Пытаюсь двигаться — и чувствую сухую шершавую палку, на которую меня намотали как пружину. Чувствую трещины, кусочки кары, врезавшиеся в моё мягкое тело. И хрупкое. Но это не точно. Если я — червячок, то раздавить меня можно и пальцем, но я смутно припоминаю из уроков биологии, что в природе есть определённый вид червей, которых и ударом молотка не раздавить. Надеюсь, я такой.

Снова предпринимаю попытки ощутить своё тело, осознать — где конец, а где начало. Пробую и так, и сяк —

двигается всё тело, как мускул, сокращающийся под напряжением. Но мне так не нужно, мне нужно по отдельности! А если так попробовать... снова не выходит, только туже стянул палку. ЗАРАЗА!

Надо расслабиться. Выдохнуть. И бзднуть. Но, как и через что? Текс, попробуем еще, главное не сдаваться! Пробую... так... Вроде получается — чувствую конец тела! Чувствую дырку, которую могу сжать-разжать. Это что же получается, у меня есть анус! Уже что-то.

Идём выше. Медленно поднимаемся, пытаюсь почувствовать каждую клетку, каждый миллиметр моего тела. Выше! Выше! Бля, какой-же я длинный. Тощий и длинный. А конец? Где мой конец?! Ну, я имею ввиду, заканчивается ли моё тело головой или я бесконечный, а разум, независимо от тела, путешествует внутри мозга, находящегося хуй знает где?

— Так, — говорит пацан, — куда бы тебя пристроить? Ага, пока тут подожди, а я сейчас веток притащу.

Чувствую, как палка, на которую я накручен, вонзается в рыхлую землю. Это хорошо — у меня есть время. Продолжаю изучать своё тело, как подросток, увидевший первый лобковый волос. Что тут у меня еще есть? Интересно... Каждый раз, когда я сокращаюсь и задеваю ЭТИМ местом о палку, я ощущаю некую форму наслаждения, которое можно испытать расчёсывая зудящий укус комара на ступне. Или, когда передёргиваешь, стоя у унитаза. Попробуем еще... Ооо... еще... Еще!!! Ух, да! Да! Хорошо то как... ДА-ДА! ТРИСЬ! ТРИСЬ! Главное в кровь не разодрать мой новый нерв. А, пох! Еще... еще... ТРИСЬ! Интересно, девка смотрит на меня! Наверно, глаз не может оторвать. Ну, ничего страшного, смотри, мне не жалко. Я как медведь, тру шкуру о кору дерева. Как бульдог, елозящий опухшей жопой о чистый ковёр. Только не отвлекайте меня! Не отвлекайте...

Ух-да... Ощущения сродни холодной струйки воздуха, бьющей в тебя из кондиционера во время адской жары. ТРИСЬ! Еще... Ооо... еще... Да... да-а-а-а-а...

Фух, это было просто офигенно!

ЖРАТЬ!

Голод как внутримышечный укол, впрыскивается в мозг так болезненно, что хочется кричать и дёргаться! Завыть, сдавив булки. Больно и неприятно! А самое отвратительное — неожиданно.

Чем я занимаюсь... У меня вообще инстинкт самосохранения присутствует? Алло! Ты где? Всё нормально, я его чувствую. Он есть! Возможно, он то и побудил меня повеселиться с сухой палкой, иначе как объяснить густую слизь, вытекающую из моих пор. Да так обильно, что палка уже давно не сухая, а влажная. Даже скользкая! И вдруг, это случилось: мой кончик, то есть хвост, то есть задний конец тела, беспрепятственно болтается из стороны в сторону! Пробую отвести его в сторону, подальше от палки, — есть! Получилось!

— Отто! — кричит девчонка. — Ты набрал веток?

Отто? Пха! Ну и имечко у тебя, паренёк. Европейское?

— Собираю! — кричит в ответ Отто.

— Тогда я несу уголь!

— Неси!

Надо торопиться, иначе окажусь жареной закуской маленького гурмана, не побрезгавшего даже склизким, извивающимся червём. Любопытно, что он еще мог себе в рот положить, когда родителей нет рядом? Ладно Я: ел песок, жевал траву, грыз тараканов, проглотил саранчу. Чтобы утолить жажду — лизал лёд, покрывший окоченевшее тело соседки (её неудачно откинуло взрывной волной в единственно сохранившийся водослив крыши, далее пожар, снег растаял и начал литься струйкой на останки). Мне сказали, что так вода слаще, и не обманули. Я смотрел ей в глаза и лизал. Лизал и лизал. Такой вот леденец из разлагающегося тела.

Но жрать червей — никогда! Фу, мерзость. Хотя, был у меня друг, который после дождя собирал доверху алюминиевые банки скользкими созданиями. Вечером заварит дождевую водичку в баночке, накидает червяков, что пожирнее, и растягивался в сытой улыбке, наслаждаясь вкусом мяса. С его слов я понял то, что вкус можно сравнить с куриным бульоном, в который, вместо соли и перца, сыпали пепел и залу. Вкуснятина, особенно когда ничего не жрёшь уже третий день к ряду.

С хвоста капает на пол.

Отвожу хвост в сторону и чувствую, как моё влажное тельце начинает скользить вниз, к земле. Вращаясь вокруг палки, начинаю раскручиваться. Голова кружиться.оборот. Еще оборот. Расслабив тело, я соскакиваю с палки на сухую землю, и покрываюсь весь песком. Новые ощущения тут как тут: вибрации, исходящие от земли, проносятся лёгкими уколами тока сквозь меня, и я словно вижу. Нет, не наяву. Словно на меня давит со всех сторон, но с переменным давлением; где-то сильно, где-то послабее. Ощущаю, как в паре метров от меня суетиться пацан, поднимая с земли ветки. Новая порция вибрации, и я ощущаю, как к нам бежит девчонка.

— Отто! — кричит она взволнованно. — Где твой червячок?

У меня в штанах! Ладно, я шучу. Надо быстро съёбывать, пока не засекали. Песок и листья, валяющиеся на земле, налипают на меня как цыгане на Черкизоне, затрудняя мои движения. Я, вроде, ползу, а вроде перекатываюсь, потом извиваюсь как змея. И как двигаться правильно — я не знаю!

— Червячок! — зовёт меня пацан, а затем делает паузу, ожидая, когда я ему отвечу. — Ты куда пропал?

— Поди проглотил его, пока я уходила? — с издёвкой спрашивает девчонка у сопляка.

— Я? Зачем? Я искал ветки, как ты и сказал!

Парень, не оправдывайся, у баб всегда своя правда. Ты всё равно не прав, даже когда дважды прав. А если позволяешь себе сказать “как ты и сказала”, то уже всё, яйки твои у неё в руках, и крутить она ими будет как захочет. Иди, повесь их на гвоздь, и займись настоящим делом! Нехер шастать по кустам в поисках приключений.

— Давай в траве поищем, — предлагает парень.

Девчонка громко фыркает, явно не довольная тем, что он облажался, но мне-то уже похеру на ваши траблы. Извиваясь, я ускользаю из рук двух малолетних живодёров, но куда ползу — хер его знает. Что точно знаю — ползу подальше от вибрационных волн, испускаемые двумя детьми. Глаз у меня нет — это уже точно. А нужны они мне? Если чуть-чуть приноровиться, то и руки с ногами не понадобятся. А вот что точно сейчас нужно — это пожрать! Пиздец как хочу жрать...

— Отто, смотри, ворона с ветки спрыгнула в кусты!

После этих слов, сказанных с какой-то обречённостью, я ощутил нахлынувшие на меня волны от объекта, припавший к земле совсем рядом. Ворона... И что она хочет? Может, она прогуливается? Или решила на меня взглянуть? Да и чего это я так напрягся, подумаешь — ворона! Я ей не интересен. Она, поди, вон насекомых ищет, может кусочек мяса где учуяла, или червячка земляного увидала. Я ей точно не интересен. Ага... Ползём дальше.

— Она хочет съесть моего червячка! — завопил пацан. — А ну брысь!

Волны топота и волны робких, крохотных прыжков, двинулись на меня со всех сторон. Я оказался в эпицентре. Я оказался на острове в момент землетрясения!

5 баллов.

7 баллов.

9 баллов.

Пошёл резкий подъём. Опять внутри всё сжало уже который раз за день! Вдруг резкое ускорение, тряска и покачивание из стороны в сторону, как в тот день, когда нас эвакуировали из города на вертолёт.

Металлический пол был залит кровью и усеян стреляными гильзами от автомата. Вокруг кричали женщины, мужчины. Истошно ревел новорожденный ребёнок на руках старухи, которая заботливо его завернула в клетчатую рубаху. Возле наших ног, на носилках, лежало тело. Без рук, без ног. Осталась голова с зелёными глазами, смотрящими на меня сквозь морфиновую пустоту. Кровь сочилась сквозь его одежду, пропитывая всё вокруг. Тонкая струйка затекла маме под ботинок, и она задрала ноги. Человек был жив. Накачанный всем, чем только можно, он держался из последних сил, но дух его почти уже испустился.

Стоявший рядом мужчина в военной форме достал шприц, присел на колени возле носилок. Окинул тело взглядом. И, выдохнув, сказал:

— Всё... больше я нихуя не могу сделать, братан... — и вколол.

Зелёные глаза моргнули. Затем еще раз, но медленнее. И на третий раз веки застыли где-то не середине, оставив видимыми белки глаз.

Из кабины пилота высунулся мужчина в шлеме, похожем на аквариум. Найдя взглядом того, что сделал укол, он спрашивает у него:

— Успели?

— Нет...

— Взлетаем?

— Да...

Мужчина с пустым шприцем в руке выпрямился. Пробежался глазами по головам пассажиров. Завидев меня, он убрал шприц, и начал стягивать силиконовые перчатки. Они были как вторая кожа, от которой он вдруг захотел избавиться. Защитный слой, пропитанный чужой кровью, больше ему не был нужен. Он хотел сделать что-то полезное. Помочь тем, кто в помощи не нуждался. Перчатка со шлепком слетает с его ладони, выбрасывая в воздух облачко пыли из талька. Тальк медленно оседает на пол, оседает на застывшей улыбке зеленоглазого паренька, как снег оседает на его ресницах. И даже, когда его лицо исчезает под куском брезента, тальк продолжает оседать, свертываясь в кровавые комочки.

Мужчина переступает через тело. Подходит ко мне, садится на колени. Его лицо переполняет грусть, но завидев меня — он начинает улыбаться. Его ладонь скользит в небольшой подсумок на его бедре и выуживает из него CD плеер с наушниками, напоминающими девчачий ободок.

— На вот, надень, — говорит он. — Тебе понравится. Это самый охуенный припев, который только могли сочинить!

Мачехе было абсолютно похуй на происходящее.

Два красных поролоновых диска прижимаются к мои маленьким ушам.

Вертолёт сильно затрясло.

Мужчина нажимает кнопку “PLAY” на плеере.

Вертолёт начинает взлетать, и я слышу голос пацана:

Мои слезы, моя печаль...

Мои грезы — это тихий рояль...

Мои слезы, моя печаль...

Мои грезы — это тихий рояль...

С хвоста капает на пол.

— Отто! — вопит девка. — Ворона схватила нашего червячка!

— Стой! — кричит парень. — Стой!

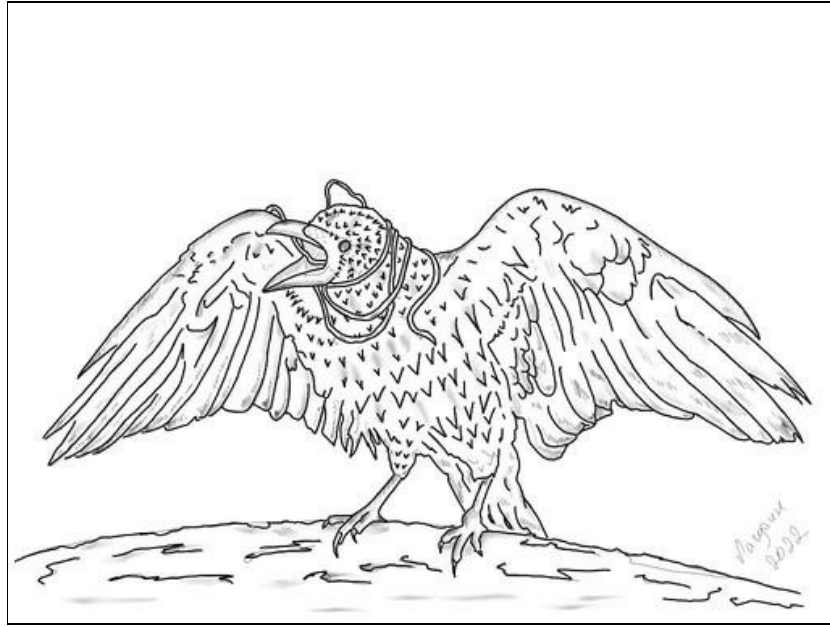
А-А-А БЛЯ! Что происходит? Чувствую, как костлявые пальцы... нет, скорее даже голые кости, сжимают меня, болтая во все стороны! Прекратите! Так, а это что? Что-то влажное и шершавое трётся о мою кожу, затем пытается свернуть в комочек, как соплю, обвивает меня, обдав теплом. И влажно. Здесь влажно как в тропиках. Отчасти, мне даже приятно. Продолжай лизать меня... Ой, не так сильно, мне больно!

Вдруг стало тесно. Очень тесно! Так тесно, что как будто меня сложили гармошкой и пнули в спину, а я радостный дурачок лечу вниз внутри узкой горки похожей на трубу, даже не понимая в какой жопе оказался!

— Нет! — с трудом слышу крики пацана. — Она сожрала моего червячка! Тупая ты птица!

Мои слезы, моя печаль...

Мои грезы — это тихий рояль...

Меня сожрала птица? Вот это поворот. Не успел появиться на свет, как тут же стал лёгкой закуской. Не подавись, птичка!

И спасибо, что без боли, без мучений, без расчленёнки! Был бы я на твоём месте — покрошил бы на мелкие кусочки, а потом, с наслаждением, насаживал бы их на вилку и ел. Но птица не я, она тупая, заглотила целиком, даже не насладившись моей вкусной плотью.

Но мне всё равно приятно, словно я очутился у себя дома в тёплой постели. На меня наваливается дюжина потных пышек и трутся своими тёплыми сиськами о моё лицо, тело. Опускаются ниже, щекоча меня своими кончиками волос. Ниже — и кто-то щекочет мои волосатые ляжки, тянет пальцы к прибору. Какие жадные баба! Одна схватилась за мой рычаг со всей силой и начинает тянуть! Тянет и тянет! Их пот течёт тонкими струями, быстро меня увлажняя. Он липкий и густой. И в какой-то момент моя кожа начинает гореть! Пот обжигает, как огонь или кислота!

Да что происходит, мать вашу!

До меня начинает доходить: я проскочил через плотку, и сейчас нахожусь в желудке. Полностью погрузился в желудочную кислоту, бултыхаясь в ней, как тонущая собака в бассейне, пытающаяся удержать голову на поверхности. Как жжётся! Это невыносимо. Долго я так не протяну, надо что-то делать! А что? Выйти как зашёл? Можно попробовать выйти через задний проход, но успею ли я... Может попробовать методику, которая уже спасла меня один раз? Похуй, живём один раз!

Начинаю тереться обо всё, что меня окружает, представляя жирных голых тёток. Вот я одной закладываю под складку жира, вот другой пихаю между сочных, бугристых булок в тот момент, когда третья толстуха чешет мне спинку своими длинными коготками. Ага... вот так... уххх... как хорошо то... ТРИСЬ! ТРИСЬ!

Жжение быстро проходит. Сработало. Я словно обильно пропотел, но это явно другое. Бедная птичка: получит несварение из-за моей слизи, но в этом она сама виновата — надо думать, что тянешь в рот с пола. Одну проблему решили, теперь надо выбираться отсюда нахой! На ум приходит только одна идея — своей слизью заполнить весь птичий желудок, заставив тем самым пернатую отрыгнуть. Отрыгнуть так, чтобы и меня нахер отсюда вынесло. Выкинуло взрывной волной.

Погнали...

Фантазия взрывается яркими красками, освещая глубокие участки памяти. То я лезу на пышек, то они ложатся на меня, расплющивая в блин. Но я всё равно остаюсь царем горы! Ловко вылезаю из-под мягких мясистых мешков и карабкаюсь на вершину, хватаясь за жирные сиськи, к которым так и хочется присосаться, но я мужественно выношу данное испытание, стремясь только к цели. Хватаюсь за длинные волосы, болтающиеся канатами. Хватаюсь за ягодицы.

ЖРАТЬ!

ДА БЛЯТЬ!

ТРУСЬ! ТРУСЬ! У меня всё получится...

ЖРАТЬ!

ЗАТКНИСЬ! ТЫ отвлекаешь меня! Я не смогу спустить, если постоянно буду думать о еде!

Трусь-трус, — и нифига не выходит. И дело не то чтобы в чувстве голода, воющем волком в моей голове, дело совсем в другом. Дело в молофье, которая тупо у меня закончилась. Её больше нет! Моей слизи нет. Источник высох. Запасы были потрачены во имя спасения, а не во имя невероятного удовольствия!

Н-е-е-е-е-е-е-т!

До меня доходит, что голод и мои выделения тесно связаны. Связаны на прямую. И мне придётся что-то сожрать, иначе я сварюсь заживо!

Где взять еду, находясь в едком болоте медленно переваривающим тебя заживо? Ответим себе на один простой вопрос: куда из желудка уходит переваренная еда? Правильно! В кишки! Значит и нам надо в кишки. Вот надо было так угораздить...

Начинаю двигаться, извиваться. Пробую нащупать стенки желудка и уже по ним спуститься к пилорическому сфинктеру. Я как в комнате без света, пытаюсь нащупать на стене выключатель, водя рукой по шербатым обоям, но попадаю пальцем в розетку. Дырка кусается, но это единственный выход. Иначе никак. Просовываю голову в мягкую дырку, слегка её расшатывая, чтобы пройти без проблем, и начинаю полное погружение. Ага, вот оно — тонкая кишка. Нужно целиком разместиться и оценить ситуацию. Но что-то мне подсказывает, что тут будет заебись. Переваренная мягкая пища, вода, тепло окружающее меня со всех сторон. Что еще надо для комфортной жизни? Тут мы и поселимся.

Странно, то ли началась деграция, то ли еще чего, но я начинаю думать как примитивный организм. Но бля, тут так комфортно, что я просто готов визжать от радости! Тут действительно так комфорта, что на ум приходит красивый рекламный слоган: Комфортно и сухо и толстый-толстый слой шоколада, вот и всё, что для жизни мне надо! Конечно, здесь далеко не сухо, скорее влажно и душно, как в тесном подвале. И этот запах...

Смрад пронизывает мои органы осязания, возвращая мой разум в детство, где мы две недели прятались в подвале, не выходя на свет. Две недели тело дяди Пети медленно гнило в углу на грязном матрасе. Его жена — тётя Валя — не подпускала никого к мужу, кто пытался его вытащить наружу, но даже когда женщины смогли силком оттащить её в сторону — вход в подвал завалило и все осознали свою обречённость.

Первую неделю еще было терпимо, а вот на вторую начался суший ад. Запах пота смешивался с запахом гнили и фекалий, и мне казалось, что кто-то запикивает мне в глотку два пальца, пытаюсь там что-то нащупать. Собрав все скисшие овощи, мы обложили тело дяди Пети с головы до ног, пытаюсь хоть как-то заглушить запах. Помогло. На время. Наваленное на тело бельё пропиталось соком трупного перегноя и дало течь. Струйка кислого сока быстро приближалась к жилой части подвала, и кто знает, чем всё закончилось бы, не откопай нас жильцы соседних домов. В последние дни многие уже не замечали блевотного запаха. И когда вышли наружу — тоже ничего не замечали, даже дуновение свежего ветерка. Запаха горячей еды. Чтобы не травмировать организм, мозг отключил обоняние, и эта особенность всех нас устроила.

Вот и сейчас, особенность моего существования меня более чем устраивает. Мне нравится! А больше всего, меня привлекает горячий шоколад, окутавший меня со всех сторон. Я углубляюсь в него и начинаю жрать. Присасываюсь как пиявка и начинаю сосать соки, предназначенные для птицы. Не переживай, пернатая, я не жадный — оставлю тебе чуть-чуть.

С хвоста капает на стенки кишок.

Я уже привык к ускорению, и уже понимаю, что птица где-то уселась. Сидит себе спокойно и смотрит с издевкой на детей, упустивших вкусняшку прямо из-под носа.

Когда я жру, внутри моей головы просыпается необузданное желание, объяснить которое я не могу, но оно сравнимо с тем, что я испытывал на той сухой палке. Может действительно — так работает инстинкт самосохранения? Мне хочется двигаться, тереться... тереться... тереться...

Тереться и жрать.

И я трусь.

И жру.

Трус о касающуюся меня слизистую, о мягкий шоколад, обдающий меня теплом. Извиваюсь и трусь. Ага... отлично... да-да... ох как хорошо... ТРИСЬ! Ооооо... пошла волна! Моё тело изрыгает скользкую слизь во все стороны, заполняя пустоты в кишках птицы. Она сочиться из моих узких отверстий, покрывая меня тонкой плёнкой, защищающей меня от агрессивной среды организма, в котором я поселился. Откуда я это знаю?

Почувствовал...

ЖРАТЬ!

Белая вспышка больно обжигает мозг, практически отключая моё сознание!

Бац, и еще одна вспышка. Мне становится дурно. Начинает тошнить.

Да что происходит?!

Вспышка. На секунду в мозгу всплывает картинка густого зелёного леса.

Вспышка, и я вижу колышущуюся листву перед своим носом. Носом? Нет, скорее, это похоже на... Клюв?

ЖРАТЬ!

Да что, мать его, происходит?!

Вспышка, и я начинаю чувствовать. Слышу запах. Запах зелени и наисвежайшего воздуха, несущего различные нотки окружающей среды.

Происходящее чем-то напоминает выход из наркоза. Ты открываешь глаза, медленно хлопаешь веками, видишь свет и сразу же пробуешь пошевелить руками, затем кончиками пальцев, которые тебе чуть не оторвало разорвавшейся рядом гранатой. Ты их чувствуешь. Шевелишь и улыбаешься. Шевелишь и видишь, как чёрные крылья вытягиваются из твоих плеч с обеих сторон.

Какого хера? Пробую помахать — и, мать их, машется! Они машут! Ядрён батон! Болт мне в клоаку закрути!

Я, мать вашу, машу крыльями! Оп-оп... Вдох-выдох.

— К-а-а-а-а-р!

Ёпты, это я сказал?

— К-а-а-а-а-р!

Я!

А зрение у меня — это полный пиздец! Я вижу всё. На одной стороне крыла я вижу, как ветер шевелит листьями, а на другой — зелёную гусеницу, ползущую в узенькой прожилке древесной коры.

ЖРАТЬ!

ДА БЛЯТЬ! Бьёт по голове тяжёлым молотом. Хорошо-хорошо, жрать так жрать.

Ноги? А что у меня там?

Опускаю голову и бью себя клювом по мягкой груди, покрытой чёрными, переливающимися на солнце стальным отливом перьями. Больно, блин. И ничего не видно. Я как толстяк, не видящий своих причиндалов, но он хотя бы может их потрогать, а что я могу сделать своими перьями? Лишь пощекотать себя...

Поворачиваю голову в бок. Хлопаю глазёнками, пытаюсь сфокусироваться на ветке, на которой сижу. Картинка становится чётче. Опускаю глаза ниже, и вот они — тёмно-синие, покрытые грубой кожей как у динозавра, лапища, с длиннющими когтями. Опаньки, а на этой лапе не хватает одного пальца! И на второй тоже одного нет! Что за херня!

ЖРАТЬ!

Да-да, где наш маленький друг? Ага, попался!

Нацеливаюсь на гусеницу и начинаю медленно к ней семенить. Крыльями помогаю себе держать равновесие, но чувствую, что могу сделать только хуже, в конце концов, я не цирковой акробат, балансирующий на канате. В памяти всплывают фрагменты из научных программ про животных, где ведущий Дроздов протягивал мне невидимую руку и отводил меня в невероятный мир, в котором птицы при помощи одного прыжка могли приблизиться к добыче, и клювом, словно ножом, пронзить тушку или схватить насекомое, прятывшееся в коре дерева.

Попробуем.

Я отталкиваюсь от ветки. Взрываюсь в воздух. И срываюсь, улетаю нахуй к земле.

Бьюсь о ветку, затем еще об одну. Больно... еще ветка... снова больно... Но при всём при том, ощущения падения нет. Как будто шагаю себе по дороге, не боясь, что меня к херам сметёт машина; всё легко, в любой момент я могу сойти на обочину. И схожу.

Я тупо вскидываю крылья и начинаю ими махать, вопя во всю глотку:

— К-а-а-а-а-р!

Плюхаюсь на мягкую траву, никак себе не навредив. Везёт птицам! Пробую встать. Так, теперь надо пройтись, попробовать — как это! Поднимаю шершавую лапу без среднего пальца, как вдруг, в моё сознание вырывается седобородый Дроздов и орёт мне в лицо:

— Вороны не ходят! Они прыгают, тупая ты башка!

Ясно, спасибо! Но постой секунду, что ты делаешь в моей голове?

— Я — плод твоей большой фантазии, вызванный защитити тебя от собственного безумия, готового поглотить тебя с головой. Не каждый день выпадает возможно ощутить себя червячком, птицей... И вот этот список пока нужно притормозить. Понимаешь?

Ну, ты и пизданул, я никуя не понял!

— Просто, прыгай, имбецил!

Делаю прыжок в бок. Вроде ничего сложного. Еще один прыжок. Терпимо, но мне кажется, что я похож на мартышку, только я не руками упираюсь в землю, а крыльями. Тупость! Почему ворону нельзя ходить? Кто сказал? Природа? Пошла она в жопу! Живём один раз...

Делаю шаг. Топ. Топ. Топаю как солдат на параде, и, вроде, всё получается. Ну и что он гонит — ворон может ходить, только это выглядит со стороны, словно я пьянствовал пару дней беспробудно. И ничего страшного, ноги

дорогу домой найдут всегда! И крылья!

ЖРАТЬ!

Точно!

Вскинув огромные чёрные крылья, начинаю ими махать. Присаживаюсь. И вместе с взмахом крыльев отталкиваюсь. Взлетаю, и меня сразу же накрывает чувство контролируемого ускорения, которое нельзя сравнить с бегом, скорее подойдёт езда на мотоцикле, где ручкой газа ты можешь быстро ускориться, а ручкой тормоза — затормозить. И именно эта резкость ощущается с каждым взмахом крыльев.

Кайф.

Газ, тормоз.

Газ, тормоз.

Вернувшись на ту самую ветку, начинаю искать сочную зелёную закуску, блуждающую в трухлявых туннелях. Вращаю головой на 360 градусов: обалдеть, вот это обзор! Маленький глист, ты от меня не скроешься!

Вижу его! Засёк... Спрятался в коре, забился в узкую щёлку, и думает, что его никто не заметит! Ну уж нет, дружище, тут ты облажался по полной программе.

Подхожу... Протягиваю пальцы, пробуя достать червячка чёрными когтями, но возникает непреодолимая трудность в виду того, что на одной лапе у меня не хватает среднего пальца, а на другой — указательного. Пробую и так и сяк, и ни хера не получается. Это как писать левой рукой заявление на отпуск перед бухгалтершей, считающей тебя немного умственно отсталым.

Тем временем, сочная гусеница манит меня как сокурница!

Дроздов, где же ты! Ты мне так сейчас нужен... Как никогда раньше... я так хочу жрать... Помоги!

— Ну а хер тебе на что?

Он вернулся!

— Хер? — спрашиваю я, немного прихуев.

— Да, клюв!

— А-а-а-а! Клюв! А какой именно? Вроде, у меня их два.

— Один! — авторитетно заявляет Дроздов. — У ворон монокулярное зрение. Закрой один глаз, и осмотрись, не поворачивая головой.

Ох, ёпти! Вот это кайф...

Вижу край клюва, ствол дерева, даже ветку, на которой сижу. И самое главное, вижу червячка. Целью, как дротиком в дартсе. Бросок — мимо! Еще попытка. Это не так просто, как кажется. Открыв оба глаза, снова вижу два клюва: один слева, другой справа — напоминает прыщ, вскочивший на кончике носа, а вы всё никак к нему не привыкните. Но тут я вижу не просто прыщ. Я вижу стальную рельсу, тянущуюся до самого горизонта, и тем самым скрывая от меня долгожданную жарчку.

Возле червяка появилось пару отметин от моего клюва, и я уже мог примерно прикинуть, куда нужно бить. Поправка на неопытность — пару щелчков вправо, как на снайперском прицеле. И я бью. Промах!

Один щелчок влево — и я снова бью. И попадаю!

Хватаю мелкого засранца, зажав в клюве. Задираю голову, открываю ключ, и чувствую, как в плотку проваливается долгожданная пища. Глотаю целиком. Нет вкуса. Нет наслаждения. Я словно откусил кусок пустоты, и мне еще хочется! Мало! Стало только хуже...

Я ХОЧУ БОЛЬШЕ!

— К-а-а-а-а-р!

В приступе голодного безумия, я начинаю дергать головой, пытаюсь хоть что-нибудь заметить. Смотрю влево. Смотрю вправо.

Вверх.

Вниз.

И замечаю ворона, похожего на меня как две капли воды: огромный и чёрный. Я смотрю на него. Он на меня. Мы крутим головами. Мы понимаем друг друга. Через какое-то время, он говорит:

— К-а-а-а-а-р!

И я ему отвечаю:

— К-а-а-а-а-р!

Мы замечаем голубя, подбирающего крупички какого-то дерьма на выпученных корнях дуба, на котором сидит мой новый приятель. Ворон резко дёргает головой, а я, с пониманием, дергаю ему в ответ. Он говорит мне, что один не справится. Голубь увидит его, когда тот будет планировать с дуба, и улетит. Эти крысы очень быстрые и зоркие. Мы придумываем план: вместе мы спрыгнем на голубя, но полетим не на него, а рядом. Попробуем окружить, а когда он дёрнется — выбор у него будет не велик: или ко мне, или к приятелю.

Мы прыгаем. Проскочив сквозь ветки, я распускаю крылья. Мы быстро приближаемся, и я вижу, как голубь

резко дёргается, взмахивает крыльями, и пытается дать дёру от меня.

Попался, голубчик. Взлетев на пару метров от земли, крыло голубя угодило в лапище моего приятеля: острые когти сжались как зубы волка, продырявив плоть насквозь. По инерции голубь дёрнулся в бок, замахал крыльями, выкидывая в воздух перья, но под весом ворона, рухнул на землю. Я быстро подлетел и ударом своего клюва проламываю его хрупкий череп. Приятель бьёт — и клювом попадает ему прямо в глаз.

Я бью в мясистую грудь. Еще удар. Тёплая кровь пачкает мой клюв, мои перья. Сейчас со стороны я напоминаю аиста марабу, чья голова постоянно покрыта множеством слоёв застывшей крови.

Еще удар, — и я вырываю кусок плоти вместе с лёгким, что смог ухватить. Запрокидываю голову. Тёплое мясо валится мне в глотку. Мой приятель делает тоже самое.

Мои костлявые губы хватают горячие кишки и выхватывают их наружу. Вырывают из тушки, брызгая кровью. Я пытаюсь их проглотить, но замечаю, что их конец у приятеля в клюве. Кишки как сочная макаронина, пропитанная томатным соусом, растянулась между двух изголодавшихся птиц. Мы словно на соревнованиях по перетягиванию каната, тянем на себя что есть силы, стараясь захватить кусок посочнее. Тянем и тянем. Тянем и тянем. Кишки рвутся, окропляя всё вокруг тёплой кровью. Капли попадают на зелёную траву, на жучков, решивших поживиться нашей добычей, на землю, вспаханную нашими черными лапами.

Но нам мало...

По очереди, мы продолжаем вонзать наши головы в растерзанное тело, наслаждаясь каждым ударом. Каждый удар успокаивает назойливый голос, сверлящий твой мозг тонким сверлом под названием — “жрать”.

Мы запрокидываем головы и бьём.

ЖРАТЬ!

Я жру...

ЖРАТЬ!

Я жру! ЖРУ! Но ему всё мало. Он не затихает! Не умолкает!

Заткнись! **ПОЖАЛУЙСТА, ЗАТКНИСЬ!**

От голубя уже ничего не осталось, а голос продолжает мне насаждать, пытаюсь заставить меня вернуться к охоте.

С клюва капает на рыхлую землю.

И я возвращаюсь.

Еще не вся кровь голубя стекла с моего клюва на землю, а я уже жадно окидывал взглядом зелёный лес, в надежде найти новую жертву. Ворон, что стоял одной лапой на вывернутых рёбрах голубя, а второй — вжимал его голову в землю, закрыл глаза, вскинул клюв и начал, как мне показалось, принюхиваться. Я поступил также; закрыв глаза, начал крутить головой. Втягивал воздух. Не знаю, на что я рассчитывал, но это не похоже на то, когда ты в лесу принюхиваешься и засекаешь запах шашлыка, пива. То, что сейчас испытал я, было другое. Тонкой струйкой, как дымок из сигареты, запах огибал деревья, пронизывал воздух, и окутывал меня и моего приятеля. Мне было видно, откуда именно он струится. Он был узенькой дорожкой тянущейся ко мне из-за деревьев. Совсем рядом. Запах гадкий, противный, но мне нравится. Не мне лично, а вороне, чей мозг кричит от радости, что там что-то съедобное, питательное, и способное заткнуть ГОЛОС в моей голове!

Кстати, тот червячок, что не так давно очутился у меня в желудке, уже возле меня. Я его чувствую. Он тёплый, сочный. Он мой! Я помогаю ему быстрее протиснуться к моей голове, и как только он оказывается совсем рядом, я присасываюсь к нему и начинаю сосать соки. Сладкие, вкусные соки утоляющие голод, но лишь мой. Как всё сложно. Мне не только нужно себя кормить, но еще и это троплодита ненасытного! Я имею в виду птицу. Ну, хотя ладно. Сыт он — сыт и я.

Нет! Я поступаю неправильно! Оставляю червячка вороне, а сам дождусь вкусного свежего мяса бедного голубка. И когда оно поступит ко мне на стол, вот тогда я попирую. Ладно, нужно насытить ворону, иначе она так и будет дрыгаться марионеткой на нитях различных запахов.

Расправив крылья, делаю взмах и сразу же отталкиваюсь от земли. Взлетаю. Сажусь на ветку и начинаю глядеться, пытаюсь высмотреть источник запаха. Ага, маршрут построен!

Расправив крылья, спрыгиваю с ветки и лечу. Планирую сквозь деревья, искусно маневрируя между толстых и тонких веток, переплетённых в подобие сетчатого забора. Главное в этом деле — крылья не пообрубать. И не сломать. Я складываю крылья вдоль тела и проношусь сквозь очередную преграду, слегка задев ветку головой. Она лишь чиркнула, но я чувствую, как мои вены наполняются адреналином, и мне хочется еще. Еще и еще!

Мне нравится. Мне нравится чувство полёта, азарт, с которым я проношусь над землёй. Ничего подобного я никогда не испытывал! Я словно пилот истребителя, проносящийся над пылающим домом. Главное не катапультироваться на лету, когда кишки забьются мясом.

Мимо пронеслось дерево. Еще одно. Вот показался просвет, опушка леса. Я вылетаю на зелёную поляну, усыпанную маленькими розоватыми цветами. Поодаль виднеется деревня, к которой и ведёт меня дорожка запаха. Видимо, ворон туда уже прилетал, учуяв целый букет запахов, но, почему-то, переключился на меня, на скользкого червяка в куче песка. Неужели от меня так вкусно пахнет? Нет... Всё куда банальнее! Это судьба!

Какая же жара. Черные перья магнитом притягивают к себе солнечные лучи. И если бы не встречные потоки ветра, охлаждающие меня со всех сторон, поджарился бы я как курочка на гриле, что крутиться на вертеле в подсобке у таджиков.

Вот показались первые домишки, выложенные из толстых серых брёвен, утянутые листвою вьюна. Из деревянных крыш торчат печные трубы. Из некоторых валит дым.

Оставив поляну позади, я пролетаю над пыльной дорогой, рубящей деревню пополам, и усаживаюсь на крышу первого же дома. Люди, напоминающие своим видом облаченных в серое тряпье крестьян вырвавшихся из времён крепостного права, неторопливо расхаживают вдоль дороги. У кого плетёная корзинка болтается у ног, у кого деревянное ведёрко, а у кого и коза на привязи. Деревня так деревня. И куда я попал? За 100 километров от МКАДа? Фонарных столбов нет. Линий электропередач нет. Дальше я даже боюсь заглядывать! Зато у каждого дома есть двор, наполненный густой грязью и бляением животных. Да тут грязь повсюду! Я сразу и не заметил, но она и на дороге, просто присыпана тонким слоем пыли, что поднимает ветерок, прибегающий сюда с вершин скалистых гор, прячущих свои макушки в густых облаках, похожих на белёсый дым из выхлопухи. Красота!

Закрыв глаза, снова пытаюсь учуять запах, успевший смешаться с другими, не менее привлекательными запахами, выходящие из каждого двора. Придётся быть избирательнее. И с этой крыши не разглядеть что и откуда. Нужно выше. Нужно подняться над деревней.

Расправив крылья, я взлетаю.

Выше.

И вот сотня крыш рассыпалась мелкими квадратиками по земле.

Выше!

Деревня сливается в одно пятно.

К-а-а-а-р!

Блядь! Слишком высоко! Аж поплохело... Так, спокойствие. Медленно опускаемся и делаем круг. А как

кружить-то? Пробую одно крыло поднять — не получается, воздушный поток держит его как тиски. Можно сложить крылья... Ага, и камнем полететь вниз. Нет. Думай-думай. Еще чуть-чуть и улечу нахер из деревни. Как вариант — приземлиться, развернуться, потоптавшись по земле, и снова полететь в деревню. Но это пиздец как тупо. Я же не тупой голубь, УР-УР-УР! Я — ворон!

Вот засада, крыльями можно или вместе махать или вообще не махать! А, ладно, мимо так мимо!

— Зачем мимо? — кричит Дроздов, ворвавшись с двух ног в моё сознание. — Выпустить шасси!

Шасси? Старый, ты совсем уже поехал?

— Лапы, дебил, используй лапы! И хвост!

Точно! У меня же есть хвост!

Расправив хвост как веер, и поджав его под себя, я притормаживаю. Снижаюсь и даю круг. УРА! Окидываю деревню взглядом. Закрываю глаза, запомнив, где и что. Нужный мне запах тянется от дома, что совсем недалеко от меня. Притормозив, начинаю пикировать, а когда остаётся до крыши дома пару метров, вскидываю крылья и с грохотом в неё впечатываюсь. Бьюсь прямо грудью о деревяшку, оставив на ней клювом и когтями неглубокие царапины. Больно, сука... Отскочив от крыши, снова вскидываю крылья, делаю прыжок. Затем еще один. И вот я стою, вонзив когти в доску.

Мелкими шажками иду на мычание коровы и хрюканье свиньи. Подхожу к краю крыши и вижу во внутреннем дворе дома что-то похожее на мини ферму: стойло на шесть голов, курятник. Всё это разместилось на ковре блестящей грязи, перемешанной с лепёхами навоза. Я отсекаю ненужные мне запахи, и вижу тот самый, уходящий в угол невысокого забора, у подножья которого стоит деревянный ящик накрытый крышкой из тонких досок. Охереть, теперь я не только слышу вонь с закрытыми глазами, но и могу видеть её воочию! Там где крышка ящика слегка сдвинута в бок, виднеется щель, из которой вырываются расплывчатые языки смрада, как жар от огня, и тучи мух. Конвекция тухлятины в природе.

Слетаю с крыши и планирую к тому самому ящику. Сажусь на краешек. Оглядываюсь. Людей рядом нет, а на животных мне похую. Главное не запалиться, я, вроде как, на чужой территории. Так, а теперь займёмся грабежом.

Заглядываю в тёмную щель, манящую меня как чисто выбритая пихва сочной блондинки. И вижу красно-синюю субстанцию похожую на желе, что тоже как у блондинки.

Ф-у-у-у-у-у! Всё облепили мухи, жужжание стоит как над трупом двух недельной давности, что оставили на солнце. Но, выглядит вкусно! И сочно! А этот запах, м-м-м!

Мои чёрные веки закрываются, чтобы мухи в глаза не лезли. Щербатый клюв, испачканный засохшей кровью, я целиком вонзаю в студенистое содержание ящика. Это что-то мясистое, свежее. Еще тёплое. Тряся головой, я вырываю себе кусок от общей массы и пытаюсь его проглотить, целиком и так жадно, словно это последний кусок мяса в моей жизни. Проглатываю и сразу лезу обратно, за новой порцией! Вонзаю клюв и жру. Вонзаю и жру! Смотрящая на меня сквозь гнилые доски корова, у которой там, где должны быть рёбра — коричневая корка, напоминающая засохшую кровь с застрявшими в ней мухами, начинает громко ссать, заливая брызгами свои ноги и стену стойла. Рядом хрюкает свинка. А я жру.

ЖРУ!

Неистовое удовольствие охватывает моё тело, мой птичий разум. Новая еда, попадая в желудок, вытесняет в кишки слегка переваренную старую пищу, чему я только рад. Я ждал её. Она уже возле меня, приперла к стенкам кишок и умоляет меня, чтобы я к ней присосался. Прямо как та сорокапятилетняя баба, что вжала меня в стену на пятом этаже грязной “хрущёвки”; я всего лишь дотащил тяжёлый короб до дверей её квартиры. Никогда не отказывайте женщинам!

Я присасываюсь и сосу.

Просовываю голову поглубже и сосу.

Из моего ануса вылетает что-то со свистом и размазывается белой кляксой о доску забора.

Голос, призывающий жрать, умолк. Молчит и Дроздов. А это значит, что всё охуительно!

Можно еще полакомиться, впрок. Мало ли что... Но всё же, меня мучает один вопрос — что это за божественная еда, оставленная тут без присмотра?

Похер! Жрём, пока дают! Вставляю клюв в пахучий фарш и вдруг слышу знакомый голос:

— Роже, смотри, — кричит пиздюк, — эта та гадкая птица! Папа не для тебя собирает потроха и отходы!

Зря ты это сказал... Весь аппетит отбил, маленький паразит! Хорошо, что я успел наесться. И зачем ты, так ярно размахивая руками, бежишь на меня?

Облачённый в серую льняную рубаху и покрытые жирными пятнами штаны из мешковины, пухлый паренёк лет десяти с дебильной стрижкой под горшок, выскочил из двери и ломанулся ко мне, погружая свои голые ступни по щиколотку в грязь.

Хлюп-хлюп-хлюп.

— Отто, это обычная ворона! — говорит ему девчонка.

— Нет! Эта та самая! Я запомнил её по лапам — на них нет палец! Кыш! Пошла вон!

Я отпрыгиваю как кузнечик, затем еще раз, пока не упираюсь в забор. Блин, подстава. Надо выбираться! Не то чтобы я испугался, он от мысли, что я только что погружал своё лицо... морду... клюв в рыбины потроха и жрал неизвестно что, мне захотелось блевануть. Видели хоть раз птицу, блюющую на асфальт? Нет? Ну вот и не увидите! Жрачка была отменная! Или всё же гадость... Я запугался!

Рыжий паренёк, тот, что Отто, схватил кривую ветку, зачем-то стоящую возле стойла, и, подняв её над головой как меч, побежал на меня. Он широко открыл рот и кричит:

— А ну пошла прочь!

Маленький засранец! Хер тебе! И не таких кабанов раскидывал по углам!

Ветка со свистом врзается в моё маленькое тельце — и это пиздец как больно! Искры хлынули из глаз, из жопы, из клюва. Ударом меня смахнуло с ящика на землю, погрузив в тёплую грязь.

— К-а-а-а-а-р!

Бля, как больно!

Повезло, что еще по голове не попал. Но я вижу, что парень сам охуевает от происходящего. Возможно, ему даже жалко меня. Да, так оно и бывает. Впервые врзав кому-то, сразу же становиться его жаль. Стыдно за свою силу, за своё превосходство. Но после второго, а тем более третьего удара ножом — становиться похер. Хочется бить и бить. И уже не важно — кто перед тобой!

— Ты видела? — кричит пацан без малейшего сожаления, — Я попал! Сейчас добыю летучую крысу!

Ах ты поганец! Какая я тебе крыса!

Он подскакивает ко мне, замахивается, а я только и думаю, как бы съебаться отсюда. Дрын паренёк практически охуячивает меня, но тонкие ветки, торчащие во все стороны, врзаются в землю вокруг меня и срабатывают как пружины. Кусок дерева лишь слегка коснулся моих перьев, как тут же отскочил на место, и полетел в воздух, готовясь к новому удару.

Пора!

— К-а-а-а-а-а-р!

Я быстро вскакиваю, вскидываю крылья, испачканные липкой грязью, и начинаю ими яро махать, рассчитывая, что это хоть как-то напугает пиздюка. Но ему похер. Он снова опускает руку с длинной палкой.

Страхнув грязь, я почувствовал лёгкость в крыльях, словно сняли оковы, скинули кандалы. Новый взмах и вот я уже оторвался на полтора метра от земли, как раз на уровне лица пиздюка. Ветка проносится в миллиметре от моего клюва и с чавканьем погружается в грязь.

Пацан, ты промазал! А что это значит? Правильно! Теперь моя очередь бить!

Я бросаюсь на него. Острые когти нацелились точно ему в лицо, искривившееся тупым негодованием.

Бросок.

Я вгрызаюсь в его руки, и успеваю глубоко поцарапать, содрав лоскуты бледной кожи.

Он начинает дико визжать, а вместе с ним визжит и Роже. Такого они точно не ожидали! Ну тогда вот вам еще порция адреналина. Я кидаюсь с новой силой, размахивая черными длинными крыльями. У меня уже неплохо так получается. Пару нападений на людей и стану профи. Практика — наше всё!

Я легко держу равновесие, могу с лёгкостью зависнуть в воздухе, подкорректировать удар. Наношу новый удар, после которого воздух разрывается детским визгом. Мне нравится! Кричи громче! Пусть вся деревня сбежится, посмотрим на меня в деле!

Крылья хлопают по воздуху со всей силой, выбрасывая глухие шлепки. Мычит корова, хрюкает свинья. Мухи продолжают жрать помой, не обращая ни на кого внимания.

Дрын выпадает из расцарапанных до крови ладоней и падает на землю. Малец загораживает лицо руками, но изредка вскидывает руки, пробуя меня отстранить пятернёй. Нет, не прокатит! На нах клювом!

Перед тем как он начал крутиться, я успел расцарапать ему всё лицо и руки. Ударил пару раз ему по шее. Попробовал вгрызться когтями в волосы, но уже понял, что мне это всё надоело. Нужно экономить силы и лишний раз не вмешиваться в подобные происшествия. Энергию тратить только ради охоты. Только ради еды! И ни как иначе! Бляя... как же скучно быть птицей!

Громко рыдая, парень начинает убежать к дому, всё-таки успев ударить меня ладонью наотмашь.

Вот так! Получил своё, мелкий говнюк! Беги-беги к своей юбке!

На крик сбежались люди. Из дома вылетел огромный мужик и фигуристая баба с длинными волосами. Голоса были так знакомы, и ощущались такими родными, тёплыми, прям как те кишки, из которых меня извлекли. Роды прошли успешно, папа! Я жив, только стал птицей. Как там мама?

С клюва капает в грязь.

Я взмахнул крыльями и поднялся над домом. Сел на край крыши и с любопытством начал наблюдать.

— Что происходит? — орёт батя на весь двор.

Да нихуя! Просто раздаю пиздянок мелкому негоднику, не знающему, что такое нормальное воспитание.

— Папа, эта птица на меня напала! — рыдая, жалуется пацан.

— Что с твоими руками? — спрашивает отец голосом безумца. — А с лицом?

— Это всё птица!

— Быть такого не может? Роже, что с ним случилось? Кто это сделал?

— Это всё птица! — оправдывается девчонка, кидая на меня косые взгляды. — Эта птица одержима! В неё вселилось зло!

— Её нужно убить! — поддакивает малец.

— Убей её! — кричит женщина на мужа.

— Как?

Запахло жареным! Надо сматываться от сюда нах. Взмахнув крыльями, я улетаю.

Хныча как девчонка, пацан кидает мне в след:

— Гадкая птица, я поймаю тебя и зажарю!

Ну уж нет! Этого ты не сделаешь. Потому что я вернусь, и у нас будет с тобой совсем другой разговор! И вот еще что: держи на память, плакса!

Червячок, что разделял со мной пространство в уютных кишках, вдруг оказался мне лишним соседом, которого я не желаю больше видеть. Я расслабляю анус и скидываю бомбу на людей. Жидкий снаряд, белёсого оттенка, со шлепком размазывается о лоб мужика, смотрящего на меня со всей злобой.

Извините! Я целился не в вас! Ладно, пора улетать.

Вернувшись в лес и сев на ветку, я вдруг ощутил усталость. В придачу болел бок и крылья. Разум начал плыть, теряя связь с реальностью. Я, вроде, был в сознании, но оно двояко разделилось, жёстко конфликтуя у меня в голове. Или в голове птицы? Я начинаю терять контроль. Терять контроль... контроль... контроль над птицей. Над её головой! Я прямо ощущаю, как птица возвращает себе сознание, препятствуя слиянию наших потоков мыслей и инстинктов.

Что делать в этом случае — я уже знаю. Начинаю извиваться, тереться о кишки, купаться в свежей порции жратвы, испытывая животное наслаждение. Трусь! Трусь! Извиваюсь и купаюсь в сочной жиже переваренного мяса! О да... Да-да-да... Как хорошо... Как в мягкой пихве рыжей девы, что умоляет поставить её на колени! Да... Вот так! Получи по полно!

ПОЛУЧИ!

Довожу себя до отсечки, чуть замедляюсь, пытаюсь растянуть удовольствие. Затем ускоряюсь! Быстрее...

БЫСТРЕЕ!

Горячая молофья брызжет во все стороны, заполняя появившиеся пустоты в птичьих кишках. Тело покрывается выделениями. Мне жарко. Мне приятно. И самое главное — мне комфортно. Но на будущее — надо пореже скидывать заряды, а то и сам, ненароком, улечу в трубу! Запишем новый постулат: освобождаешь кишки — освобождаешь разум птицы от своего контроля!

Постепенно ко мне возвращается зрения. Я вижу очертания листвы, сухие ветки и облака, плывущие высоко над деревьями. Крылья. Я могу их расправить и насладиться их красотой. Вот блин! Грязь налипла мелкими камками, и начала засыхать. Пара резких взмахов и грязь осыпалась на землю, прихватив с собой два чёрных пера. Больно! Ощущение, словно волосок вырвали из соска!

Что делать дальше? Надо подумать... А чего тут думать, нужно возвращаться к людям. Понять, что происходит! Где я? Кто я? А если мне еще ответят на вопрос: “Почему?”, будет просто супер. Так-то мне на работу в понедельник!

Работа...

После того выстрела, скорее всего возьму больничный. Да, точно! Возьму пару недель, полежу в кровати, побухаю. Короче, хер поваляю! Вызову парочку сисястых шлюх. Мы возьмём бутылку “Джека”, коки на запивку, накрутим самокруток из дорого табака. Врубим музон на полную катушку и будем прыгать на постели, изредка поглядывая интеллектуальные передачи, вещающие всякую нудную хуйню! Это будут бест мои две недели.

А с другой стороны...

Я спрыгиваю с ветки и устремляюсь в сторону деревни, испытывая неопишное удовольствие от полёта.

Спрыгнув с ветки, я расправляю свои могучие, увешанные чёрными перьями крылья и, громко каркнув, взмываю к облакам.

Встречный ветерок мягко щекочет мои крылья, лапы, целует холодными губами мой вороний ануса. Или что там у меня?

— Клоака! — твердит Дроздов. — У птиц клоака! Я больше тебе скажу, ты можешь попробовать отложить яйцо! Попробуем?

Что?! Я?!

— Ну, да! Не я же.

Нет, спасибо! Всё что я хотел получить от птичьей жизни — я получил. Расправить крылья и лететь — мне вполне достаточно.

— Это не тебе решать...

Да иди ты! Как раз-то мне. Кому же еще?

Внизу показались домишки. Подлетев поближе, я вижу избу, возле которой получил пиздюлей от рыжего бублика.

Вроде, всё чисто и спокойно. Никого нет. Но всё же, нужно действовать максимально аккуратно, а то после точного попадания белым снарядом в здорового мужика, со мной такое могут сделать, что медленная жарка на костре может показаться мне спасеньем! Но, это если меня поймают. Да и палкой по хребту больше огревать я не хочу. А вот что сейчас действительно мне хочется — так это отомстить! Отомстить наглому пиздюку! Одно дело — ловить и жарить птиц, когда не ел три дня, но когда у тебя корова да свинья под боком — это уже какое-то издевательство над животным. Ну что ж пиздюк, ты хотел меня зажарить и сожрать? Так вот жрачку я тебе устрою, а будет она жаренная или варёная — этого я, пока, не знаю. Будет вкусно, поверь мне!

План такой: возьму и нагажу ему в тарелку. И буду с наслаждением наблюдать, как он, причмокивая, вдруг почувствует что-то горькое, кислое и невкусное. Забегаёт глазёнками по сторонам, думая, что у всех кислая еда, а не тут-то было — у всех еда вкусная. Затем он покраснеет в приступе тошноты, высунет язык, и сплюнет содержимое своего хавальника себе на штаны.

Представляя всё это, мне хочется смеяться, но получается лишь:

— К-а-а-а-а-а-р!

Тупая я птица! Палево же!

Пролетая над крышами домов, внимательно оглядываюсь: никого.

Тишина.

Приземляюсь на зелёную лужайку возле дома (во двор я больше не хочу сунуть свой клюв, каким бы вкусным ароматом от туда не веяло) и, сквозь высокую траву, начинаю следить. Из-за дома доносятся знакомые звуки — мычания, похрюкивания. По-хорошему надо бы взмыть в воздух, облететь деревню целиком, проведать, что здесь да как, но мне пиздец как сыкатно! Вдруг снова потеряю контроль над телом? Свернусь судорожным узлом в воздухе и полечу камнем вниз. Нет, спасибо! Я лучше в кустах посижу. Сейчас главное — что я сыт, вокруг меня еда, и с каждой минутой на меня давит новая, сочная и вкусная. Но блядь, жадность меня погубит! Надо и птице оставить соки, а то, как возьмёт и склеит крылья. Ладно, включаем позитивное мышление. Всё будет хорошо! Продолжаем сухопутную разведку. Как там говорится: курочка по зёрнышку клюёт? Да, именно так! Вот и мы, по домику будем постепенно изучать местную деревушку.

Но для изучения деревни мне понадобится энергия. Много энергии! И она вот тут, вокруг меня, шевелиться бурлит...

Мне хочется присосаться и высосать энергию из всего, что меня окружает! Мысли о еде снова овладевают моим разумом. Это плохо. Я словно животное болеющее булимией, которое всё жрёт и жрёт, жрёт и жрёт, и жрёт до тех пор, пока всё не выблюет, что сожрало. Интересно, сколько смогут выдержать кишки вороны, если я отдамся своему желанию? Чисто гипотетически, может ли меня раздавить еда в кишках?

— Ну, что там с обедом? — доносится из дома нервный мужской голос.

— Скоро! Уха почти готова, — торопливо отвечает женский голос, и с волнением спрашивает: — Как там Отто?

— Нормально. Роже его подлечила. Девчонка явно не от мира сего, но руки золотые! Заберут её! Заберут её, и больше некому будет нас лечить!

— Не говори ерунды! Никто никого не заберёт! Ты один пришёл? Где Отто?

— Сейчас придёт.

Прыгая как кенгуру, я медленно, но уверенно, приближаюсь к дому. Меня обуревают любопытство. Я хочу

видеть, что стало с пацаном!

Доковыляв до стены, я вскидываю голову. Обогнув взглядом дюжину полукруглых брёвен, я устался на здоровенный деревянный подоконник. И если я на него заберусь — смогу спокойно наблюдать за жильцами дома. А если спалюсь — быстро взмахну крыльями и СЕЛЯВИ!

Когда начинает мычать корова, я взмахиваю крыльями и усаживаюсь на край подоконника. Окно представляет собой прямоугольную дыру в стене. Нет ни стёкол, ни рамы. Но зато есть широко раскрытые ставни, прижавшиеся к стене.

Как партизан, я начинаю медленно красться. Подхожу к краю окна, и пытаюсь заглянуть через него хоть одним глазком, но клювом упираюсь в стену. Скребу им. Пытаюсь убрать в сторону, отодвинуть голову. И ни хуя не получается!

Спокойствие.

Вдыхаем.

Выдыхаем.

Просовываю клюв в маленькую щёлку между брёвен, и медленно веду голову в бок, использую щель как направляющую. И ОПА! Работает!

Вот показалась обычная деревенская кухня, как в тех детских мультипликационных сказках, что крутили давным-давно по телеку. Деревянный стол, стулья. Вдоль стен стоят шкафы из лакированных досок. С потолка свисают гирлянды сухофруктов, а в углу, на натянутой тонкой нити, висит дюжина сушёной рыбы. Телека нет! Нет микроволновки... Да что уж тут, нет даже намёков на электричество! Ну и дыра. И как они тут живут? Ну, хоть печь есть. Красивая, вымазанная, судя по всему, глиной и покрашена в белый цвет. На ней стоят два глиняных горшка (один большой, другой поменьше), из которых так и валит пар. Вкусотища! Вот такой еды я пожрал бы с удовольствием!

Тут я замечаю ту фигуристую бабу. Крутя упругой сочной жопой, она расставляет глиняные тарелки на столе. Толстая рыжая коса доходит ей до пояса, а когда она поворачивается боком и наклоняется, чтобы достать до противоположной стороны стола — я вижу большие упругие груди, выступающие сквозь льняную рубаху без пуговиц и молний.

Знаете, что мне сейчас захотелось сделать?! Да-да... Именно! Мне захотелось отрастить руки и ими схватиться за эти два набухших волдыря! Затем положить бабёнку на стол, задёрнуть юбку, что с трудом скрывает её гладкие колени, и...

И...

Странно. Я вроде хочу, но птица то не хочет. Она глушит мои позывы. Нет, не глушит. Это другое! Бесчувственная ворона! Птица тупо их не знает! Я словно объясняю программный код крутой софтины тупой блондинке, а она в ответ лишь мне кивает головой, ни хуя не понимая ни единого моего слова. Она его не знает, от того и не понимает. Ёпти, но не учить же мне ворону перепехону по-людски? Я уверен, есть более лёгкий способ! Тривиальный для моих новых способностей!

Ладно, хер с ним, всё равно у меня не чему напрягаться. Хотя, могу сжать клоаку. Пробую — получается. Прикольно. Кучка белой дрясни валится на подоконник, прямо мне под лапы. Неожиданно зашевелились кишки, а вместе с ними и я. В принципе если продолжать в том же духе — я могу выскочить из вороней сраки. И что дальше...

С хвоста капает на подоконник.

Солнце так сильно припекло мою маленькую чёрную голову, что меня вдруг осенило! А что, если я попаду в тело человека? Ну, например в тело того здорового мужика? Вдруг получится и меня не переварит желудочный сок. Быстренько пропихнусь в кишки, потрусь там, как следует, и всё в моих руках! Хороший план. Но нужно грамотно всё продумать, чтобы с ходу не обоссаться. Еще как вариант — попробовать отдаться свинье, в плане дать ей меня сожрать, но только целиком.

Говорят, что анатомия свиньи очень схожа с людской, так что будет возможность набить руку перед серьёзным матчем! Но бляяя, это ж свинья. Что я буду делать? Жрать помои и ссать под себя стоя в грязном стойло. И та корова будет мне вечно мычать под ухо! Ага, а потом так вообще, придут ко мне и пустят на бекон... Ну уж нет! Живем один раз! Если рисковать, то по полной!

Я снова заглядываю в окно максимально аккуратно. Мужик куда-то ушёл, а женщина сняла с печи горшки и размешивает их содержимое деревянной ложкой.

Может, пусть меня опять сожрут... Другого пути я не вижу. Не силой же лезть им в рот! Дроздов, может подскажешь, как еще можно попасть в человека?

Молчит.

Ну и молчи! Сам придумай!

Женщина громко зовёт мужа, а когда он ей отвечает, она просит его принести лук. Спустя минуту он

возвращается, держа в руке пару головок лука. Ну и махина он! Метра два в высоту и здоровый как медведь. Не удивлюсь, если узнаю, что в роду у него прадедом как раз и был медведь; бурый, с сальным волосом. Не стоило его бабуле наклоняться за грибами в глухом лесу! Ох не стоило...

Так у него еще и лапища как лопухи! Такой пятернёй можно с лёгкостью схватить человека за голову и держать как баскетбольный мяч, сдавливая пальцы со всей силой. Вот в кого мне надо попасть! Такими ручищами я смогу целиком потискать её упругие груди, ну и может еще куда их запустить.

Забрав лук, женщина принялась нарезать его колечками, громко стуча ножом по доске. Утерев слёзы рукавом, она говорит мужу:

— Зови Отто, пора садиться.

— Хорошо.

Мужчина неторопливо уходит из дома, а женщина, поставив один из горшков на стол, начала разливать суп по тарелкам, положив в них луковые кольца.

Я чувствую сильный аром еды. Он не естественный, какой-то искусственный. Неживой. Еда, добываемая в природе, источает совсем другой запах. Еда, приготовленная человеком, не подходит для животных. И как бы вкусно она не пахла — есть это мне противопоказано.

Через два грубых отверстия в клюве, я сильнее втягиваю воздух, надеясь хоть что-то пробудить в своём сознании. Но нет. Ничего. Не хватает ноток страха, свежей крови, и теплоты смерти, окутавшей пищу в последние секунды её жизни.

Из тарелок повалил густой пар. Закончив разливать суп, женщина убрала со стола горшок, и подошла к печке.

Блин, давай уже, сваливай с кухни! Я не смогу эвакуироваться наружу, когда на меня смотрят! Судя по её суете, она никуда отсюда не уйдёт! Зараз! Можно попробовать учинить диверсию; ворваться на всех парах на кухню, запустить свои беспальные лапы в её пышные волосы, и каркать что есть мочи, ожидая, что она пулей вылетит во двор. Или поступить более гуманно — залететь на кухню и громко каркать, размахивая крыльями. А если она окажется бесстрашной бабой? Швырнёт в меня нож и прильёт к потолку, или схватит за лапу и уебашит об стол? Я б так и поступил... Блин... Если не рискну — буду жалеть! Живем один раз...

Я выхожу на середину подоконника, расправляю крылья...

— Элина, — кричит мужик со двора, видимо зовёт жену, — набери молока, а я пока схожу за водой!

Бинго! Спасибо!

Выудив деревянное ведёрко из-под тумбы, стоящей возле печи, женщина ушла, оставив тарелки с супом без присмотра. Отлично. Сколько там наяривать надо, чтобы набрать ведро молока? Минут пять? Мне хватит! Пора действовать!

Влетаю на кухню, сажусь на край стола, максимально аккуратно, чтобы еще чего не скинуть на пол. Передо мной три тарелки с наваристым, густым супом, на поверхности которого я вижу кольца и круги расплывающегося жира. Внутри — дольки овощей плавают с сочными кусками мяса. Осталось определить — где кто сидит. Но эту задачу я решу очень быстро. Всё просто! С торца стола стоит стул чуть большего размера по сравнению с теми, что стоят по бокам. Да и тарелка тут гораздо глубже. Сюда и будем эвакуироваться.

План простой, проще некуда: заносу клоаку над тарелкой и быстро высаживаюсь в суп. Изи катка.

Пробую, и сразу же сталкиваюсь с проблемой. Горячий пар обжигает нежную кожу моего очка, причиняя болезненные ощущения. Но это еще ладно, тут до меня допёрло, — а что будет со мной, когда я окажусь в супе, где температура сейчас около девяноста градусов? Ответ очевиден: сварюсь заживо! Ну, блядь, надо было так! Как же я сразу это не учёл... План был отличный, но я обосрался...

— Солитёры могут жить в желудочной кислоте! — говорит Дроздов. — Кипяток вреда тебе никакого не причинит. Но это если ты обычный вид ленточного червя.

А если нет?

— Ну тогда пизда тебе!

А как-же птица?

— А что птица? Ну, чуток зад обожжёт и всё. Не парься, заживёт как на собаке.

Ладно! Старик еще не подводил, думаю, можно и сейчас довериться его логическим рассуждениям, подкреплённые авторитетным опытом его многочисленных путешествий. Да и живём один раз, надо всё попробовать!

Здрав хвост, заносу зад над тарелкой, и начинаю медленно приседать, сопротивляясь болезненным укусам обжигающего пара.

Быстрее!

Я жму клоаку. Затем снова. ПОЕХАЛИ! Началась движуха. Всё вокруг меня пришло в движение, как будто битком забитый вагон поезда резко тронулся, а я, как назло, оказался в самом эпицентре человека-давки.

Жму...

Движение становится настолько интенсивным, что меня захватывает и начинает уносить прочь.

Жму...

Показался свет в конце туннеля, но это мне только кажется.

Жму...

И моя голова бессильно повисает, высунувшись из клоаки. Жму еще, и начинаю погружаться в суп. Он горячий, но не смертельно. Для меня он тёплый. И сейчас мне тепло так же, как и в кишках чёрной вороны. Может, чуточку горячее, но меня это не парит. Вместе со мной в суп вываливается порция белого помёта, быстро окутавший кусочки картофеля и кольца лука. И меня! Разместившись на дне тарелки, я замираю как партизан. Что будет дальше — спрогнозировать нереально. В бабку-гадалку играть я не собираюсь. Но шансы на успех есть. И я считаю, что они хорошие. Очень хорошие, если я со стороны сейчас похож на длинную макаронину и не вызову никаких подозрений. Можно попробовать свернуться кольцом — прикинуться луком.

— К-а-а-а-а-а-р! — К-а-а-а-а-а-р! — К-а-а-а-а-а-р!

Ворона словно ополоумела! Как закаркала, бляха! Забегала по столу, и даже что-то с него опрокинула на пол. Почувствовала свободу, скотина. Давай уже, улетай нахер, а то всю малину мне запоганишь!

Чувствую, как ворона расправила крылья. Поскребла когтями по столу, каркнула на прощанье и улетела, встревожив воздух глухими ударами перьев.

До меня дошли волны голосов: пацан, мать, отец.

— Мама, смотри, как Роже меня подлечила! Даже царапин не осталось!

— Да, сынок, она молодец!

— Элина, — говорит мужчина, — что за беспорядок ты тут устроила?

Я чувствую, как он подходит к столу, злится; окружающие меня овощи и жидкость вибрируют злобой. Он набухает над столом, бежит глазами по тарелкам, и всё, что я могу сейчас сделать — это читать одну мантру: только не смотри в тарелку, только не смотри в тарелку, только не смотри в тарелку.

Женщина начинает громко оправдываться:

— Я? Мне что, заняться нечем!

Мне так стыдно за моё поведение. Извините, я никого не хотел расстроить, а тем более поссорить.

— Папа, та плохая птица прилетела!

Пацан, как ты узнал? Экстрасенс что ли?

— Не говори глупостей! — говорит отец.

— Смотри, папа, — топот его коротких ножек проплывает рядом со мной. — Я же говорил, это она!

Ну всё, я попал! СПАЛИЛИ! Сукиииииии....

Стоп!

А чего это я так напрягся? Я же уже не птица! Мне нечего бояться.

— Отто, она теперь тебе везде будет мерещиться, — влезает мать, — бедный мальчик!

— Мама, я говорю правду, вот, смотри!

Все вдруг засуетились, подошли к подоконнику и что-то внимательно рассматривают.

— Такое черное перо могла оставить только та гадкая ворона! — смело заявляет пацан, но я чувствую страх в его голосе. Он всё еще напуган.

Тупая ты пернатая, неужели нельзя было сделать всё по-тихому? А! Вот взять, просто, и улететь! Зачем надо было раскидываться перьями, обсирать подоконник? Для чего?

Мои шансы на успех быстро уменьшаются.

— Выкини в окно эту грязь, помой руки и садись есть!

— Хорошо, мам!

Спокойствие. Вдох-выдох. Я вдруг понимаю, что дышать под толщей бульона мне нечем! И насколько хватит запасов воздуха — я не ебу!

И тут багя выдаёт такое, от чего мне сразу же становится дурно, и я понимаю, что попал так, как никогда раньше.

— Сынок, — воодушевлённо говорит отец, отодвигая свой большущий стул от стола, — садись на моё место!

Нет! Блядь, нет! Не надо туда садиться! Слышишь меня, пацан! Не смей! Пиздуй на свое место, и жри свой суп, а к этому даже не прикасайся!

— Почему, пап?

— Ну, ты сегодня вдоволь настрадался. Возмужал! Получил первые серьёзные шрамы! Пора почувствовать себя настоящим мужиком!

Настоящим мужиком он себя почувствует, когда перед ним его любимая Роже опустит свои трусики до колен, ну уж ни как не сев на стул!

— Садись, сынок, ты заслужил! Почувствуй себя во главе, и больше не вспоминай об этой птице.

Вот это поворот. Попал, так попал! Н-е-е-е-е-е-е-т! К-а-а-а-а-р! Бля! Срочная эвакуация в соседнюю тарелку!

— Замри! — резко кинул мне Дроздов. — Не двигайся. Ты хоть представляешь себе, как это будет выглядеть со стороны?

Конечно. Ничего сверхъестественного я тут не вижу: белый скользкий червячок вылезает из тарелки, ползёт по столу, извиваясь как змея, и забирается в соседнюю тарелку. Думаю, никто и не заметит.

— Ага, конечно! Наматают на палку и зажарят на костре, как маршмеллоу. Пацан так и ждёт момента, чтобы тебя сожрать. Хочешь оказаться в его желудке, но только живым?

Мне не очень хочется это говорить, а тем более признавать, но Дед прав. Выбор у меня не велик.

Да, я хочу быть живым! Ты доволен?

— Тогда лежи смиренно и не смей шевелиться!

Хорошо-хорошо, я — кусок лука в наваристом бульоне. Я — ломтик витамина “С”, который так и хочется проглотить не пережёвывая.

Глотай!

— Ну всё, Мужчины, — говорит женщина, — садитесь уже есть! Отто, бери сметану, хлеб!

— Мам, но у меня уже лежит сметана в супе...

— Хорошо-хорошо... — видимо женщина так увлеклась, что даже и не поняла, на что намекает Отто, — Юрис, тебе положить сметану?

— Да, дорогая. Спасибо!

Пацан начинает сладостно мычать:

— Мама, какой вкусный суп!

Я уже не знаю что сказать. Просто лежу себе, и жду очереди, когда ложка опустится на дно и заберёт меня в мой новый, неизведанный мирок.

Тем временем семья ведёт светскую беседу за обедом; говорят о работе, упоминают о пропаже местных жителей. Отец говорит, что подозревают девочку, общающуюся с животными. Пацан рассказывает, как его лечила Роже, водя своими руками у его лица. Мать молчит. Видимо с интересом слушает! Короче, обычный обед в обычной семье.

А уровень супа надо мной все ниже и ниже. Воздуха начинает катастрофически не хватать. Суп сочится в мои поры, и я начинаю чувствовать его вкус. Для меня он горький, а соль так вообще обжигает моё тело! Где-то у меня в голове начинает пробуждаться инстинкт самосохранения. О нет, только не сейчас! Терпи!

Начинаю дрыгаться...

Терпи!

Начинаю извиваться!

Пацан запускает свою деревянную ложку в тарелку. Скребёт ей по дну, зачерпывая остатки супа, кусочки лука и бинго! Плавно, я начинаю взлетать в воздух. Я как бабочка пойманная сачком!

Вдруг, всё вокруг замирает.

— Пап, смотри, какая большая макаронина мне попала!

— Кушай, давай, не отвлекайся! — отвечает ему отец, — Иначе я сейчас съем твою макаронину! — и он делает так, словно кусает воздух. — АМ!

Под мужской смех, мой полёт возобновился. Я уже чувствую, как подлетаю ко рту. Окружающий меня свет тускнет. Ага, я чувствую шершавую поверхность — это язык! Теперь главное не попасть под зубы!

Начинаю дрыгаться, крутиться. Чувствую волны женского голоса:

— Сынок, я макароны не добавляла...

Наебали! Сам виноват, не хуй пиздюком во главе стола садиться, вначале отрасти свой кабачок, а уже потом занимай место бати! А теперь уже всё, поздно! И не надо сунуть руки в рот, особенно за столом!

Я, как разрубленный лопатой пополам червь, начинают извиваться, двигаясь по слизистой языка. Меня ждёт чёрная дыра под названием горло. Оно тянет меня, оно тянет всё в себя. Главное сейчас — не спровоцировать рвотный рефлекс. У меня появилась идея. Может кое-что попробовать? Живём-то один раз...

Быстро трюсь о его шершавый язык, кончиком хвоста вожу по зубам, скребу по твердому нёбу... вокруг меня всё такое тёплое, мягкое... Приятно то как! О да... да... Почеси мне спинку язычком! Уххх... Да-да-да...

Молофья брызжет во все стороны, создавая вокруг меня скользкий слой слизи, затекающий прямым в горло. Упервшись хвостом в зубы, я выстреливаю как пружина и проваливаюсь в мягкую зеву, ласкающую меня своими крохотными язычками.

— Мама, а вдруг это был тот червячок?

— Сынок, не говори глупостей!

Вся проблема тьмы — окружающую меня со всех сторон — это её вонь. Душная тьма, извергающая запах скисшей пищи. И еще эта выматывающая тишина. Часто бывают дни, когда хочется окунуться в тишину с головой, абстрагироваться от всего, что может тебя докучать — а для меня это всё, что происходит после работы — и придаваться своим внутренним размышлениям. Но я уже просто охуеваю от бесконечного потока мыслей, вливающих бурной рекой в моё сознание! Пока я тут нахожусь, до меня ни разу не доходила человеческая речь, словно я опять попал в душный, грязный подвал с толстущими бетонными стенами. Я один. Без звуков и без времени.

Время...

Я потерял счёт времени. Сколько я уже тут? День? Месяц? Год?

Молчит Дроздов. А мне так хочется услышать человеческую речь, ведь если я её услышу, я буду знать, что я живой. Даже когда слышишь дыхание умирающего человека — не так страшно. Ты еще не один. Рядом с тобой ЕЩЕ человек. А всё, что я сейчас могу “услышать” (распознать вибрации, что до меня доходят) — как стучит сердце, как течёт кровь по сосудам, как трутся друг о друга кости и как движется горячее говно в кишках. Мне даже кажется, что я — человеческий плод внутри матки. И как подобает плоду внутри матки, я кручусь и трусь!

Трусь...

Трусь...

Но это не работает. Не помогает, как это было раньше. Моей молофьи не хватает, чтобы заполнить свободное пространство в кишках, и она быстро рассасывается, не давая мне никакого результата. Возможно, — а я очень надеюсь на логическое развитие моего белкового организма — я расту! Да, точно! Однозначно я расту! Быстро расту, прибавляя на каждый миллиметр ширины — десять миллиметров длины.

С едой у меня нет проблем. Метры говна проносятся возле меня, как электрички на платформах, из окон которых люди выкидывают повязанные из грязных наволочек крохотные кулёчки с едой. Жадно, как голодная гиена, что втискивает свою окровавленную морду в рваное пузо зебры, я вгрызаюсь в крохотные кулёчки с едой и жру, высасывая все соки. Жру не стесняюсь. И снова трусь. Так работает мой организм. Так работает поставленная цель выживания. Так работает мой инстинкт.

Жрать и тереться.

Можно тронуться умом — и это не самое страшное. Наверное, даже полегчает, потому что мой мозг будет воспринимать происходящее как некую форму нормальности. Сейчас для меня жрать и тереться — это нормально. Это как сходить на работу, отсидеть восемь часов в офисе, посрать в обед. Понимаете? Мы давно все тронулись умом и воспринимаем всё происходящее нормой. Так и у меня.

Я жру и трусь. А еще расту, продолжая извергать молофью.

И вот, в один прекрасный день, спустя километры говна, я просыпаюсь из-за дикого сушняка.

Какой же дикий сушняк! Нужно срочно смочить горло, похуй чем! Срочно! Я делаю вдох через рот и чувствую, как сухой воздух скребёт мою высохшую глотку. Мне даже кажется, что если я попробую кашлянуть или произнести слово — звук собьёт кусочки пересохшей слизи так же, как миномётный снаряд стряхивает со стен десять слоёв потрескавшейся высушенной краски, после прямого попадания в здание.

Так. Стоп! Где я?

Руки нащупывают мягкое одеяло. Нащупывают мягкий живот, тёплые лодыжки.

В образовавшуюся узкую щёлку между слипшихся век, я вижу, как лунный свет, подобно утреннему туману, из окна льётся в комнату сквозь полупрозрачную ткань, напоминающую занавеску. Туман стелется по полу, подсвечивая ковёр из мягкой шерсти какого-то дикого животного (то ли кабана, то ли медведя). Подсвечивает деревянную кровать, что стоит у противоположной от меня стены напоминающей мост из бревен, и на этой кровати подсвечивает мужской волосатый зад, сверкающий каплями пота, и игриводвигающийся из стороны в сторону.

И наконец — я слышу человеческую речь.

— Прекрати, — шепчет женщина, — Отто проснётся...

Отто... Где, кстати, спит этот пухлый паренёк? Пробую разглядеть комнату целиком, и тут до меня доходит. Запускаю руку в трусы, и тут точно до меня доходит. Но есть один плюс — место у меня в первом ряду! А место в первом ряду перед телевизором “SONY”, чей свет экрана кидал на лица прыщавых подростков кадры родительской порнушки, где сисястые домработницы услужливо обслуживали своих хозяев, было только у крытых пацанов!

— Да он спит, — шепчет мужчина, — успокойся, иди ко мне...

Осталось только перемотать на самое интересное, мало кто просит посмотреть фильм целиком.

Женщина тихо хихикнула, позволив мужику на неё взобраться. И вот всё это происходит в свете луны. В свете

голубого прожектора, мокрые тела, напоминающие посиневшие трупы, начинают двигаться. Смотреть на такое не то чтобы противно, я боюсь, что могу сблевать, но от одной только мысли — горло начинает дико драть.

Я хочу пить!

Женщина кладёт свои длинные пальцы на волосатую мужскую спину, рисует узкие круги. Она постанывает. Затем её пальцы медленно скользят по спине к поясу. Постанывает мужчина. Её пальцы пропадают в тени, что скрывает мужской пах.

Они вместе стонут, но сдерживают себя, боясь меня разбудить. Порнуху можно как смотреть, так и слушать. И это тот момент, когда я её слушаю. Эффект тот же. И тут я допираю, что на его месте должен был быть я! Ну, не тот я, а моё сознание... Короче, всё то, что он сейчас испытывает, должен испытывать я! Это моя задница должна сейчас ходить из стороны в сторону, заставляя женщину стонать. Но волею судьбы, мне снова приходится подглядывать за родителями сквозь маленькую щель! Подстава!

Происходящее на соседней койке начинает напоминать нападение медведя на молодую косулю, сзади, впившись когтями в ягодицы. Медведь жадно наваливается всем весом. Затем чуть отпускает, и снова наваливается, поджимая жертву под себя.

Долбит и долбит!

Долбит и долбит!

Всё это время испуганная косуля тихо постанывает, не понимая, что происходит. Она не сопротивляется. Ждёт, когда медведь ослабит хватку, потеряет интерес. И продолжает тихо постанывать. Но когда медвежья пасть захлопывается на её нежной шее, косуля вдруг оживает перед смертью.

— Остановись! — крикнула женщина, стиснув зубы. Ей уже похер на мой сон. — Мне больно!

— Что случилось? — испугался мужик.

Что-то произошло. Что-то серьёзное. Возможно, своим отбойником он проломил стену туннеля?

Мужчина выпрыгнул из кровати, подбежал к деревянному столу. Окутанный полумраком, он начал нервно рыскать, слепо водя руками перед собой. Полоска лунного света всё ещё освещала его испуганное лицо, и только. Спустя мгновение, его лицо успокоилось, выпрямилось, скинув с себя испуг и напряжение. Раздался звук похожий на чирканье зажигалки, но это точно не зажигалка. Снова тот знакомый звук и дюжина искр осветили грудь мужчины, усыпанную как свежими, так и давно затянувшимися шрамами. Попытка номер три, и появился рыжий огонёк на кончике фитиля. Взяв со стола свечу, мужчина вернулся к кровати.

Круг света наваливается на женщину, и я вижу её полу обнажённо! И вижу...

Не знаю, кто охуел первым — я или отец — но охнули мы вместе.

Ниже пояса женщина была вся в крови. Услышав мой голос она быстро расправила ночнушку задранный до груди, и та тут же пропиталась кровью, расплывшись на ногах мокрой тряпкой.

— Беда! — взвыл отец, увидев быстро увеличивающееся пятно крови на постельном белье.

— Беги за Рожей, — спокойно сказала женщина, и громко добавила, заметив мужское оторопенье в мутном взгляде: — Быстрее!

— Сейчас-сейчас!

Мужик засуетился: быстро поставил свечку на стол, натянул портки, рубаху, и выскочил из комнаты. Не знаю, насколько ей было больно, но посыл, отправленный мужчине вслед, был очень важен для неё.

— Будь аккуратен! Он может поджидать где угодно!

— Я его не боюсь! — крикнул ей мужик, пробегая мимо окна.

Интересно, о ком они...

В свете луны огромный человек юркнул в калитку и скрылся за забором.

Кряхтя, упираясь руками в матрац, женщина приняла сидячее положение. Свесила ноги. С её мозолистых ступней стекали две багровые струйки, медленно образуя лужу крови на полу. Внутри меня что-то ёкнуло. Я открыл рот, и на каком-то инстинктивном уровне промямлил:

— Мама, тебе помочь? — это было так непривычно — я имею в виду не предложить ей помощь, а назвать эту женщину матерью.

Когда у тебя последние десять лет не матери, и ты вдруг произносишь это слово, — обращаясь к женщине, — на душе становится не просто тепло, а даже как-то слишком горячо.

Мне понравилось. Мама...

— Спи, Отто, — устало говорит она, — Отвернись к стене и спи!

Ага! Сейчас прямо возьму и отвернусь! Ну уж нет. Такое я не пропущу! Я так и чувствую, что впереди нас ждёт первоклассный триллер с элементами фильма ужасов. Да и кровищи будет ещё больше. Не думаю, что Роже в состоянии это как-то остановить, если только по волшебству сюда вдруг не примчится скорая помощь, фельдшером которой и будет та самая Роже.

— Отто, я что тебе сказала!

А вот это было уже грубо! Да и этот её взгляд, давящий на меня тоннами злости, никак нельзя было избежать или просто не обращать на него внимание. Вот блин! Пришлось накрыться одеялом и отвернуться к стене. И почему я вообще это делаю? Какого хера! Может взять и просто съебаться отсюда? И куда я пойду... На дворе ночь. Нет, лучше я останусь в теплой постельке, посплю как нормальный человек. Как ребёнок!

Мать начала ворошить кровать. Наверно, поджигает под себя бельё, пытаюсь остановить кровотечение. Странно, но мне хочется помочь! Я не могу лежать, сложа руки, а тем более с закрытыми глазами! Я начинаю поворачиваться к ней, но снова слышу:

— Спи!

Когда отец вернулся — а это было слишком громко чтобы остаться незамеченным — я всё же осмелился повернуться, не упустив возможность одним глазком взглянуть на происходящее. Любопытство вещь назойливая, так просто от тебя не отстанет! Всегда хотелось проходить мимо всякой хуйни, но нет, всегда возьму, да и подойду поглазеть или послушать.

Я приоткрыл глаз и увидел отца. А ещё увидел сидящую на его плечах девочку, ту самую, что тусовалась с пиздюком, то есть со мной.

— Вот, Роже, — начал говорить отец, ставя девочку на пол перед кроватью, — смотри что стряслось!

Он забрал свечку со стола и подошёл к матери, осветив всю кровать.

— Вы её ударили в живот? — спросила Роже, и от этого вопроса я чуть не хихикнул.

— Нет! Что ты! — запротестовал батя.

— А что сделали?

— Я... Я... Ну...

Да, пап, давай, расскажи ей всё в подробностях! И особенно тот момент, как ты драл её раком!

— Ничего он не делал, — вступилась мать за отца прекратив его невнятные попытки оправдаться.

Роже приблизилась к матери и сказала:

— Ложитесь!

Мама закинула ноги на кровать, послушно улеглась, полностью выпрямившись на пропитанном кровью бельё. Роже вскинула над её животом руки и начала ими водить, как делают “волшебники” в цирках. Представление начинается. Я даже открыл второй глаз, всё равно на меня уже никто не смотрит.

Спустя каких-то секунд десять Роже замерла. Её лицо искривилось, словно она плотнула кислых щей, затем расправилось, но всё равно было уже ясно, что что-то пошло по пизде. Выдержав паузу, — видимо Роже подбирала правильные слова, — она с сожалением сказала:

— У вас ребёнок. Мёртвый.

Отец громко ахнул, а мать сказала, что так и думала. А мне что делать? Вот надо было так проснуться ночью! Теперь хер засну... Ладно, смотреть тут не на что, попробую отвернуться к стене, глубоко вздохнуть и заснуть. И вот я уже собираюсь повернуться, как слышу просто охуительный план, пропустить который я просто не могу.

— Плод надо вытащить, — спокойно говорит Роже, как будто делает это каждый день, — иначе вы умрёте.

Ебать! Что вообще происходит?

— Я его вытащу, — продолжает она, — но будет больно.

Мне кажется... Нет, я точно уверен в том, что, если из человека что-то вытаскивать — это всегда больно!

Роже кидает спокойный взгляд на отца и говорит:

— Держите её.

Начинается!

— Отто! — вдруг говорит она.

Я? Сплю я! Нет меня!

— Отто, мне нужна твоя помощь! Подойди.

Ну ёмаё... Пришлось вылезти из-под мягкого одеяла и подойти к ней. Любопытство.

— Держи ноги!

Я обошёл кровать и встал с торца. В этот момент мать раздвинула ноги, и я увидел, как под ней быстро расползается багровое пятно.

Роже снова вскинула руки над её животом, над её вздувшимся животом, чего я раньше не заметил, и снова начала водить руками, совершая какой-то странный ритуал. Не хватало только слов, что-то типа: сиськи-масьски, сим-салавим... вот этой хуйни из детства, способной превратить любое рукоблудие в волшебство. В магию!

Мать закричала. Вжала голову в мокрую подушку и начала дико орать! Я чуть не обосрался! Так еще и Роже начала на меня кричать, мол я не справляюсь, не могу удержать ноги матери, а как их тут удержишь, если она ими дрыгает так, словно я её медленно режу по живому!

Измазав свою одежду кровью, я быстро влез на кровать, обхватил её взмокшие от пота лодыжки и надавил всем весом. Так лучше. Я чувствовал, как она сопротивляется, но уже точно мог контролировать её ноги, не давая им

убежать меня или Роже по лицу.

Роже продолжила, вынуждая мать орать еще громче!

Всё это напоминало роды, но никто не радовался происходящему. Все хотели, чтобы это побыстрее закончилось, а потом и вовсе забылось. Отец стоял бледным, и даже яркий свет свечи не мог подкрасить его щетинистое лицо теплыми оранжевыми красками. Он продолжал вжимать мать в кровать уперевшись своими лапищами в её хрупкие плечи. Его глаза смотрели только на её лицо, и кинуть взгляд на то, что там твориться выше — он себе не позволял. Может не хотел. А может и вовсе боялся.

Руки Роже медленно перемещались к маминой промежности. И чем ближе, тем сильнее её живот неестественно изгибался, принося всё больше и больше мучений. Когда детские ладони зависли над лобком, я увидел нечто. Стусток кровавого месива начал вываливаться из утробы, напоминая перемолотый фарш, выходящий тонкими макаронинами из мясорубки. И всё это валиться напрямиком на кровать. Прямиком к моим коленям, на которые я уселся между ног матери.

Валится и валится. Ни рук, ни ног. И вот когда всё это вылезло полностью, я увидел тонкий розовый шнурок, соединяющий мать и этот кусок чуть тёплого куска мяса.

Мать успокоилась. Замерла, продолжая тяжело дышать. Рожа приблизилась ко мне и зачем-то рукой отодвинула в сторону. Сил у неё, конечно, не хватило на это, я просто поддался, спустившись с кровати на пол. Она забралась на моё место, схватилась за пуповину, и я уже подумал, что она хочет её перерезать. Но не тут-то было! Она встала во весь рост и с силой потянула её на себя.

Блядь, что тут происходит?!

Новая порция крови окрасила белую ночнушку Роже, мелкие капли брызнули ей на лицо. Мать снова заорала, Роже потянула еще сильнее и тут крики вдруг прекратились. Голова матери бессознательно повернулась в сторону, глаза закатились. Я испугался.

Чувство страха окутало меня, и я даже испугался! Но не то, чтобы за маму, я испугался от того, что уже позабыл, как это — когда тебе страшно. Я забыл, что это такое... Как это, когда боишься за другого человека. За чужого!

Я посмотрел на Роже. Эта маленькая девчушка, чьё измазанное кровью лицо горит жёлтым огнём в свете свечи, перехватывает маленькими ладошками кровавый узловатый трос, торчащий из материнной промежности, и начинает его тянуть на себя, словно она участник на соревнованиях по перетягиванию каната!

С кровати копает на пол, а она тянет и тянет.

Когда всё закончилось, Роже слезла с кровати и подошла к отцу, явно охреневшему от происходящего. Держа в ладонях клубок мяса размером с футбольный мяч, она протягивает руки к отцу и спрашивает:

— Куда выбросить?

— Давай, я заберу, — говорит отец, забирая дрожащими руками белёсый шмат сала, окутанный паутинками лопнувших сосудов. — С женой будет всё нормально?

— Да. Пусть спит, не мешайте ей. И сегодня рядом с ней не ложитесь.

— Спасибо, Роже! Я сейчас вернусь и отведу тебя домой.

Громко топая, отец вышел во двор. Прошёл мимо окна, и, окутанный лунным светом, направился в сторону забора, прося мычавшую корову замолчать. Прошёл мимо калитку. И подошёл к тому самому ящику, в котором я нашёл для себя вкусную, питательную еду.

Откинув крышку, он выкинул мёртвого младенца в остатки перегноя. И просто тупо стоял, бормоча какие-то слова себе под нос.

Уже второй раз за ночь мне захотелось блевануть. Надеюсь в этой деревянной тарелке, что спрятана в углу участка, не было ничего похожего когда я лакомился её содержимым? Осознавать то, что я мог быть причастен к каннибализму, мне как-то не совсем хотелось. Но если это так — то это полный пиздец.

Роже вдруг засуетилась возле кровати, попросила меня ей помочь. Мы вытащили грязное бельё из под мамы, выкинули его в окно. Выудили из комода новое, чистое белое бельё и быстро его постелили, изредка поворачивая маму на бок. Роже сказала, что ничего страшного. Она ничего не почувствует. Когда мы закончили, Роже поймала мой взгляд и медленно, с присущей материнской лаской произнесла:

— Ложись спать, Отто.

Я застыл, словно одурманенный. Она прищурилась. И в тот же миг быстро приблизилась, практически коснувшись моего лба своим носом.

— С тобой всё в порядке? — спрашивает она.

— Да, — прошептал я.

Глядя в её глаза, я ощутил теплоту, быстро заполнившую все ямы страха моего сознания. Весь мой адреналин выдавило через поры, и он быстро высох, отдав в воздух еле заметным запахом кислятины. Захотелось спать.

Тело пацана практически перестало мне подчиняться. Туман перед глазами быстро сгущался, но напоследок я

увидел, как Роже махнула перед моим лицом своей ладонью, и я провалился в сладкий сон.

Пробуждение...

Ох, как же я ненавижу это состояние! Включился разум. Я существую!

Нормальный пацан точно поймет, о чём я говорю, а говорю я о том моменте в жизни, когда мы прыгаем в портал беспамятства, отпускаем сознание погулять, или немножечко умирает. Называйте это как хотите, но я люблю называть это — временный договор со смертью. Каждый раз, заходя в паб, бар, пропахшую кислятиной пивнушку, что установили в продуктовом магазине — мы подписываем маленький, на одном листе, договор со смертью — чек. И вот он вступает в силу, когда ваш желудок готов разорваться от избытка алкогольного керосина, а мозг уже готов сказать — спокойно ночи!

Вас нет. Сон. Бессознательный сон, во время которого и действует договор. А потом лучи солнца, или чей-то крик быстро возвращает вас к жизни, и, перед тем как похмелье обрушиться на вашу голову, вы успеваете осознать, что тот промежуток времени между вчерашним днём и сейчас полностью отсутствует. Считайте, что вы были мертвы. Формально конечно. Валялись овощем на кровати с отключённым мозгом. Вам бы трубку с едой провести в желудок, да резиновый катетер в член поставить, и спали бы вы себе еще целую вечность! И чтоб сушнячок не беспокоил...

Ох, какой же у меня сушняк! И еще этот ослепительный луч солнца, что просачивается между занавесок и ровно ложатся узкой линией на моё лицо. На глаз... На щеку... На губу.

Когда замычала корова, громко так, растянуто, я проснулся. Осмотрелся. Ну и дыра. Своим минимализмом комната напоминала вагончик охранника, установленный для защиты обанкротившегося завода времён развала великой страны. Металлический ящик, в котором для полноценной жизни было всё самое необходимое — кровать, диван, стол с телевизором. На стену вешали плакаты или календари с голыми девками, поджимающие свои сиськи тонкими ладошками.

Охраннику зарплату не платили.

Но не стоит сильно переживать за седовласого пенсионера с отвисшим брюхом. Раз в две недели к нему приезжают люди в чёрных спортивных костюмах, чтобы забрать список продуктов. А еще они забирают из его трясущихся рук малотиражный газетный-журнал сек-объявлений, в котором он несколько раз обводит карандашом объявление с фотографией симпатичной блондинки с невзрачной грудью.

И вот, пока на заводе в две смены пилат металл на продажу, охранник весело проводит вечер. Одному только Богу известно, какую фантазию он воплощает в жизнь. Возможно, он в своей собеседнице видит ту самую дочь, которую потерял в страшной аварии, и сейчас спокойно пьёт чай, мучая её расспросами: как учёба, как институт? А может, видит в ней бывшую стервозную одноклассницу, что осмелилась нагло его отшить на выпускном! И сейчас он закрывает гештальт, трахая её во все дыры шестой час к ряду, на кровати с панцирной сеткой.

Непыльная работёнка. Мелюзга только заёбывает своими ночными прогулками среди пыльных станков. Приходится выходить из вагончика. Бегать за проказниками. Ловить.

Долбит и долбит.

Долбит и долбит.

Кровь капает на линолеум.

В ту ночь я посмотрел на кровать и увидел девушку. Молоденькую. Школьница, свернувшаяся куколкой под грязной простыней! Тушь смазана, помада слизана. Уткнувшись в стену, она тихонько плакала изредка содрогаясь.

А всё что я вижу сейчас — пустоту, поглотившую прошлое. Что там было? Хер его знает! Надо попробовать вспомнить... Но снова мычит корова, не давая мне сосредоточиться! Сволочь! Чтоб тебя сожрали! Нужно будет очутиться в кишках медведя, завладеть его разумом и вернуться сюда, чтобы успокоить бурёнку. Хе-ха! План хороший, но реализовывать я, конечно же, его не буду. Срать медведю в еду — это уже перебор. Да и как бы это выглядело? Я прям прикидываю, как пацаном заваливаюсь в лес, раздеваюсь, и начинаю голым рыскать по кустам, пытаюсь отыскать медвежью берлогу. А когда найду... Не, это пиздец какой-то. Да и паренька жалко.

А кстати... Паренёк!

Ощупав себя, я понял несколько вещей. На мне хлопковая рубаша и трусы, и все эти вещи пиздец какие потные. Но это не идёт в сравнение с тем сушняком, что я сейчас испытываю!

Выскочив из кровати, я принялся искать воду.

Со стола на меня смотрел глиняный кувшинчик. Слегка пригубив и почувствовав вкус воды, я присосался к нему как к титыке. Ох, какой это кайф! Чистая вкусная вода. Жаль только тёплая, и мало! Осушив кувшин до последней капли, я понял, что хочу еще!

Выйдя из комнаты, я очутился на кухне. Деревянные доски с натугой скрипнули под ногами. Я огляделся. На круглом столе, стоящем у окна, я заметил еще один кувшин. Побольше! Поняв, что там тоже вода я

незамедлительно к нему прильнул и начал жадно пить.

Вода, как дорогой крем для тела, смазывала моё иссохшее горло, расправляла сморщенный язык, и быстро утоляла приступ жажды. Пиздюк очень мало пьёт воды. Так нельзя! В его горячих кишках пиздец как сухо! А еще этот сухой кал ставший как камень! Скребёт меня как наждака! В таком окружении я и пары дней не протяну — сотрёт к ебням, а у парня потом очко треснет, когда он попытается всё это высрать. Надо пить воду! Всегда!

— Отто, что с тобой?

Я чуть не выронил кувшин!

Мама зашла с улицы в дом. Красивая, стройная женщина. И выглядит прям бодрячком, словно ночью ничего и не было! Опа, воспоминания возвращаются.

Какая же она красивая. Рубашка с большим вырезом была намокшей в районе подмышек и груди, видимо работала в огороде. Лоб скрыт под пучком рыжих волос, напоминающих рыболовную леску. На ногах сандалии. Она вытирает грязные руки о длинную юбку, на которой уже имеются грязевые отпечатки пятерней. Подходит ко мне.

— Сынок, всё в порядке?

Она пахнет потом и свежескошенной травой.

— Вроде, да, — отвечаю я, ставя кувшин обратно на стол.

— Ты какой-то худенький у меня стал! Я всё смотрю на тебя, смотрю, и понять не могу. А сейчас вот внимательнее на тебя посмотрела и вижу, как ты исхудал!

Мне бы в зеркало глянуть, но их тут не ведать.

Она наклонилась ко мне. Тёплыми пальцами обхватила мой подбородок, и нежно приподняли голову. Её зелёные глаза остро вперились в меня. Лицо её очень красивое, на обложку журнала “Vogue” конечно её не поместят, чуть пухловатые щёки всё портят, но встречать покупателей уличного ларька с обложки журнала “Лиза” — самое то!

— С тобой всё нормально? — спросила она, рассматривая моё лицо под разными углами.

Всё охуительно!

— Всё хорошо, ма!

Она вдруг вскидывает тонкие брови и переспрашивает:

— Ма?

Да какая разница! Короче, не собираюсь я тратить время на всякие нудные объяснения, мне интересно другое.

— Как ты себя чувствуешь, мам?

— Что?

Может я как-то невнятно выразился? А может ночью ничего и не было... Попробую еще раз.

— Ты как себя чувствуешь? Помнишь, что было ночью?

— Помню, — она выпустила мой подбородок, но продолжила глядеть на меня с каким-то подозрением, или даже недоверием. — Ты как-то странно говоришь... Точно с тобой всё в порядке?

Во даёт! Крепкий орешек. Соскочила с темы как путана с члена по будильнику! Короче, надо вживаться в роль ребёнка, иначе всё это боком выйдет. Так, с чего начать...

— Мам, я писать хочу... и какать!

Её лицо вдруг переменялось — неразбериха сменилась страхом. Переборщил я что ли?

— Сынок, что случилось? Скажи мне! Ладно, можешь не говорить, я понимаю, что ты еще напуган после ночи! Не переживай, со мной всё в порядке!

Она вскинула руки и быстро меня заключила в свои объятия, вдавив моё лицо между своих грудей. Кайф. Но вдавила уж слишком сильно: щеки расплылись по лицу, заплыв на глаза. Я с трудом сумел открыть веки и увидеть, как капля пота пробежалась по её загорелой нежной шее, скользнула в узкую ложбинку, а уже от туда затекла мне в глаз.

Блядь как шипит! Да за что!

— Мама, всё нормально! — с трудом прохрипел я, пытаюсь залезть пальцем в глаз.

Всё просто охуительно! Я даже и не заметил, как из тебя вынули кусок мяса! Это даже хорошо, что на месте Отто очутился я в тот момент. Кто знает, как бы повёл себя пацан. А уж что случилось с её психикой...

Она ослабевает хватку. Кладёт свои ладони на мои плечи и начинает меня отстранять от мягких грудей, к которым я так и хочу присосаться! А что если, я еще в том возрасте, когда можно сосать грудь? Идея, конечно, стрёмная, но не попробуешь — не узнаешь!

Когда я своими маленькими ручонками коснулся её сисек, она меня так встряхнула, что чуть голова не отлетела!

— Отто, с тобой точно что-то не так! Ты выпил всю воду, — строго говорит она, и начинает трогать мой лоб, видимо проверяя температуру. — Температуры нет! И не бледный. Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, мам! Да! Просто очень хочется пить, — и продолжаю смотреть на её грудь, тем самым намекая на любой способ утолить жажду.

Не обращая на это внимание, она говорит:

— Тогда бери ведро и дуй к колодцу, если с тобой всё в порядке!

Да ну нахер! Вот еще!

— Ладно, — отвечаю я. Чего из себя строить не пойми кого. Да и повод будет из дому съебаться, местность изучить. Иметь хоть какое-то представление, куда я попал. Быть вороной — хорошо и удобно, но с людьми толком не пообщаешься, в отличие от маленького пацана! Конечно, в теле пиздюка задерживаться надолго я не желаю, возможностей, всё же, маловато, хоть и к сиське прижимают... Лучше бы я об этом не думал! Блин, даже не передёрнуть! А ведь у меня уже горит! Горит не в голове парня, а в моих фантазиях! Главное — психику парня не подорвать. Нужно держать себя в руках! А в прочем, нужно понять, насколько у нас тесная связь. Я запускаю руку в штаны и начинаю щупать свой хоботок.

— Отто! — крикнула мать, да так, что меня аж передёрнуло всего. — Ты зачем руки в штаны засунул? У тебя там болит?

Да! Болит и горит! Ну, я и дал, конечно. Взял и на глазах у матери запустил ладонь в штаны! И о чём я только думал? Я бы еще спустил их до колен и начал наяривать во всю... пиздец! Логика не вяжется между мной и парнем. Надо трижды подумать, прежде чем засунуть!

Так, надо срочно оправдаться, иначе заподозрит неладное!

— Всё нормально, просто, чешется! — вру я.

— Сегодня пойдём мыться!

— Как скажешь!

Ох уж этот её взгляд. Снова уставилась на меня, словно я шпион под прикрытием.

— Ладно, я пойду. Воды наберу.

— Иди уже, — говорит она.

Прежде чем уйти, я вернулся в спальню. Переоделся, сменив потное шмотьё на свежее. Ну как свежее, что лежало в платяном шкафу, то и надел. Вообще в нём полно было однообразных вещей связанных из хлопка, и было не так просто подобрать себе наряд. Большая часть вещей мне была велика, а в какой-то и вовсе я мог утонуть. Отцовские, судя по всему. Ну и огромный он!

Выйдя из комнаты, я подошёл к двери, ведущий во двор. Надел детские сандалии из грубой кожи и готов был переступить порог, как мама вдруг крикнула:

— А ведро кто будет брать?

Еще бы знать, где его взять! Сейчас будет очень опасный момент:

— Я подумал, что ты его на улице оставила?

— Нет! Оно там, где и всегда!

Подстава! Я быстро окинул кухню взглядом. Пробежался глазками по всем углам, залез под все выступы, подоконники и стулья, и о чудо! Бинго! Возле печи стояло деревянное ведро, пустое. И похер что там до этого носили — воды в него я наберу однозначно!

Хватаясь за ручку, сделанную из толстой бечёвки, я вдруг спрашиваю, и сам от себя охуюваю:

— Мам, а сегодня выходной?

— Какой? — переспрашивает она с удивлением.

А уж как я удивился. Вот надо было спросить такое! Но с другой стороны, мне надо понимать — учиться пацан, или просто проёбывается по жизни. А может сейчас каникулы? А вдруг, мне надо в школу?! Охо-хо-хо-хо... Дела...

Я максимально аккуратно спрашиваю, растягивая каждую букву:

— Ш-к-о-л-а?

Судя по её лицу, слово это слышит она в первый раз.

— Это тебя Роже своим словечкам научила?

— Нет, мам, на улице услышал, — в таких скользких ситуациях нельзя выдавать никого! Кто знает, что могло маме в голову взбрести. Еще навешает люлей бедной девочки, а кто будет виноват? Правильно — я!

— Отто, иди уже! И главное до обеда успей. Отец вернётся, пить захочет.

Так, вот сейчас будет еще один опасный момент, и я уже не иду по минному полю, а несусь галопом!

— Колодец... эм... он же... там, — и пальцем указываю через всю кухню на окно, надеясь, что где-то там находится центр деревни, и что там вырыт колодец.

Мать мотнула головой и ушла к печке, закладывая дрова.

Я выскочил из дома и направился, куда глаза глядят. На воду мне было уже похуй. Абсолютно! В кишках стало влажно, вокруг меня образовалась атмосфера мягкости и тепла. Можно уже и перекусить, не боясь разбить голову

о твёрдую породу, ну, вы понимаете, что я имею в виду.

Ну вот и долгожданная свобода. Меня обдувает лёгкий ветерок. Под ногами хлюпает грязь. Я снова маленький мальчик, сбежавший из дома чуть-чуть пошалить. Выйдя со двора, я оказался на песчаной дороге. Одни её конец тянулся к зелёной поляне, над которой кружил чёрный ворон, а второй — рассекал деревню пополам. За деревней я уже был, поэтому путь мой лежит в центр. Надо еще разузнать, где искать этот хренов колодец!

Идя по дорожке, я словно шёл по минному полю: то тут коровья лепёха, то там скрытая под песком лужа грязи, миглом всасывающая твои сандалии. Не прошло и минуты, а мои ноги уже покрывал толстый слой говно-грязи! Идти дальше глядя себе под ноги уже не было никакого смысла.

Прохаживаясь вдоль деревянных домов, похожих друг на друга точь в точь, до меня доносились звуки животных: коровы были практически в каждом дворе, свиньи тоже, а вот ближе к центру деревни, я уже услышал кудахтанье кур. Вот одна вылезла из-под забора, и кинулась мне под ноги! Вот тварь! Ключнула прямо в палец, прямиком угадив между кожаных ремней моих модных сандалий! Я замахнулся ведром, но промазал. Пернатая резко отскочила и юркнула под глухой забор из кривых досок.

Увидев первого прохожего — хмурого мужчину с тяжёлым мешком на плече, я сразу же к нему подошёл.

— Дядь, а где...

— Чего тебе? — оборвал он меня.

Походу дела народ тут особо не церемониться!

— Колодец где можно найти? — спрашиваю я голосом ангелочка.

— Где и всегда! — и ушёл дальше по своим делам.

Ну и гондон!

Пройдя пару метров, я заметил женщину, стоявшую у калитки в каком-то ожидании чуда. Этим чудом буду я!

— Тётя!

Даже не посмотрела на меня. Уставилась куда-то вдаль и щурится, скрыв выпученные глаза за опухшими веками. Она старая, в поношенном хлопковом одеянии серого цвета. Полный игнор. Только поправила синий платок, скрывающий поседевшие волосы.

— Тётя! — со второго раза я сумел обратить на себя внимание. Голову она не опустила, но глаза её съехали вниз, уставившись на меня с блеском тупости.

— Чё?

Мне так и хочется ответить ей подобающим образом, но...

— Где я могу найти колодец?

— Где и всегда!

Короче, это бесперспективное занятие требовать от людей очевидных вещей. Здесь нужен иной подход.

— Я вчера стукнулся головой и забыл, где он, — и опускаю голову, пробуя надавить на жалость.

— Оно и видно! Может тебя еще раз стукнуть по голове, глядишь, и память вернётся?

Вот сука! Себя стукни! Я сжимаю ручку ведра с такой силой, что ладонь побелела. Мне так и хочется ей заехать, но я могу себя контролировать и не растрчивать силы на тупых дур!

— Не надо меня бить, тётя, меня мама отправила за водой, — выщедил я сквозь зубы, продолжая разглядывать свои пальцы ног.

Сложив руки на своих обвисших сиськах до пуза, она наваливается на забор и говорит:

— Дальше по дороге топай. До площади.

— Спасибо.

Дойдя до следующего дома, навстречу мне выскочил высокий мужичок с красными щеками и глиняным кувшином подмышкой. Хотя солнце и дышало на нас жаром, его румянец точно был по другой причине. Пройдя мимо меня, он прильнул к той старухе, что-то ей прошептал на ушко, после чего они скрылись за деревянной оградой, затянутой зелёным плющом.

Во руг вспенилась слюна. Захотелось пить. И ссать.

Погуляв примерно минут десять, я очутился на площади. Песочная дорога оборвалась, превратившись в брусчатку из серого камня. Грубая работа. На камнях виднеются острые углы — упадёшь на колени, кожу на лоскуты посечёшь точно! В центре, как мне и сказали, показался колодец, выложенный из того же камня, и в высоту чуть меньше моего роста.

Я быстро к нему подошёл, выудил длинную верёвку, пропитанную водой как губка. Привязал ведро. Хуякнул его на дно колодца и достал.

Увидев кристально чистую воду, я захотел ссать еще больше! Да так, что мочевой пузырь резануло словно ножом. Зря я выпил так много воды. Зря.

Ладно. Не проблема. Хотя нет! Проблема! И она заключается в том, что везде люди. А я стесняюсь! Оставие

ведро у колодца, я забегал по площади, пытаюсь найти укромное место. Это оказалось не выполнимой миссией! То люди стояли, взирая по сторонам, то глухой забор наваливался на соседний, не давая протиснуться в мелкую щель. То куры! То коровы! То толстый дуб, возле которого кружат дети.

Ссать!

Я хочу ссать!

Можно пустить струю по ноге, но это как то дико. Потом ходи, воняй ароматом Курского вокзала. Духи “Писички” выдадут вам бесплатно. Нет, я так точно не могу! Я хочу по цивилильному, в конце концов, по-людски!

Оглядевшись еще раз, внимательнее, я заметил здание, отличающееся от других. На нём даже красовалась деревянная вывеска “Щепка”. Скорее всего — местный бар. Ну, во всяком случает, двое мужчин, что тёрлись у входа, своим видом походили на постояльцев именно таких заведений.

А где пьянь — там и сортир!

Деревянный дом, что с торца был наглухо затянут узловатыми усами дикого плюща, ярко выделялся из общей массы окружающей архитектуры. Двойные двери, треугольная крыша, фундамент из ломаного камня, и множество окон, опоясывающие огромный бревенчатый квадрат. Над длинным козырьком красовалась табличка ручной работы. Буквы были высечены стамеской в цельном куске дерева и сообщали нам название заведения — “Щепка”.

Я решил подойти ближе, осмотреться.

Одна из дверей отворилась, выпуская наружу бухое тело. Мужик скользнул по лестнице вниз, а последние две ступени проскользил на жопе, как на санях. Спина изогнулась, ноги выпрямились, а руки скрючило, словно его застиг инсульт. Скучавшие под тенью козырька бухарики подхватили подмышки подкатившее к ним тело и начали громко угорать!

Нужно срочно отлить! В таких гадюшниках всегда есть туалеты...

К этому моменту мой мочевого пузырь резало так, что я уже готов был обоссать себе штаны. Не удивлюсь, если проходя мимо шатающейся троицы, учую характерный аромат мочи, что свойственен такой породе людей. Сколько не тряси, а пол литра в трусы. И на штаны. И вот мне совсем не хочется благоухать как эти потные проходимцы!

Терплю...

Я подбегаю к деревянной лестнице на шесть ступеней. Хватаюсь за перилу, ветхую, шатающуюся из стороны в сторону как эта троица. Поднимаюсь. Кстати, когда я поднимался по лестнице, один из них пристально на меня смотрел. Даже разинул рот, и уже пытался что-то крикнуть мне вслед, но смог лишь зычно рыгнуть. Потом зашатался, и если бы не его друзья, ебнулся бы на камни. Пиздец там опасное место, можно и голову проломить!

Тяжеленная дверь не сразу мне поддалась. Но на второй раз, когда я точно рассчитал силы, всё прошло по маслу. Только я переступил порог, как на меня накинута запах кислой мочи и пота. Столь мерзкий запах может говорить только об одном — народ бухает тут давно. Я попал по адресу. Наконец то нормальный бар! Не хватает только витающего над столами густого столба никотина, но это “природное” явление уже редко где встретишь.

Бары нынче детские пошлы. Внутри кислород пропитан запахом лаванды и сортирным освежителем воздуха. Но тут другое! Тут по классике золотых двухтысячных, когда к словам интеллигентных людей не то чтобы прислушивались, а их просто посылали нахуй! Люди идут после работы отдохнуть, а не бабский цирк устраивать, распивая французике вина пятилетней выдержки! Только пиво, крепкие самокрутки, и разговоры с мужиками, отвлекающие тебя от самых мерзких тем твоей жалкой жизни.

Несмотря на утро и на солнце, палящее на всю деревню, внутри царил полумрак. Окна на боковых стенах закрыты ставнями, и свет тут еле-еле откидывали догорающие свечи, плачущие на пол возком. Держась на толстых верёвках, с потолка свисали две огромные люстры, напоминающие кресты. На каждом конце по свече, но от них толку никакого — коптят потолок в пустую. Мрачный дизайн, напоминает склеп!

Относительно тихо. Посетителей почти нет. Лишь спор мужской компании был слышен в дальнем углу трактира.

Мочевого пузырь потянул меня вперёд, вдоль пустых столов. Дойдя до середины, я вижу у дальней стены что-то с трудом напоминающее барную стойку, а справа от неё — дверь. Чем глубже я захожу, тем отчётливее слышатся пьяные мужские разговоры ни о чём.

— Давайте, — говорит один из мужиков, вставая из-за стола, — выпь... — тут он смачно икает, — выпьем за Томаса!

— Выпьем! — громко подхватывают сидящие напротив мужики.

Они все привстают. Тянутся друг к другу глиняными кружками, чуть не заваливаясь через лавочку на спины. Чокаются. Запрокидывают головы и заливают глотки.

— Томас был отличным мужиком! — снова говори он, икая через раз. — Он был нам как брат! Слышите... Как брат! А я даже похоронить его не могу!

Он громко бухает кружкой о стол. Опирается на две руки, и, шатаясь, продолжает:

— Но ничего, бляха! НИ-ЧЕ-ГО!

Я продолжаю тихо углубляться, приближаясь к барной стойке. Уже рукой подать! Я уверен, за той дверь туалет! Столь очевидный факт понятен моему мочевого пузырю, от чего становится еще больнее! Надеюсь, за этой дверью меня будет ждать приличный сральник. Понимаю, что унитаз здесь я не увижу, но когда так припирает — и дырка в полу покажется прекрасным дизайнерским решением!

— Я уверен, — всё никак он не утомится, — что никакие животные в лесу его не жрали, как нам пытаются это преподнести! Не верю! — и снова икает, уже усевшись на деревянную лавочку. — Руками Томаса можно было любого волка задушить!

И тут все ему поддакивают:

— Да! Любого!

— Он мог с медведем сразиться на равных!

Снова все ему поддакивают:

— Да! Мог!

— У него ручища были вот такие... — он подносит свои ладони к лицу, кладёт одну на другую, делая из них одну большую десятипалую, затем резко подрывается и, сидящему напротив мужику, кладёт её на лицо. — Вот такая огромная у него была ладно! — продолжает распинаться, тряся голову соседа.

Сосед неуклюже отмахивается, неправильно рассчитывает замах, и падает с лавочки на пол.

Мужики разразились хохотом, но быстро заткнулись, услышав громкий удар кулаком о стол.

— Это та дрянная девчонка его погубила! — говорит всё тот же мужикан. — Только она умеет разговаривать с животными!

Пьяные бредни. Обсудить больше нечего? Есть столько приятных тем: бабы, футбол, оружие! Наконец — политика мировых держав!

— Купрос, успокойся, — говорит ему сосед по левую руку, — Ей не зачем было его убивать!

— Бедная животинка от голода обезумела в лесу, — подсказывает ему сосед по правую руку, — ни кто её не направлял!

— Животное хоть что-нибудь да оставит! Голову, кости, кишки! — пытается доказать свою правоту икающий мужик, — А мы только грязное шмотьё нашли! Она! Это она на него натравила своих тварей! Заставила их схватить его и утащить! Закопать под землю!

— Не нагнетай, — отвечает ему сосед напротив, — Так случилось. Девчонка тут не причём! Она нам помогает...

— Она всем жаловалась, что Томас ей не нравится! Мол, он её трогал, принуждал к близости! Бред!

— Вот именно — что это бред! С голодухи лесная тварь его утащила, больше некому!

— Так чего мы сидим? — икота успокоилась. Он резко подрывается из-за стола, окидывает всех взглядом. — Быстро вставайте и бегом в лес, искать тварину!

— Да сиди ты уже! В таком виде тебя даже этот пацан уделает! — и все друг повернули головы в мою сторону.

Поравнявшись с ними, я замер. Пацан? Это он меня имел в виду? Я посмотрел в их сторону.

Ну, вот зачем я это сделал? Надо было идти себе дальше, не обращать внимание!

Один из мужиков, что ровно сидит с краю, кивает на меня подбородком, украшенным мерзкой козлиной бородой.

— Пацан! — возвышаясь над головами своих друзей, кричит мне Купрос — тот, что говорил с икотой.

В свете догорающих свечей я, наконец, могу разглядеть этого зайку. Лицо вытянутое, покрытое щетиной. Сальные черные волосы скрывают оттопыренные уши. Он морщит лоб от удивления, кривит губы и, скрипя гнилыми зубами, дерзко произносит:

— Ты куда прёшь? Ты что тут...

— Ссать иду, — отвечаю я спокойно и иду дальше, к двери, до которой мне рукой подать.

И тут этот мужик, что упивался громче всех потерей своего друга, (а может даже и партнёра по жизни), бросает вилку с ножом (хотя больше он похож на кинжал) на тарелку, резко вскакивает с лавки, опрокидывая несколько кружек на пол. Вгрызается в меня своими мутными глазами, скалиться. Думает, раз я мелкий, может меня припугнуть? А вот нет, дядя, нихуя у тебя не выйдет!

— Сопляк, — говорит он, — а ты в дырку не провалишься?

— Ну, если она как твоя жопа, то, конечно же, провалюсь!

В пабе повисла тишина.

Через секунду лёгкий смешок поплыл через весь стол к моим ногам.

Трясаясь от злости, Купрос попытался выбраться из-за стола, но приятели его остановили, хватая за длинные рукава белой рубахи.

Он смерил меня взглядом. Со злостью посмотрел на своих дружков, не скрывая, что хочет врезать одному из них. Даже замахнулся, но передумал, продолжая пошатываться между столом и лавкой.

Его похмельные глаза как кошка, бегающая за лазерной указкой, метались по моему лицу, пытаюсь вкурить — что вообще здесь происходит?!

— Пошёл вон отсюда! — проорал он. — Девчонкам тут не место!

Вот это заявление! Я молча начал аплодировать, охуевая с тупости уroda. Решил с ребёнком потягаться? Ну что же, вызов принят, тупой патлатый мудень!

— Тогда я не понимаю, — говоря я, — что ты, черноволосая красавица, забыла в этой помойке? Нравиться сидеть в окружении проссанных бомжей? — и киваю на его дружков.

— Так, шкет, вали уже отсюда, — блеет мужик с козлиной бородой.

— А что, если не уйду?

Как же хочется ссать! Неужели нельзя было сидеть спокойно, выпивать, продолжать обсуждать потерю друга, и не обращать внимание на мимо проходящих! Если они от меня не отъебуться — я нассу кому нить на сандалиии! Конечно, это будет выглядеть как полное фиаско, и меня быстро причислят к последним зассанцам, а столь неприятный факт никак не вяжется с неоспоримой победой моего интеллекта! Бухарики должны капитулировать, не приближаясь ко мне. Их рты должны зашиться, а жопы продолжать лежать на лавке...

Бля, начинается...

Мужик с козлиной бородкой начинает смотреть на меня красными глазами, толи от злости, то ли от непрекращающейся ночной пьянки. Изучает. Вместо улыбки, уголки его губ поползли к подбородку, а сами губы сжались как собачий анус.

— Ты... — шипит он как змея, — Как же тебя там...

Опираясь на спины друзей, патлатый прошёл вдоль лавочки, подошёл ко мне.

— Ты же сын Юриса? — уточняет он, чуть кланяясь ко мне. — Точно! Маленький засранец! Я узнал тебя! Знаешь, что странно? Почему твой отец не пришёл помянуть Томаса! А?

— Я почём знаю. Видимо, не захотел пить за жалкого проходимца...

— Да как ты смеешь?! Щенок!

Я отошёл, запустил ладонь в штаны, готовый выхватить свой хоботок и пустить струю ему под ноги. Просто, отстаньте от меня!

— Не бойся, я тебя не трону! А вот твоего отца, давно пора на кол посадить!

— Да что ты пацана пугаешь?! — крикнули ему из-за спины.

— Заткнись! Я уверен, что его батя виноват в пропажах! Вы видели его руки! Лапища!

— Да успокойся ты! — снова ему кричат из-за спины. — У тебя все виноваты!

И тут на меня нашло, может, моча в голову ударила...

— А может, — говорю я, — это ты крадёшь людей и подставляешь им свой тощий зад?

Бар наполнился хохотом, но, когда патлатый повернулся к своим упивающимся смехом друзьям, веселье как топором обрубило. Пот струился по его щекам. Рубаху покрывали влажные пятна — где от пота, где от бухла. Заправив чёлку за ухо, он повернулся ко мне. Состроил кривую рожу. И вот тут ему всего-то навсего нужно было сесть обратно за стол, к своим друзьям, и продолжить ворковать о своём приятеле! Но нет, вместо этого он совершает непоправимое. Вскинув руку, он тычет в меня своим кривым пальцем с обгрызанным ногтем и говорит, проговаривая каждое слово, словно я тупой!

— Ты, выродок Юриса, проваливай отсюда! Иначе отнесу тебя твоему папке, и поговорим с ним по-плохому!

Меня затрясло от гнева. Желание поссать, режущее мочевого пузыря изнутри, испарилось.

Ублюдок, как он смеет!

Ублюдок!

УБЛЮДОК!

— УБЛЮДОК! — кричу я.

— Всё, пацан, ты доигрался!

Он быстро ко мне приблизился. Вскинув руки, обрушил свои лапища на мои плечи. В этот момент я уже замахнулся кулаком, целясь ему в подбородок. Рука скользнула по воздуху мимо его живота, даже не задев потной рубахи. А ручонки то у меня короткие! Вот и приплыли! Со стороны могло показаться, что девятилетний пацан пытается врезать здоровому мужику.

Стоп!

Оно же так и было. Бля! Тупой я пиздюк!

Патлатый с лёгкостью оторвал меня от пола. Под смех и свист дружков дотащил меня до входа и, отвариив дверь ногой, выкинул меня наружу, как дворнягу!

— ПАДЛА! — крикнул я, плюхаясь жопой на деревянные ступени. Дальше скатился по ним, пересчитывая ягодицами каждую деревяшку. Соскочив с последней, ёбнулся на землю, прямиком на острые камни. Ладони в кровь, колени в мясо. Всё болит! Но гнев сильнее боли...

Злость бурлит в моём разуме с такой силой, что мне уже не больно приподняться, упираясь истерзанными ладонями о камни. Стиснув зубы, сжав кулаки, я побежал к колодцу. Отвязал ведро, омыл руки, колени. Плеснув на лицо воды, ловлю себя на мысли, что, если сейчас не потушу огонь злости, сжигающий меня изнутри, я сойду сума. Свихнусь! Спать не смогу, зная, что та патлатая мразина спокойно спит в своей кровати, считая себя победителем!

Ну уж нет! Сегодня ты спать спокойно не будешь! Обещаю!

Мне нужно попасть внутрь! Срочно! Я проползу под столами, схвачу тот обоюдоострый кинжал, лежащий возле глиняной тарелки, и всажу его этой патлатой пьяной морде прямо в пах! Посмотрим, как он запоёт, когда из

него хлынет горячая струйка бурой мочи.

Не стоило фантазировать на эту тему...

Мой мочевой пузырь вспыхнул с новой силой, словно мой гнев подогрел литры мочи. Жёлтой, вонючей. Сейчас обоссусь! Заглянув в дырку колодца, решил, что не стоит совершать того, что мне сейчас так хочется!

Я нервно оглядываюсь. Ничего не поменялось. Люди продолжают шастать по площади, дети кружат вокруг дуба. На ум приходит одно: мне нужно снова попасть в “Щепку”! До дома не добегу, тем более с полным ведром. Ну почему всё так сложно?!

Ладно, пора действовать! Возле входа в бар никого нет — троица куда-то испарилась. Понятно, что ломиться через главный вход — тупость. Там меня быстро примут и так же быстро проведут наружу, на камни. И тут мы применяем одно золотое правило — не можешь зайти с главного входа — зайди с заднего!

Взяв с собой ведро, я подбежал к пабу. Заглянул за угол — пусто. Под окнами, вдоль стены проходила тропинка. Накрывшись тенью соседнего дома, я двинул вперёд к заднему входу. Проходя вдоль стены, вижу, как там, где расположен внутренний двор “Щепки”, шастают люди. Местные, занятые своими делами. Им похер на меня. Иду дальше. Дойдя до угла, выглядываю из-за него и вижу, что с заднего торца “Щепки” стена глухая! Ни дверей, ни окон! Вот подстава! Заднего входа нет! Жаль, что нет возможности натравить пожарную инспекцию, вот они бы тут такой разъёбон устроили...

Как же попасть внутрь? Я почесал репу, посмотрел на ведро. Осматривая боковую стену, я замечаю, что ставни закрыты не плотно. При желании их можно открыть снаружи. Вот только при моём росте, это будет пиздец как сложно.

Вытянув руку, я, конечно же, не достал. Попытка не пытка! Нужно срочно прибавить в росте сантиметров десять! Ладно в штанах это можно сделать легко, но как удлинить ноги... Впрочем, есть ведро!

Вылив воду, ставлю ведро на землю широкой стороной. Так даже выше получается, чем десять сантиметров! Отлично! Встаю, и ОПАЧА, ладонь спокойно дотягивается до ставней. Взявшись за угол, тяну на себя, медленно Поддаётся. Появилась щель, в которую я сумел просунуть голову бочком. Подонки продолжали крепко выпивать, подкрепляя свою болтовню громким смехом.

Наверно, меня обсуждают, пидоры! Грубо вышвырнули ребёнка на улицу и потешаются над этим! Герои, мать их! Ну, пейте-пейте!

Когда “Щепка” заполняется залившимся смехом, я подпрыгнул, ухватился за подоконник двумя руками и, что есть силы, подтянулся. На адреналине сил было в избытке. Еще хватило на то, чтобы завалиться внутрь. Замереть. Оказаться незамеченным. И самое главное, поняв, что препятствий никаких нет, тихо подползти к барной стойке, благо окно, что подвернулось мне под руку, было напротив.

— Парень, ты оглох что ли?

Сказать, что я напрягся — ничего не сказать. Всё внутри похолодело. Я так и почувствовал поток холодного дыхания, полившего от пьяной компании в мою сторону.

В МОЮ!

Засекли? Но как? Я полз в тени столов, скребя разбитыми коленями о деревянный пол, а это, поверьте мне, то еще удовольствие! Но я молчал! Не издал ни звука, ни пука!

— Что молчишь? — снова кто-то кричит мне из-за стола.

— Иди, вразуми болвана! — судя по тону, говорит паглатый, — Я не собираюсь говорить этому дохлику по несколько раз, указывая ему на его место!

Слышу, как кто-то встаёт из-за стола.

Скрипит доска.

Скрипят пьянчуги, прогоняя под всеобщее улюлюканье своего приятеля в мою сторону. Последовали шаги, вялые, не уверенные. Вот он подошёл к стойке. Замер. Ударил кулаком о столешницу, под которой я сижу. Тишина, я молчу. И тут он вдруг наваливается всем весом на стойку, заставляя её трещать как сгнивший пол, и начинает дерзить, чавкая на каждом слове:

— Парень, я не понятно выражаюсь?

Мне пиздец...

Деревянные доски пола дрогнули под весом надвигающейся в мою сторону тяжёлой фигуры. Забившись в угол барной стойки, спрятавшись под столешницей, словно под зонтиком, среди пустых глиняных кувшинов, я замер, ожидая своей участи. Ладони мои вспотели, по щекам заструились тонкие ручейки пота. В ушах барабанило сердце.

В голове, который раз за день, затрубил страх. Трубил так, что я оглох, выпал из реальности! Густое чувство страха столь непривычно мне, что я ни как не могу понять, — как это работает! Мне бежать или сидеть дальше? Говорят: кто не боится — тот дурак. Я боюсь, но одновременно и не боюсь. Я уже готов напрудить под себя, и этот жест будет сделан не под натиском сковавшего меня страха, наоборот — подобно хищнику, я помечу территорию, тем самым отпугнув врагов, но сомневаюсь, что этот метод здесь сработает.

Фигура навалилась на столешницу. С ветхих досок мне на лицо посыпалась пыль.

Перед глазами повисла пятерня. Ладонь начала щупать воздух в каких-то жалких миллиметрах от моего лица. Вот она почти схватила мои волосы, но я вовремя опустил голову. Вот она прошла мимо моих коленей, но я успел их прижать к животу со всей силой. Я сильнее вжимаюсь в угол. Еще сильнее. Всё тело сейчас походит на круглый шарик, забитый в дальний угол ворот.

Сейчас у меня одна мечта — держать в руке нож для резки линолеума. Острый, лёгкий, со сменными лезвиями. Одно движение и кожа слезет с ладони как ломтик колбасы от целого батона.

Эх, мечты-мечты. А я ведь мог сейчас быть на месте отца. На месте здорового мужика, способного с лёгкостью раздавить череп этого уroda со всем говном, что там плещется.

Страх усилился, разум мальчишки начал крепчать. Вода практически полностью вымыла из кишок всю молофью! Мою драгоценную молофью! Конечно, сейчас не время, но что поделаться! Надо действовать, иначе пацана прижмут к ногтю!

И я действую.

Трусь!

Трусь так, как никогда раньше!

Разум отрезвел. Страх отступил.

Рука пьянчуги опускается ниже. Схватила за глиняный кувшин, и уже была готова дёрнуть его со всей силой, как вдруг дверь, что пряталась в стене перед стойкой, скрипнула, чуть отворилась.

Из появившейся щели молодой мужской голос вырвался как порыв ветра. Строгий, резкий, дерзкий! Уверенный на все сто!

— Не трогай! Они пустые!

— Мы тебя зва...

— Я слышал! Сейчас закончу разливать “щепку” по кувшинам, и вам всё принесу.

— Налей нам свежей!

— Вы пьёте всю ночь, свежей давно нет.

— Хорошо, мы будем...

— Ждите!

Посетитель вразумил совету. Отступил, и медленно побрёл в сторону своей громкой компании, скрепя половыми досками.

Тонкая полоска света, падающая на пол из тонкой щели, чуть-чуть увеличилась. Дверь слегка отворилась, скрипнула, замерла.

То ли это было любопытство, то ли желание поссать начало превалировать над здравым смыслом, но я подполз на четвереньках к двери и заглянул в щель.

В свете дюжины свечей, я увидел маленькую комнатку, служившей в роли склада. Вдоль стен стояли деревянные стеллажи, на полках которых стояли ящики с овощами, глиняные горшки, тарелки, мешки. В конце, прижавшись к стене стояли две большие деревянные бочки. Владельца уверенного голоса я не увидел, и зашибись! Смелость и отвага окутали меня единым порывом, подталкивая на подвиги.

Бочки!

У меня появилась одна идея! Возможно (а я очень на это надеюсь), смогу убить двух зайцев одним выстрелом. Точнее — одной тугой струей!

Я приоткрыл дверь, аккуратно и медленно, боясь, что она может скрипнуть. Удача была на моей стороне — ни звука! Появилась щель, в которую я могу без проблем влезть. Заполз внутрь, и уже собирался держать темп до самых бочек, как вдруг, с левой стороны раздался шум. Повернув голову, я увидел свисающую с потолка плотную штору, скрывающую еще одну комнату — вот там и началась суэта. Послышались шаги. Штора зашевелилась. Я

привскочил и в два длинных шага скользнул к бочкам. Забрался в угол и притаился, спрятавшись в тени.

Шторка сложилась в бок, и как вы думаете, что я увидел? Именно! Наружу вышел парень, держа на руках бабёнку. Почему я назвал её бабёнкой? Да потому что он старше его лет на десять и тяжелее килограммов на двадцать.

И вот, держа её на руках, но не как невесту держат на свадьбу, а страстно — раздвинув ноги в разные стороны, она сидела на его тонких руках. Со спущенными штанами до щиколотки, парень доковылял до ближайшего стеллажа. Женщина сдвинула к стенке стоящие на полке вещи и одобрительно кивнула головой. Выдохнув, парень водрузил бабёнку на освободившееся место, задёрнул юбку до пояса, нацелил свой болт и вставил в резьбу. Стоны страсти наполнили комнатушку. Это, конечно, был полный пиздец. Бледная жопа парня заходила туда-сюда, уверенно набирая скорость! Чем быстрее он двигался, тем сильнее женщина сжимала свои ляжки на его поясе. Он начал её целовать в губы, затем опустился к шее, и только потом присосался к мягкой груди. Большой, покрытой розовыми растяжками, тянущимися от соска, словно молнии. Парень жадно хватается за сиську рукой, начинает дёргать словно младенец, массировать. Женщина стонет, а он всё долбит и долбит.

Долбит и долбит!

Ну вот как так можно?! Работа не для того дана, чтобы трахать своих коллег! Нет! Я вот такого себе никогда не позволял. Должны же быть хоть какие-то принципы! Единственное, что я мог себе позволить — это передёрнуть на голосовухи начальницы, сыпавшиеся в чат каждый час. Они всегда прилетали не вовремя. Едешь к клиенту, и тут прилетает! Включаешь, и тут твой хер врезается в руль. Приходилось брать курс на обочину, но прежде, нужно было поднять уровень адреналина! Так интереснее!

Выезжая на встречу, мчавшиеся на меня машины освещали меня своим дальним светом, словно я стоял на сцене театра в свете прожекторов. Мне нужна публика! Мне нужен адреналин! Гудок сигнала проносающейся рядом машины — аплодисменты зрителей! Свист резины — свист любящей публики! Насладившись овациями, я съезжал на обочину, включал аварийку, включал кондиционер. Струя холодного воздуха била мне в лицо, а я в этот момент наяривал, включая голосовухи по кругу.

Одну за одной. Каждый раз. Каждый божий день.

— Ты скоро? — спрашивает женщина, обсасывая мужское ухо губами.

— А что?

— Они тебя ждут, — она приподнимает его голову, заглядывает в глаза и прикусывает нижнюю губу.

— Уроды. Пьют всю ночь, покоя мне не дают!

— Успокойся, возьми мои сиськи... — он хватается двумя руками и начинает их трясти. — Быстрее! Быстрее!

— Это ты успокойся, — обрывает её пареньёк, — у меня всё готово! Я закончу, и мы разольём крайнюю бочку по кувшинам. Это будет быстро! Но вот это, — тут он снял её с полки, повернул к себе спиной, нагнул и грубо запихнул между ног, — будет медленно!

Так, пора и мне разлить свой коктейль по бочкам! Терпеть я уже не могу!

Дрыгались они под таким углом, что я и бочки не попадали в поле их видимости. Стрёмно пиздец, но что делать? Живём один раз, надо всё попробовать!

Я встал. Бочка доходила мне до груди. Заглянув в ближайшую, я увидел крышку. Пошатал её — пустая. На цыпочках подкрался к соседней — крышки не было, да и бочка оказалась на половину полна — да, я оптимист!

Принюхавшись, запаха пива или сидра я не учуял, скорее, пахло вымоченными в хмеле опилками. Любопытно! При возможности нужно обязательно попробовать! Но, не сейчас...

Аккуратно взбираюсь на бочку с крышкой. Встаю во весь рост. В этот момент парень ускорился так, что бабёнка уже не могла себя сдерживать и начала громко стонать. Это мне только на руку! Снимаю портки, беру свой маленький хоботок, и даю тугую струю мочи, разбивая её о стенку бочки. Так гораздо тише. Мелкие капли вылетают наружу, окропляя угол и овощи, стоящие на стеллаже.

Оооо ДААААА... Пошла жара. Меня аж передёрнуло. Мурашки пробежались по всему телу! Если бы мочевого пузырь мог говорить, он бы проорал: СПАСИБО! ЕЩЕ СЕКУНДА И Я БЫ ЛОПНУЛ КАК ШАРИК ВОЗДУШНЫЙ!

Женщина стонет еще громче. Пареньёк шикает ей, явно боясь загореться, но та не слушается. Стонет и стонет.

Пареньёк ускоряется, затем дёргается, видимо уже готов выстрелить. Постой, не торопись! Дай мне десять секунд, и мы кончим вместе!

Я сжимаю мочевого пузырь, и моя струя бьёт еще сильнее в нутро деревянной бочки. Какого цвета будет коктейль — мне плевать! Какого вкуса — вообще похуй! Наслаждайтесь, но добавки не будет.

У паренька уже явный приход, он готов. Еще чуть-чуть и его захлестнёт горячая волна наслаждения. Он хватается за её сиськи, кусает в шею. Его спина изгибается вопросительным знаком, и теперь со стороны они похожи на спаривающихся овчарок.

Ага, вот так... Да... Да... да...

Я давлю мочевого пузырь. Еще давлю...

Паренёк и бабёнка стонут взахлёб.

Я давлю.... Давлю... жму... волна мурашек пробегается по моим рукам и мы кончаем! Вместе!

Последние капли мочи падают мне на штаны. У паренька с конца капают на пол. Я быстро спрыгиваю с бочки и прячусь за ней, накрывшись тенью, пропитанной ароматом мочи.

— Нам долго ждать! — кричат снаружи недовольные гости.

— Иду, — спокойно отвечает парень, приподнимая штаны до колен.

Женщина надевает рубашку, пряча свои офигенные сиськи. Паренёк к ней наклоняется, желая поцеловать, но та, как последняя сучка, от него отворачивается. Паренёк оказался не промах.

Хватает её за плечо, тянет к себе и говорит:

— Я еще хочу!

— Но...

— Вставай на колени, быстро!

Она послушно встаёт на колени, подкладывая под них юбку. Мужские ладони обвивают женскую голову, пальцы погружаются в пышные волосы... но тут мне уже нихуя не видно! Встали спиной, бляха! Вижу только блестящий от пота тощий зад, поросший чёрными волосами.

Минуту он подёргал её голову, затем снова скривился, как будто желудок скрутило спазмом, и простонал:

— Я всё...

Ну, наконец-то! Я надеюсь на этом всё? А то я уже охренел тут сидеть! Домой хочется...

Она встала с колен, а он поспешно напялил штаны. В этот раз она потянулась к нему за поцелуем, но парень ловко увернулся. Во какой хер! Мог бы и поцеловать девушку! В губы! С языком!

У паренька тело тощего доходяги. Даже под рубашкой виднеются рёбра. Тонкие руки. Но зато есть работа, есть баба. Мне бы его тело, но обслуживать по ночам пьяниц — это не моё. Ну их нахер, обоссанных алкашей! Другое дело тело отца! Здоровое, накачанное, красивое! А хотя, что я знаю о нём? Вот именно — нихуя не знаю! А надо бы...

Закончив прихорашиваться, они разделили между собой обязанности: бабёнка взяла несколько кувшинов, паренёк — деревянный половник. Подошли к бочкам, и тут я снова почувствовал нотки страха. Вот они еще ближе, и уже адреналин, растекаясь по жилам, вытеснил страх. Мне стало чертовски любопытно — засекут новый рецепт напитка или даже носом не поведут?

Паренёк зачерпнул, налил в кувшин, и тут я вижу, как тонкая струйка стекает с половника прямиком бабе на пальцы. Она быстро слизывает жидкость. Я напрягся, и в тот же момент захотел ржать, но удержался. Заткнул рот руками и начал угорать про себя.

— Слушай, — говорит она, — а вкусно! Что ты добавил?

— Да как всегда...

Ага, как же! Как всегда!

Набрав кувшины, они вышли.

Напряжение спало. Я выдохнул и растянулся в немой улыбке. Я, конечно, польщён, но это полный пиздец! Она реально сказала “вкусно”! Ну раз так, то это даже плохо! Никто не поймёт прикола... Не почувствует явной подмены. Ну и похер, самое главное — это буду знать я! Надеюсь, этого мне хватит, но при условии, что я лично это увижу! Увижу результат своих тяжких трудов.

Убедившись, что никого нет рядом, я вышел следом. Из-за барной стойки было видно, как парочка подошла к столу бухариков, и начала разливать бодрый напиток по кружкам. Компания заметно оживилась, учуяв сладостный аромат хмеля.

— Мне первому! — заорал козлобородый.

— Нет! — перебил его патлатый, — Мне первому! Я главный!

Никогда бы не подумал, что моя моча может привезти к столь жарким дебатам. Ну не стоит так переживать, мужики, хватит всем! А если вдруг закончится, я буду рядом, всегда готовый пополнить столь бесценные запасы пенного!

Считанные секунды, и кружки пьяной компашки были полны. Я замер. Приближался апогей моих мучений. Я ощутил возбуждение и трепет от предстоящего зрелища. Я как повар, наблюдающий с кухни за посетителями ресторана через узкое окно — мясо стухло, но, продержав его в уксусе около часа и приправив перцем, — гостям точно понравиться.

Вот они подносят кружки к губам. Нюхают. Всё правильно, хорошему напитку надо дать подышать, сразу пить не стоит. Продолжают нюхать, и, ничего не заподозрив, начинают выпивать. Не отрывая глаз, я следил за патлатым. Следил, как его кадык дергался при каждом глотке. Следил, как капли моей мочи стекали с его губ на одежду. Да, давай, продолжай пить! Осуши всё до последней капли!

И он осушает. Громко отрыгивает и просит добавки.

— Новый сорт? — спрашивает он, подставляя кружку парнишке.

— Да, — уверенно расхваливается бармен. Пиздит как дышит! Новый сорт...

— Тащи еще, твоего кувшина не хватит на всех!

Я чуть не поперхнулся, с трудом сдерживая смех. Компания долбаёбов радостно его поддерживает, осушая свои тары.

Парнишка разливает всё до последней капли и уходит, двигаясь в мою сторону. Пора валить! Я в наглую метнулся к стене, уже не боясь запалиться, и прыгаю в окно, оперевшись о подоконник. Не знаю, может меня и заметили, а может и нет. Уже не важно. Мне похуй, я на свободе, с пустым мочевым пузырём. И с ведром. А кстати! Где оно?

На песчаном полотне лишь круглый след от ведра и множество следов. Примерив к чужому следу свою ступню, стало ясно — ведро спиздил взрослый. Следы уходили вдоль стены на центральную площадь. Туда я и ломанулся.

Честно, не знаю, что меня потянуло искать ведро. Вроде, мне должно быть абсолютно похер на него, но нет, какая-то неведомая сила ответственности нагнула меня по полной, заставив искать ведро. Да и когда вернусь домой — что скажу? Проебал, простите? Нет уж, так не пойдёт, доверили вещь — будь добр, береги! Оно же моё, а какой-то хер его спиздил! Вот урод! Найду, дам таких люлей, что мало не покажется! Будет знать, как воровать чужое!

Выскочив на площадь, я начинаю кружить вокруг своей оси, вглядываясь в каждый уголок, в каждое лицо, смотрю абсолютно на всё. Возле колодца трутся люди с ведром, но не моим — оно в два раза больше. У дома напротив прыгают дети. Заглядываю на дорогу, по которой пришёл — пусто. До горизонта нет никого, лишь куры клюют песок, да рыжий кот перебежал дорогу, задрал хвост.

Я поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов. Подставляю ладонь как козырёк — солнце слепит что пиздец. И устремляю взгляд. Вижу среди кочующих тел местных жителей удаляющееся чёрное пятно. Я пригляделся: мужчина, облачённый во всё чёрное, а в руке у него болтается моё ведёрко! А может и не моё... Хер поймёшь, придётся проверить!

Я побежал, просачиваясь сквозь людей, словно вода огибает камни. Они недовольно кидают мне замечания. Пытаются одёрнуть, но я вырываюсь и бегу дальше. После падения на камни, коленки пощипывает, но терпимо. А вот то, что моя дыхалка не выдержала и десяти метров — выбило меня из колеи. Я начал задыхаться. Паренёк вообще не следит за собой! Не тело, а какая-то тряпка! Ладно, хер с ним, ресурсы еще есть, но будет не так легко, как мне казалось. Придётся попотеть...

И еще эта девчонка, что орёт мне в след! Чего она хочет?

— Отто! Стой!

Вот привязалась! Попробую ускориться... не лучшая идея...

Каменная дорожка закончилась, сменившись песком. Пробежав метров пятьдесят, я заметно приблизился к фигуре. Чёрное пятно обрело черты человека с лысиной, и с длинными седыми волосами, полумесяцем росшие на затылке. Старик ковылял прочь, поднимая подолом своей мантии облака пыли. Болтающееся в его руке ведро — точно моё!

— Отто, ты куда?

Вот старый пердун! Спиздил моё ведро! Надо признать, отчасти я сам виноват, оставил вещь без присмотра, но это не даёт никому права, тупо брать и забирать чужое, проходя мимо! Ладно, постараюсь вернуть, не создавая конфликта. Лишнее внимание нам не к чему!

До старика метров десять, и я уже хочу окликнуть его! Крикнуть, мол, подождите, стойте, но девчачий голос обрывает меня на полуслове!

— Отто, да постой ты!

Я замер. Обернулся. В паре метров от меня стояла девочка. Та самая, что была у нас ночью. Та самая Роже.

И вот, она стоит, смотрит на меня и улыбается, как будто ночью мы всей семьёй дружно веселились, рассказывали анекдоты, танцевали, и никакого аборта и не было! Словно ночью не было НИ-ХУ-Я!

Еще никогда в моей жизни за мной не бегала девочка. Бабы-то бегали, постоянно, табунами ходили, но чтоб маленькая девочка — никогда. Как правило, в детстве мы сами гоняли девчонок, приносили им еду, воду. Таскали грязных котят, найденных среди развалин. За пищащий комочек вшей, глистов и лишая можно было заработать поцелуй! Да, это точно стоило того! Чешешься и вспоминаешь тёплые руки, тёплые губы...

И вот, спустя столько времени, меня догоняет девчонка, дергает за рукав и пилит своим взглядом.

— Чё тебе?! — кидаю я нервно, готовый послать её к чёрту!

Её милое личико сворачивается знаком вопроса. Улыбка расплывается в разочаровании, и вот она уже не похожа на ту маленькую милую девчулю в белом платьице, с причёской похожей на горку кинетического песка, расплывающегося под своим весом. Она становится другой. Янтарные глаза, зрачки которых окружены черными вкраплениями по форме напоминающей фигуры людей застывших в муках удушья, начинают меня не просто изучать, они буравят меня, не скрывая подозрений. Когда она вот так смотрит мне в глаза, моё нутро подсказывает мне, что она видит меня насквозь. Нет, я имею в виду не то, что она видит перед собой пиздюка в обсосанных штанишках, а именно меня — гнусного, мерзкого червя, прячущегося среди теплых фекалий.

Полупрозрачная дымка, что льётся из её глазниц, окутывает мои глаза, проникает в череп, сочится по извилинам мозга, превращая серое вещество в густой дёготь. Мысли путаются, голова кружится. Я моргнул, и дымка с новой силой навалилась на мой разум, скользнула по горлу, сбив дыхание, затекла в желудок, проникла в кишки.

Мне страшно.

В обступившей влажной тьме я ворочаю головой, пытаюсь избежать её взгляда, но всё тщетно. Туман ловит меня, хватает в свои объятия и, заламывая извилистую голову, заставляет смотреть ей в глаза. Заставляет вглядываться в призрачный образ мелкой девчонки! Она смотрит на меня! Смотрит на тонкого белого червя, питающегося её другом.

Но это лишь мои мысли!

Ну, и чего так дико?

Боюсь будущего, аж дышу тихо...

Если б, как радиосигналы, Она все мысли распознала...

...Она все мысли распознала

Если б, как радиосигналы, Она все мысли распознала...

...Она все мысли распознала

Пора прекращать параноить, иначе можно сойти с ума.

И еще — надо сменить манеру общения. Стать проще, добрее, а то начинаю выбиваться из общих шаблонов!

— Привет! — мурлычу я, и дружелюбно улыбаюсь. Ловлю её улыбку и добавляю: — Роже!

— Ты прям не свой со вчерашнего дня!

— Да... ночка выдалась жаркой.

Что я не понятного сказал? Почему она продолжает на меня смотреть с неприкрытым подозрением?

Роже прячет за ухо локон светлых волос, напоминающий узор волны на песчаном берегу и спрашивает:

— Как мама?

— Как новая! — и нервно поглядываю в конец улицы, стараясь не упустить из виду старика.

— Как новая? — переспрашивает она.

Проще! Мне надо быть проще...

— С мамой всё хорошо, оклемалась. Спасибо тебе за это! Но ты прости, мне надо срочно бежать. Дела, — и снова смотрю в конец улицы. Чёрное пятно становится всё меньше и меньше.

— Бежать? Куда?

Ладно, так просто от неё не отделаться! Девчонка настырная. Упёртая!

Я скидываю руку и указываю на удаляющееся чёрное пятно.

— Старикан утащил моё ведро! Мама ждёт меня дома, с водой.

Я не знаю, слушает она меня, или ей похер, но вместо того, чтобы меня поддержать, она начинает говорить совсем о другом.

— Что с твоими ладонями?

А что с ними? А, точно, я же их содрал.

— Содрал, — отвечаю я, — Ладно, мне надо бежать...

— Постой!

Она берёт мою руку и вкладывает свою ладонь в мою. Получается очень жаркое рукопожатие. Без

преувеличения! Тепло разлилось по моей коже, чуть-чуть покололо, затем стало щекотно и приятно. Она отпустила меня.

Опустив глаза, я не увидел ни ссадин, ни порезов на ладони, что были там буквально пару секунд назад. Охереть!

— Как ты это сделал?

— Побежали! А то останешься без ведра!

Такой энтузиазм я одобряю!

Мы побежали, но не быстро, не могу же я девочку заставить бежать быстро! Да и у самого дышалка уже охереваает, но об этом мы никому не скажем!

— А что за старик? — спрашивает она.

— Да я ебу... — да ёпты, опять вырвалось, — Не знаю!

Надеюсь, что она и слов таких не знает. Тогда может и не стоит себя сдерживать? А как же воспитание, принципы? Джентльменом нужно оставаться при любых обстоятельствах, даже если тебе разрешают делать всё что угодно!

С минуту мы бежим вдоль глухих заборов, тянущиеся до самого конца дороги, с которой старикан уже сошёл и побрёл куда-то сквозь зелёное поле высокой травы.

Деревня закончилась. Мы подбежали к началу поля и уже вместе увидели уходящую фигуру в лес. На спине старикана лежали седые сосульки длинных волос, достающие до пояса, и когда их увидела Роже, она вдруг остановилась, схватила меня за рукав и начала шептать мне на ухо:

— Отто, погоди! Ты серьёзно? Ты хочешь за ним и дальше бежать?

— На полном серьёзе хочу! А что случилось?

— С тобой точно всё нормально?

Так, начинается! Чую какой-то подвох!

— Да всё со мной нормально! Ведро надо вернуть!

— Ты хочешь пойти за Азуоласом?

Да я и не знаю что он за хер, мне какая разница. Важно одно — у него моя вещь, и я её верну!

Я смотрю старикану вслед и вижу, как подол его мантии прижимает траву, цепляется за длинные стебли. Старик хватается за края своего одеяния и грубо одёргивает его на себя. Нас он не видит, он даже не смотрит назад. Он уверенно двигается в сторону леса, держа моё ведро!

— Забудь о ведре, — говорит Роже. — Маме скажем, что уронили в колодец!

— Нет! Я без него не вернусь! Да что тут такого? Пойдём за ним, и заберём. Что он нам сделает? Запрёт в сарае? Или в подвале? А потом приготовит рагу из детей?

Я улыбнулся, но когда увидел напуганное лицо своей подруги, напрягся. Неужели все, что я сказал — имеет место быть? Да неее... что за херня! А в прочем, лицо Роже сейчас походило на мимику человека оказавшегося в вагоне метро, когда надавило на клапан так, что и не знаешь, как поступить; на лбу капли пота, глаза бешено бегают со скоростью мыслей.

— Он не отдаст тебе ведро! — она сейчас напоминает мне ботаничку из средней школы, что застучала меня за курением. Любят они читать нотации, изображая из себя саму строгость. — И даже если мы позовём твоего отца — не отдаст! Идём домой!

— Да что с ним не так? Это ж просто старик. Попросим отдать — он и отдаст. Или он не в себе?

— А ты забыл?

Начинается...

— Что забыл? — спрашиваю я.

— Что после потери своего сына, он стал сумасшедшим и к нему никому не разрешают подходить. Забыл?

— Да ты успокойся. Быстро провернём дело и по домам.

— Отто, еще раз прошу: выкинь эти глупости из головы, идём домой!

Ох, как же я любил издеваться над ботаничками!

— Хорошо, идём, — говорю я. Разворачиваюсь в сторону деревни, делаю шаг. Роже выдыхает скопившееся в груди напряжение, уже хочет пойти за мной, но не тут то было! Я снова разворачиваюсь в сторону леса и ехидно улыбаюсь. — Идём за ведром!

Хочу схватить её за руку, но она дёргает её как ошарашенная. Я подхожу ближе. Снова пробую и хватаю её за запястье, не грубо.

— Идём, не бойся! — говорю я.

— Ты слишком смелый стал!

— Привыкай. Ты знаешь, где он живёт?

— Ты и сам знаешь!

— С утра у меня что-то память шалит. Туман в воспоминаниях, понимаешь?

Она заглядывает мне в глаза. Я отпускаю её руку и в этот момент её ладонь, её нежная кожа, покрытая росинками пота, скользит в мою ладонь. Она сжимает пальцы. Я сжимаю свои.

— В ту ночь, когда ты махнула своей ладонью возле моего лица, вот после того момента голова у меня прямо не своя, — нагло вру ей, уводя глаза.

— Ага, я вижу. Другие не жалуются... А где сам живёшь — помнишь?

— Помню-помню, вот только подзабыл — где живёт старый пердун.

— Пердун... — она улыбнулась, искренне! Покраснела и опустила глаза. Он точно поняла значение этого слова, но постеснялась в открытую посмеяться.

Я улыбнулся в ответ, и, продолжая держать её за руку, потянул за собой, вперед за стариком.

Разгребая высокие зелёные стебли, и поднимая в воздух столбы пыли из пыльцы, мы ломанулись вперед через поле. Сбивая саранчу и букашек на землю, она спрашивает:

— Где ты нахватался таких слов? Раньше ты так не говорил.

— Я? Ну... в баре в том, на площади.

— В баре?

— Ладно, забей. Показывай дорогу.

Роже ускорила. Теперь она бежала впереди, ведя меня за собой по проторенной дорожке, оставленной стариком. Когда поле закончилась, мы снова вышли на песчаную дорогу. Ускорились.

Старика и след простыл! На дороге пыль лежала нетронутой, следов не было. И куда она меня повела? Может, решила обмануть и таким маршрутом увести домой? Ладно, придётся довериться, но если обманет... если обманет, то я... Я!!! Да никуда я не сделаю... На будущее буду знать на что она способна!

Мы добежали до речки. Уставшие, запыхавшиеся, побрели вдоль песчаного берега. Ветер клонил к воде коричневые шоколадки рогоза. Плескалась рыба. И мне уже начинает нравиться это место!

Впереди показалась опушка густого леса, состоявшего из высоких сосен и пушистых елей. Запах свежего леса меня опьянял. Кислород бил по мозгам, подталкивая к приключениям, одно из которых уже было в самом разгаре.

Подойдя ближе, Роже остановилась. Выпустила мою ладонь.

— Пришли.

Присмотревшись, я увидел дом. Деревянная избушка, сложенная из гнилых брёвен была утоплена в линию деревьев, спрятавшись не только под густыми кронами, но и под огромной тенью. Крыша поросла мхом, фундамент утопал в груде опавших листьев. Прямо как в сказке, лишь курьих ножек не хватало.

Мы пригнулись, поравнявшись с травой, и двинули в сторону леса, заходя подальше от дома. Мало ли чего!

— Мы его обогнали, — шепчет Роже.

— Ого! Это как так?

— Он пошёл через лес, а мы напрямик.

— Тогда пойдём к дому, подождём его возле двери. Я вообще не понимаю, чего ты боишься?

— Я боюсь слухов! Помнишь, что о нём бабки говорили?

— Какие бабки... Не помню, забыл же!

— Они считают, что это он виновен в пропаже людей. Кто-то видел, как он уходил с женщиной в лес, и тот больше не вернулся. Старик тогда сказал, что на них волки напали, но на самом ни одной царапинки не было!

Бабки! Чего ещё от них ожидать? Ну, мало ли зачем мужики ходят в лес. Может по грибы, а может и по ягоды. А может и в жопу долбили, кого это ебёт?! Я угарнул, и Роже это увидела.

— Что смешного?

— Да так, ничего. Не бери в голову. Пойдём, подойдём ближе, посмотримся.

— Нет! А если он нас увидит, а потом ещё и поймает! Нет!

— Хорошо, оставайся тут, я пойду один.

— Отто, я начинаю за тебя переживать. Ты знаешь, что я могу вылечить раны, но если он поразит твоё сердце, или задушит, я уже ничего не смогу сделать!

— Да успокойся ты! Всё будет хорошо!

— Помнишь ту историю про Антанаса и его кобылу?

— Ага, конечно, помню...

Да-да, конечно же, я помню всё, словно это было вчера! Антанас и его кобылка, звучит двусмысленно, но понятно, что Роже не имеет в виду пышногрудую блондинку. Мне, конечно, будет интересно послушать эту историю, но не сейчас.

— Идём! — говорю я, углубляясь в лес с каждым шагом.

В чём прелесть быть пиздюком — ты не потеешь как свинья перед спариванием. Конечно, капли пота появились на моём лице, но я не воняю, и у меня нет водяных разводов в области подмышек на рубашке. В отличие

от моей новой подруги. Тяжеловатый запах начал проступать наружу, и я, как животное, учуял его. Девочки взрослеют раньше мальчиков. И пахнут. Если Роже и обращала на это внимание, то не долго.

Зайдя в лес поглубже, мы ощутили запах стоялой воды и плесени. Духота обступила нас. Пройдя еще метров десять, я почувствовал, как на меня посыпались капли. словно пошёл дождь, но это было нечто иное.

Подняв голову, я увидел ветви деревьев, заплетённые в сетку матушкой природой, но вот покрывавшая их пена была явно инородным. Тысячи мелких белых пузырей обвивали тонкие веточки, словно сладкую вату намотали на палку. И вся эта пена источала скверный запах и капала на землю. Капала на меня. Капала на Роже.

Капала и капала.

— Что это? — спросил я.

— Это гнезда кусачих мух. Они скоро вылупятся и сюда прилетят птицы со всей округи. Поговаривают, что именно из-за этих гнёзд... пердун... — тут она покраснела, опустила глаза, но я ясно увидел улыбку, — здесь живёт.

— Зачем?

— Никто не знает.

Рубашка начала прилипать к телу. Платье Роже увлажнилось, стало тяжелее, от того сильнее прилегало к телу. Мне стали видны её соски. Она не носила лифчика, и что-то мне подсказывает, тут и слова такого не знают.

— Ты куда уставился?!

— Никуда! Смотрю под ноги! — неловко вышло! Инстинкты, их никуда не денешь!

Перебегая от дерева к дереву, мы приблизились к дому. Осмотрелись — никого. Осмелившись, я подбежал к стене. Прильнул руками к влажным брёвнам и побрёл вдоль стены, к ближайшему окну. Роже шла следом, спотыкаясь о выпученные корни, подло прятавшиеся в плотной листве. Тут главное самому не улететь вперёд, мало ли еще чего скрывает листва.

Аккуратно, ступая мелкими шапками, мы добрались до первого окна. Я выпрямился, и уже собирался заглянуть внутрь дома, но тут Роже прям присела на измену, и как давай тараторить:

— Что ты собрался делать? Ты хочешь заглянуть в окно? Зачем? Пойдём домой, скажем, что ведро потеряли, слышишь меня, Отто! Не надо туда лезть! Скажем маме...

Хватит! ЗАТКНИСЬ! ПОЖАЛУЙСТА, ЗАТКНИСЬ!

Если я начну слушать охваченных страхом баб — хорошего ничего не выйдет, и нового в жизни я ничего не узнаю, а знания — это сила!

— Успокойся, я только посмотреть хочу, — но меня уже разбирало любопытство, и я был готов не только посмотреть, но и залезть внутрь. Заинтриговал меня этот дедок!

Подняв глаза над подоконником, я принялся изучать дом изнутри. Мрачное место. Берлога холостяка: квадратный стол по центру комнаты, на стенах полки, поросшие сантиметровым слоем пыли, тройка деревянных стульев, грязное тряпье разбросано по углам, и классика — паутина была везде, куда не дотягивалась рука человека.

— Роже, — говорю я, — не хочешь тут остаться, привести дом в порядок? — и тихонько ржу.

— Не хочу! — шепчет она. — Что за глупости ты говоришь?

— Да какие тут глупости, ты посмотри, здесь не хватает женской руки...

Любопытство страшная вещь, сложно устоять. Роже подошла ко мне и заглянула в окно.

— Ну и бардак, — протянула она.

— Давай, я тебя посажу, ты залезешь внутрь, наведёшь порядок, а когда старика вернётся, он так обрадуется, что отдаст нам ведро, и угостит конфетами! Согласна?

— Отто, ты пугаешь меня!

— Да я шучу!

Хруст сухих веток и шуршание листвы раздались из-за угла дома. Испугавшись, мы присели, прижались к стене. Сердце колотилось так, что еще пару ударов и проломит грудную клетку насквозь! Я пробежался глазами по лесу — никого. Но кто-то явно приближался. Приближался с боку дома, шёл к двери.

— Отто, — пискнула Роже, — пойдём домой. Пойдём пока не поздно! Это он пришёл...

— Трусиха, не бойся! — моя уверенность пугала даже меня.

— Я не трусиха!

— Тогда сиди спокойно!

Смерив меня взглядом, она поджала губы, состроила максимально недовольное лицо и замолчала. Вот и поговорили! Я вернулся к наблюдению, но надо быть аккуратнее. Я уже чувствовал, как мои надпочечники подобно автомобильным форсункам впрыскивает капли адреналина в мои жилы. Мне хотелось дать газу, впрыснуть больше адреналина. И я давлю тапку.

Встаю. Заглядываю в окно.

Я вижу, как дед входит в дом. Лицо худое, увешанное бледными складками. Под глазами бледно-желтоватые мешки, да и вообще, общий его вид больше подходит пациенту с диагнозом — “желтуха”. Он ставит моё ведро у стола, подходит к полкам. Открывает дверцу, что-то достаёт, прячет в карман и уходит на улицу. Я выглядываю из-за угла дома, и провожаю деда взглядом до маленькой гнилой будки, смахивающей на сортир. Дед заходит внутрь и захлопывает за собой дверь.

Отлично! Думаю, он там надолго. Поссать можно и под дерево, а вот если хочется посидеть, насладиться процессом — то только в четырёх стенах за закрытой дверью.

Не теряя времени, под возмущения Роже, я полез в дом. Я только хочу забрать ведро, мне больше ничего не надо, тем более чужого! Я так и говорю Роже:

— Я только забрать ведро!

— Так бери его уже, и побежали домой!

— Постой на стрёме!

— Постоять на чём?

— Так, встань на угол дома и следи за дедом. Как выйдет — кричи мне.

— Поняла.

Оказавшись внутри, я сразу замечаю множество голубиных перьев, устилающих пол. Среди них я вижу вороны. Пушистый ковёр уходил в соседнюю комнату. Меня начинает раздражать любопытство, но я противлюсь. Подхожу к столу, нагибаюсь за ведром, но любопытство берёт верх.

Роже меня не видит, а значит можно и по дому погулять без лишних нравочений!

Я иду по пушистому ковру. Перья липнут мне на сандалии. Там кухня. Картина, представшая передо мной, мне не понравилась. На двух верёвках, тянущиеся под потолком от стены до стены, висели вниз головами птицы. Увидев голубей, я ничего не испытал, но вот при виде ворон, со связанными лапками, выпотрошенных, и частично ошипанных, мне стало не по себе. Мне было их жалко. Искреннее. Словно увидел родных мне людей.

Странное чувство, как будто мне досталась частичка вороны...

Мгновение, и на меня накатило безразличие.

Утолив любопытство, я вернулся в комнату. Подошёл к столу, наклонился к ведру. Оно тяжёлое, наполненное какой-то густой херью! И куда это девать? Ладно, похер! Содержимое выливаю на пол. Мутные струйки просачиваются в щели в полу, текут по извилинам в досках, и затекают под стол, унося на себе перья.

Я уже собирался юркнуть в окно, как вдруг услышал звуки. До боли знакомые звуки. Под столом, из-под досок доносилось натужное дыхание человека.

Когда вам на грудь давит двадцатикилограммовая бетонная плита — вам приходится прикладывать гораздо больше усилий, чтобы сделать вдох. Вы со всей силой вдыхаете воздух, пытаетесь его запихнуть в ваши лёгкие, а груз на вашей груди его быстро выдавливает, как зубную пасту из тюбика.

Когда очередной снаряд попадал в жилой дом и складывал его как карточный дом, мы слышали стаккато дюжины вздохов и выдохов. Проходил час, два, и вздохов становилось меньше.

Всё меньше и меньше людей продолжали дышать, вдыхая бетонную крошку. Когда мученическая симфония прекращалась, люди расходились, прекращая разбирать горы развалин. Никто уже не переживал. Все привыкли. Мы даже кого-то спасали.

И вот мне опять захотелось помочь. Может я еще смогу помочь! Надо помочь! Я спасу!

Я уже начал двигаться в сторону стола, как вдруг Роже прошипела:

— Отто! Он вышел!

Я быстро вернулся в реальность. Подбежал к окну. Швырнул ведро, чуть не прибив Роже. Опёрся руками о подоконник и выпрыгнул наружу. Схватил Роже за руку, поднял ведро, и мы побежали в лес. Быстро, не оглядываясь назад. Не смотря под ноги.

Старик точно кого-то прятал. Скорее всего, у него под полом подвал, или погреб. Надо будет сказать отцу. У меня нет никаких сомнений, что там сидит человек. Возможно, против воли.

Из леса мы выскочили на поляну, и побежали сквозь высокую траву, дарившую нашим ногам бритвенные порезы.

Мы жадно хватали ртом воздух и мошкату, летающую над травой. Горели мышцы, но, не смотря на всё, мы продолжали бежать. Адреналин поддерживал силы, но уже чувствовалось как он отпускал. Чувствовалось, что еще чуть-чуть и заряд иссякнет. И бежать мы больше не сможем. Я посмотрел на Роже и увидел, что она улыбается. Страх не было. Я улыбнулся в ответ. Между ладонями хлопал пот.

Вот показалась дорога, а там, на горизонте наша деревня. Еще чуть-чуть и...

Вдруг перед нами выросла тень...

Сильнейший удар в голову отключил разум пиздюка, а тело швырнул на траву. Удар был такой силы, что вибрация пронеслась через всё тело Отто, подкинула меня, и охуячила головой о стенки кишок. Остатки молофья

смягчили удар.

Связь с телом оборвалась...

Пиздец...

Больше всего на свете я ненавижу три вещи — застрявший лифт, лопнувшее колесо, и отключение электричества. Последнее — самое болезненное! Как правило, всё происходит так: сидишь себе дома, никого не трогаешь, портки на полу, трусы спущены до колен. И смотришь спокойно порнушку. В мусорном ведре пустая пивная банка, в пепельнице дымит сигарета. За окном ночь.

Сюжет порнухи до ужаса примитивный; грудастая блондинка и её босс — всё очевидно, но именно простота и цепляет зрителя! Зернистая картинка показывает нам крохотный офис; мы видим стол, стулья и диван! Куда уж без него! Блондинка медленно снимает атласную блузку, босс — белую рубашку. Они помогают друг другу избавиться от белья: мы видим офигенно упругие сиськи и твёрдый хер! Всё, больше мы ни на что не смотрим. Как бы не старались декораторы, как бы не изгалялись модельеры — мы смотрим на мокрые тела, охваченные страстью.

Сейчас начнётся! Делаем тягу... раздаётся треск бумаги, поднимается давление. Шишка уже набухла и с минуты на минуту готова лопнуть, извергнув порцию горячей молофьи.

Тебе хочется перемотать на самое интересное — ты берёшь мышку, тянешь ползунок хронометража на середину видоса и бац! Всё нахуй вырубается. В доме отключили свет.

И как дальше быть? У тебя всё готово, фантазия бьёт через край, но чего-то не хватает! Последствия! Ты начинаешь думать — куда спустить, как убрать?!

Забей! Рецепт простой: просто возьми и доведи начатое до конца! Встань и взорви шишку!

Сейчас, когда вырубил свет и оставили меня в сырой темноте, мне некогда думать! Надо действовать, надо взорвать шишку, не думая о последствиях.

Вибрация, что окутывает меня частыми волнами, указывает на стоящего недалеко от меня мужчину. Роже громко кричит. Она сопротивляется! Я различаю звуки борьбы. Нужно торопиться...

Я начинаю тереться. Трусь о тёплые, пропитанные влагой кишки. Трусь о фекалии, натываюсь своим мягким тельцем то на орешки, то на еще какую-то хрень, что пацан жрёт без остановки! Трусь и трусь! Да... вот так... хорошо... еще-еще! Главное в кровь не стереться!

Первая партия выходит из меня, но ничего не происходит... Ничего!

Трусь еще! Продолжаю, прикладывая больше усилий!

Давай, парень, просыпайся! Слышишь меня! Вставай! Мозг в отключке, но я точно смогу это исправить. Мой разум главнее. Мой разум сильнее! Я управляю телом!

Я!

Трусь и трусь, выжимаю себя как мокрое полотенце и... и... вот оно! Вместо вибрации, я начинаю различать голоса. Получилось! И первым, кого я услышал, — патлатый мудила из “Щепки”! Вот урод! Выследил нас.

— Ну, не сопротивляйся, — говорит он, — будь хорошей девочкой!

Сейчас я тебе покажу хорошую девочку! Пробую поднять руку — но нихера не выходит. Губы окаменели. Ног не чувствую. Всё что я ощущаю — это тепло. Тепло солнца, бьющее прямо в глаза.

Веки поддались, и я смог открыть один глаз. Второй заплыл синяком; я так и чувствую, как онемела кожа возле виска, словно сделали укол заморозки, и чувствую тёплую кровь, сочащуюся из разбитой брови.

Патлатый держит Роже за запястья, и пытается уложить её на траву, наваливаясь всем весом. Она сопротивляется, кричит, отбивается ногами, но безрезультатно. Только зря тратит силы. Мужик на адреналине — ему её удары как укус комара. Единственное, что поможет — это если Роже врежет ему как следует, — коленом в пах, — но она даже не пытается. Может, боится? Обязательно научу её нескольким приёмам самообороны!

Ублюдок улыбается, продолжает напирать, но уже яростнее и сильнее, и Роже сдаётся. Падает на траву и испуганно смотрит на фигуру человека, медленно стягивающую с себя штаны.

Это уже не смешно! Я пробую пошевелиться, дёрнуть рукой, но ничего не получаете! Ну, давай, Отто! Очнись!

Патлатый швыряет штаны в сторону (трусов на нём нет), встаёт над Рожей и начинает медленно присаживаться.

— Вот, посмотри! — говорит он. — Смотри, что сделала твоя подружка!

Пальцем он указывает на свою мошонку...

Его член обмотан тонкой серой тряпочкой, с которой обильно капает какая-то хуйня прямо Роже на платье. Он берётся двумя пальцами за свисающий краешек тряпочки, и начинает медленно разматывать свою мумию, то есть — свой член! Я не представляю, что сейчас чувствует Роже, но даже до меня доходит запах гнили и гноя! Последние мотки он снимал с воплями; судя по всему, тряпка прилипла к его херу, и ему пришлось её отдрать. Закончив, он сгибает колени, становясь ближе к лицу Роже, и говорит:

— Ну что, теперь ты видишь?

Я тоже увидел этот пиздец...

Вместо хера из его лобка торчал кривой обрубок, покрытый нагноениями и шершавой коростой, словно на кусок варёной свеклы насыпали кокосовой стружкой! Выглядело как изжёванная “Рафаэлка”. Ну такой себе подарочек девушке... На любительницу...

— Не приближайся ко мне! — кричит Роже.

— Да ты не бойся меня, — он хватает её за руки и начинает тянуть её ладони к своему обрубку, — давай, покажи, на что ты способна!

Видя, как Роже сопротивляется, он быстро меняет свой тон, становится добрее...

— Пожалуйста, помоги мне! Ты же видишь, как я мучаюсь!

— Отпусти меня!

— Отпущу, только ты вылечи меня! Пожалуйста!

Тут мне стало искренне жалко мужика. Чисто по мужски. Да и Роже может ему помочь... вроде...

— Я не могу тебе помочь, ничем! Я могу залечить раны, но не отрастить новую конечность! Отпусти меня, — она начинает хныкать, — я не могу тебе помочь...

— Нет, ты сможешь! Ты обязана исправить то, что натворила твоя подружка! Сучка отказала мне и натравила своего лохматого друга! Видишь, что эта тварь наделала! Лечи меня! Иначе...

— Я не умею такое лечить! — Роже начинает неистово дёргаться, махать ногами, пытается высвободить руки, но всё тщетно. — Отпусти меня!

— Ну раз так! — он отшвыривает её руки в стороны, рвёт лямки на платье, и пытается оголить грудь. Наклоняется и проводит своим грязным языком по её щеке.

Ну, гнида! Сейчас-сейчас... Пальцы на моих ногах дёрнулись. Хорошо! Я сжал ягодицы — лучше. Напряг пресс (если это действительно пресс, а не складки обвисшего жира). Сжал кулаки.

Язык патлатого уже скользил по Роженой шее, начал спускаться ниже. Дотянулся до соска, облизал его, и жадно вгрызся губами в грудь.

Я пробую поднять спину — что-то получается, но этого не достаточно. Лишь слегка оторвался от земли и тут же припал обратно.

Эта грязная сволочь запустила руки ей под платье!

— Пожалуйста, — стонет Роже, — отпустите меня!

Нет! Я этого не допущу! Я должен встать! Чем громче плакала Роже, тем я лучше ощущал своё тело. Еще чуть-чуть... И... Вот спина поднялась. Я сижу! Могу поднять руки, поджать под себя ноги. Мне нужно найти тяжёлый предмет (камень или палку) и уебать этого гондона по голове! Прямо в висок, чтоб расколоть череп на три части!

Начинаю рыскать глазами вокруг себя, но вижу лишь траву. Ведро! Где моё ведро? Я еще раз окинул всё взглядом — нет ведра! Но тут я заметил его штаны. Вижу продетый кожаный пояс. И вижу ножны, из которых торчит рукоятка кинжала. Бинго!

Я быстро припадаю к земле и начинаю ползти к штанам. Патлатый на столько увлечён, что даже меня не замечает.

Потерпи, Роже, я скоро, осталось пару метров!

— Да не сопротивляйся ты, — брызжа слюной, он пытается утихомирить Роже, сделать её покладистой, — я быстро! Потом сама себе всё залечишь! — и начинает хихикать как дурачок.

— Зачем вы это делаете?! Я расскажу папе...

Вытащив свои руки из-под платья, он хватается за щиколотки, вгрызается своими пальцами в розовую кожу, да с такой силой и жадностью, что кожа белеет. Затем раздвигает ей ноги. Роже так сильно дёргает ногами, что сандалии улетают в разные стороны, но из лапищ насильника выскользнуть она не смогла.

— Расскажешь-расскажешь! — его нижняя губа отвисла до подбородка, обнажив ряд тонких зубов, покрытых толстым слоем коричневой шпукатурки. — Пусть он узнает, какая шаловливая у него дочка! Пусть знает, на что ты способна!

Я как партизан, ползу сквозь траву, боясь быть обнаруженным. Но про меня словно забыли, да и что может сделать ребёнок? Поплакать в углу? Только есть один нюанс — я не ребёнок!

Вот и его штаны. Вот и ремень. Я вытягиваю руку, хватаюсь за рукоятку кинжала. Роже плачет еще громче, от чего у меня появляются новые силы. Адреналин бьёт ключом!

Держа кинжал в руке, я встаю на ноги. Меня штормит, но это не страшно. Я делаю шаг, трава не мешает. Медленно подхожу к патлатому сбоку. Увидев меня, Роже замолчала, перестала дёргаться. Мужик уверовал в свою победу, на чём и погорел.

Облизнув губы, он уже был готов вставить свой огрызок, но в этот момент его скрючила боль.

— А-А-А-А-А-А!!! — заорал он истошно!

На, сука! Получи!

Горячая кровь брызнула мне на лицо, попала на губы. Тысячи крохотных капель окропили платье Роже, её

грудь, её обьятое страхом лицо.

Первый удар пришёлся между рёбер, чуть-чуть не достав до сердца. Второй удар чиркнул по костям, лезвие зашло глубоко и чуть не застряло, пришлось с силой дёрнуть на себя.

Получи! Еще! На, сука! На! Больше ты никогда не ткнёшь в меня пальцем!

Эйфория тёплыми волнами разливается по моему телу. Я выдохнул так, как выдыхает мужчина, после того как все камни вышли из почек. Так сладостно выдыхают, когда понимают, что больше не придётся делать паузы из-за режущей боли, что возникает, когда острые грани маленького камушка рвут изнутри твой мочеточник. И когда камень вылетает в унитаз с каплями кровавой урины, ты выдыхаешь в двойне, и, наконец, мочишься как человек.

Даже после приёма двух таблеток циклодола не наступает такая эйфория. Каждый удар кинжала ровнялся приёму целой фольгированной упаковки. И вот, я закидываюсь и закидываюсь.

Бью и бью!

В обычной жизни, употребления такого количества таблеток неминуемо приведёт к гибели. Как меня.

Почти.

После того, как я чуть не выбросился из окна, врач мне сказал, что я должен внимательнее читать инструкцию к препаратам.

— Но доктор, мне было плохо! — говорю я.

Уставившись в монитор, врач кликает мышкой.

Один, два, три, — считаю я про себя лопасти вентилятора, обдувающего весь кабинет, — четыре, пять.

Птицы...

Мне снова хочется летать.

— Я сожалею, но мне придётся уменьшить вам дозу, — сообщает мне охуительно радостную весть доктор. Прямо спаситель, которого я ждал, целую вечность!

— Но мне станет хуже! — жалуясь я.

Инвентаризационный номер его монитора: 231009/1

На мышке — той самой, что кликает доктор — тоже есть номер. И на его стуле он тоже есть, на его диване, на его вентиляторе. Куда не плюнь — везде номера. Я уверен, что и у меня есть инвентаризационный номер в его компьютерной программе.

— Вы были на грани самоубийства! — говорит врач, кликая мышкой. — Вы “почти” покончили с собой...

Врачи такие зануды. Пекутся о нашем здоровье, как будто он сам стоял на том подоконнике, и смотрели в бездонную пропасть боли. И, конечно же, он знает, о чём говорит!

— Но “почти” не считается! — говорю я.

— Я выпишу вам новый рецепт. Соблюдайте рекомендации, и всё будет хорошо. И вот еще что! Я хочу вам дать дельный совет: найдите увлечение, в которое вы сможете окунуться с головой...

Инвентаризационные номера такие же бессмысленные, как и его советы. Я прислушался. Нашёл. Окунулся с головой, да так, что таблетки мне больше не нужны.

Эйфория...

Я бил и бил.

Вдох-выдох.

С конца капает на живот.

Бил и бил, а он и не думал затыкаться! Даже не сопротивлялся, дёргался при каждом ударе, и дёргался. Уставился куда-то вдаль и дёргался, наблюдая за тем, как напуганные громким воплем птицы срывались с верхушек деревьев и улетали прочь.

Дергался и дёргался, а я бил и бил!

На его потной рубашке быстро выросло багровое пятно, а по голым ляжкам потекли струйки крови. Крупные капли летят на землю, часть попадает на траву, прижимая её к земле своим весом.

Тут закричала Роже. Я выдернул кинжал, но останавливаться не собирался. Уже замахнулся, но тут патлатый завалился на траву, свернулся калачиком и начал лихорадочно трястись.

— Отто! Ты что наделал?! — кричит Роже, скидывая со своего живота мужские ноги.

Мухи быстро слетелись на горячую кровь. Я наблюдал, как стая жужжащих насекомых садилась своими тонкими лапками на окровавленный кусок ткани и намертво к нему прилипала. Те, что попроворнее и наглее, залетали внутрь ран.

Подул свежий ветерок.

Патлатый продолжал громко стонать. Подошва его сандалий вспахивала землю. Пальцы рук рвали траву. Вроде, я всё правильно сделал! Что не так?

— Тебя спасаю, дуру! — отвечаю я Роже на наитупейший вопрос.

— Ты убьёшь его!

— И что тут такого?! Он плохой! Он чуть тебя не убил!

— Но не убил же!

Она еще и оправдывает его! Начинается, двойные стандарты... Нужно добить ублюдка.

Я хочу наклониться к патлатому, сделать еще пару тройку ударов, но Роже накидывается на меня, валит на землю.

— Не смей! — кричит она на меня.

— Где твоя сила была, когда он на тебя лез!

— Он сильнее тебя!

— Да, ты права, поэтому я и хочу его добить! Иначе он встанет и убьёт нас!

— Он уже не встанет, посмотри, что ты с ним сделал! — придерживая сползающее платье, она посмотрела в сторону мужика, затем на меня. — Да что с тобой происходит?

— Со мной всё в порядке! Я тебя защищал!

— Но не таким же образом!

— Бля, а каким?!

Она спрыгивает с меня словно испуганная кошка. Припадает к этому грязному насильнику, к этому уродцу с обгрызанным хером, к этому патлатому мудаёбу, и начинает водить руками над его боком!

— Ты что, совсем охуела! — кричу я.

Это уже перебор! Она что, решила залечить его раны? Но уж нет, этому не бывать!

Я хочу быстро встать, уверенно, но сил столько нет. Голова еще кружится. Медленно, опираясь руками о траву, поднимаю своё тело, приседаю на колени. Выпрямляю ноги. Кинжал проёбан, и это очень плохо!

Подхожу к Роже. Грубо хватаю её подмышку и пытаюсь поднять с земли.

— Идём, оставь его!

Она одёргивает мою руку и продолжает кружить ладонями над истерзанной плотью этого вонючего насильника. И я вижу, как раны начинают затягиваться! Медленно, но затягиваются! Кровь уже не течёт...

Если она сейчас его вылечит, и он найдёт силы встать — нам будет пиздец! Не думаю, что он скажет ей спасибо! Вначале меня отхучит, а потом и ей впердолит. Неужели она этого не понимает? Дура!

Я прыгнул на неё. Завалил на патлатого. Он застонал ещё громче. Почти затянувшиеся раны разошлись, выплеснув наружу свежую кровь.

— Всё, Роже, хватит! — кричу ей в лицо. — Побежали домой!

Наконец, я до неё достучался. Её глаза скользнули по моему лицу, увидели разбитую бровь, заплаканный глаз. Мой вид её отрезвил. Рассмотрев меня с ног до головы, она опускает глаза на патлатого. Смотрит, как он корчится от боли. Видит его огрызок. Видит на своих ногах синяки, оставленные длинными пальцами.

Я протягиваю руку и помогаю ей встать. Не выпуская её ладонь, говорю:

— Забудь о нём, бежим!

И вот, перемазанная кровью, окропленная каплями гноя и слюней, что вылетали из пасти патлатого с каждым ударом кинжала, она смотрит на меня. Платье спадает с её худого тела, но она ловит его руками, прижимает локтями к поясу. Кивает головой и говорит:

— Бежим!

И мы побежали. Не оглядываясь, не оборачиваясь. Убегали не только от старика, но и от мужика, которого оставили умирать под палящим солнцем.

Мы — дети, а дети не несут ответственность за свои действия. В отличие от взрослых! Я смогу спать спокойно. Роже, я надеюсь, тоже сможет спать спокойно, но боюсь, что этот случай мог отразиться не благоприятно на её психике. Хотя, какая мне разница! Нужно нахер уёбывать отсюда, перекинуться в тело отца и добить этого пидора!

Сваливающееся платье мешало Роже бежать. Пару раз она споткнулась и чуть не завалилась на траву. Когда поле закончилось, и мы выбежали на дорогу, я остановился.

— Погоди, — говорю я.

Я взял порванные лямки платья и связал их между собой крепким узлом.

— Вот! Как новое!

Роже выглядела помятой, прямо как шлюха на трассе отработавшая восемь часов. В волосах трава, на лице земля, да еще и платье в крови; хорошо что в чужой. Не хватала запаха алкоголя и табака.

— Как ты? — спрашиваю я.

— Как я? А как ты?

— Со мной всё заеб... всё хорошо. Ладно, пойдём. Вон, уже видно деревню.

— Я... — промычала она, — Я не могу пойти в таком виде домой...

— А что случилось?

— Папа будет ругаться, — она опустила голову, спрятав глаза.

Не приятная ситуация. Будь я на месте отца, я бы охренел, увидев дочь в таком виде. А потом нашёл бы пацана, что с ней ошивался, и дал бы ему таких пиздюлей, что он еще год не смог бы на девок смотреть, не испытывая боли в трусах! Надо подумать... Есть идея! Конечно, первозданный внешний вид мы не вернём, но хотя бы примем человеческий облик.

— Погнали на речку!

Подумав несколько секунд, Роже согласилась.

Пришлось идти в противоположную сторону от деревни и свернуть в лес, подальше от старика и его проклятого старого дома.

Шли полем, потом лесом. Показался песочек. Ветерок принёс запах речки, хотя, это был запах рыбы.

Мелкие волны тихо шуршали у берега, принося с собой тину. Не страшно, купались в местах и похуже.

Прежде чем я разделся, Роже повернула меня к себе. Её тёплая ладонь легла мне на висок, пальцы коснулись разбитой брови. Тёпленько... Чуть-чуть зашипало, но тут же отпустило, словно уняли зубную боль, что мучала целую ночь. Теперь я мог видеть как нормальный пацан, обеими глазами.

Я залез в воду, в чём мать родила, а Роже осталась стоять на берегу, стесняясь меня.

— Я не смотрю на тебя! — крикнул я ей, отплыв от берега пару метров.

Говоря это, я, конечно же, закрыл глаза. Не буду же я смотреть на голого ребёнка, особенно девочку. Со мной всё нормально, в отличие от того патлатого кастрата.

Я поплыл дальше. Проплыл еще пару метров, касаясь пальцами песчаного дна, и тут вдруг меня пробил холод. Проплыл еще чуть-чуть, я перестал чувствовать дно, а руки, — как бы сказать, — не держали меня на воде! Короче, я начал тонуть! Это пиздец! Пиздюк еще и плавать не умеет! Да и я молодец — даже не подумал об этом...

— Роже... помоги...

Вода хлынула в рот, обожгла носоглотку. Я пытался вдохнуть, но только зачерпывал воду ртом.

— Роже...

Вот это опасно! Еще чуть-чуть и пойду на дно... и что дальше? Дальше как быть? Рыбы съедят тело, а там если повезёт, и меня схавают. А как же Отто? Паренька будет очень жалко... Это не справедливо! О не заслужил! Это полностью моя вина!

Я калачу руками о воду, а толку никакого. И не могу никак синхронизировать руки с ногами, получается обратный эффект от которого только хуже, я словно сам себя тяну на дно!

Сворачиваю губы трубочкой, делаю вдох, и уже готов пойти на дно, но чужие руки толкают меня в спину, затем еще раз. Сделав очередной вдох, я снова кричу:

— Роже! Помоги! Я тону!

— Мне тут по пупок, — говорит она со спокойствием удава.

И точно! Успокоившись, я коснулся ногами дна. Выпрямился. Вода доходила мне до груди. Вышло неловко, обосрался так обосрался...

— И куда ты поплыл? Ты же плавать не умеешь, — смеется она.

— Я забыл.

Роже стояла передо мной в платье. В мокром платье. Через моё тело пробежало странное чувство: мне захотелось подойти к ней, обнять. Но я устоял, развернулся и пошёл к берегу. Оглядываясь на неё, я видел, как она отошла подальше от берега, полностью погрузилась под воду. Всплыла и руками начала копошиться в голове, вычищая траву и грязь.

Закончив, вернулась ко мне. Мы посмотрели друг на друга. Вроде, чистые. Одежда еще влажная, и следов крови гораздо меньше. А главное — на нашей коже больше не было чужую кровь. Мы словно очистились. Словно смыли всю ту грязь, что нам пришлось испытать.

— Ну... — тянет она, — ...идём домой!

— Идём, как раз обсохнем по пути.

— Отто, ты действительно какой-то странный сегодня.

— Да. И ты тоже.

— Я потеряла сандалии.

Я кидаю свои в речку и говорю:

— Я тоже! И еще проебал ведро, — а это пиздец какая печалька.

Ночью хрен поспал.

Начался дождь. Капли с гроном стучали о деревянную крышу и разбивались о дубовый подоконник, испуская неприятные волны вибраций. Из-за духоты мне казалось, что я дышу влажным паром, вырывающимся из носика закипевшего чайника. Откидываю уж слишком толстое одеяло и вижу на влажной коже неоновое свечение луны. Я в трусах — хлопковая тряпка белого цвета, со стороны похожая на памперс. Меня обуревают желание сорвать их и выкинуть в окно. Выкинуть влажное одеяло, подушку, и надеть сухие вещи. Возможно, я смогу заснуть.

Родители спят. Я могу позавидовать их сну, глубокому, безмятежному. После вчерашней ночи, отец даже не порывался залезть на мать. Никакого намёка. Улёгся рядом и захрапел.

Кстати, пиздюнок за ведро я не получил. По пути домой, мы с Роже придумали историю, в которой та страшная ворона (ну та, которой совсем недавно был я) снова на меня напала, исцарапала руки, лицо (из-за этого кровь на одежде), а когда мы решились дать ей отпор — потеряли ведро и сандалии. Я так и сказал родителям, что кинул ведро в птицу, а оно взяло да и улетело в лес, вместе с вороном. Мне поверили. Надеюсь, Роже тоже. Пиздюком хорошо быть — родители верят любым байкам. Главное — не переборщить!

Еще я спросил у Роже, как она заживляет раны; что за методика или это врождённая способность. Она ответила, что просто умеет быстро разгонять кровь в организме, и так же быстро её замедлять. Как всё просто.

Просто.

Ускоряем и замедляем. Между инсультом и смертью мозга — всего лишь просто. Она даже не понимает, на что способна. Такие способности могут сделать её не уязвимой! Тогда я задумался о возможности захватить её тело, чтобы самому всё прочувствовать, но передумал. Пока, мне и так хорошо. А лишний кипишь мне ни к чему. Да и лучше быть пацаном чем девчонкой...

Этот дождь сведёт меня с ума!

Я попытался закрыть ставни, но мама категорически мне запретила. Сказала, что нужно дышать свежим воздухом. Да он тут и так на каждом шагу! На каждом углу! Да тут в местном сортире воздух чище, чем в городском парке моего города!

Спорить я не стал.

Чем дольше стучал дождь, тем сильнее у меня зудело тело. Зудело везде, и это не были клопы или проникшие и размножившиеся паразиты под кожей — это было у меня в голове. Волна зуда разливалась из кишок, где я всё никак не мог успокоиться из-за незавершённого дела. Профессионалы всегда доводят всё до конца! Меня выворачивало только от одной мысли, что патлатый мудила остался жив и сейчас где-то бродит. Я был абсолютно уверен, что он не заявится ночью ко мне домой. И к Роже он тоже не пойдёт. Вначале ему надо отсидеться, набраться сил. Придумать план. Сейчас он боится. Боится, что мы рассказали о его поступке. Рассказали всё в подробностях, во всей красе! Рассказали всем! В данной ситуации не мы должны оглядываться, — а он. И вот, когда он осмелеет, решит задрать хвост, вылезти из норы и отомстить, я его опережу. Выслежу и доведу дело до конца.

Мне хочется чесаться. Отрастить ногти и чесать каждый клочок кожи. Взять каждую клетку и расчесать до крови. Взять кинжал и всадить его патлатому в грудь...

Наконец-то замолк дождь.

Солнечный свет начал медленно поглощать ночное небо, как будто на чёрный лист бумаги вылили оранжевую краску и влажной кистью начали растушёвывать резкие края кляксы.

Мазок — и над лесом появился яркий полукруг.

Первой проснулась мама, за ней — отец. Замычала корова, закукарекал петух. В деревне наступило утро, а я и глаз не сомкнул за ночь. Ну и ладно, не в первый раз...

Мама зевнула, вылезла из кровати и вышла из комнаты. Мы с отцом проводили её взглядом. Я уже засобирался следом, но батя меня тормознул, спросив:

— Ну что, попробуешь сегодня рубануть?

Рубануть? Заинтриговал. Конечно, попробую!

— Конечно, попробую! — на полном серьёзе выдаю я.

— Хорошо! — отец настолько доволен моим ответом, что улыбка не сходит с его лица, даже когда он слезает с кровати. — Я схожу за Ингой, а ты бегом за Рожей.

— Зачем?

Отец вдруг замер. Вопросительно дёрнул бровью. Подошёл ко мне и присел на колени возле меня.

— А кто нам еще будет корову лечить?

Заглянув мне в глаза, он ищет понимание, и мне не хочется его разочаровывать, ведь я только-только подарил

ему надежду, согласившись на его авантюру. Когда в предложении есть слова “корова” и “рубить” — день обещает быть насыщенным!

— Да я прикалываюсь, па! Конечно, сейчас слетаю за ней.

— Ты как-то странно стал говорить, сынок. Но я рад, что ты общаешься с девочками. Поверь, если сейчас тебе и скучно с ними, то потом... — он начал аккуратно подбирать слова, стараясь не заглядывать мне в глаза, — то потом...

Мазок — и у отца с сыном получился не ловкий момент.

— Будет очень весело? — наивность так и течёт из моих ушей.

— Да! Очень весело! — и он улыбнулся еще шире. — Передай Роже, что Ингу я приведу. И не отвлекайтесь по пути домой, времени у нас до обеда, а я хочу на обед мясо. И на ужин тоже хочу!

Смеясь, и почёсывая зад, он вышел из комнаты.

Я надел свежестыранную одежду и вышел следом. Мама что-то готовила. Мне стало любопытно. Я подошёл к ней и начал наблюдать. Из деревянной миски она доставала чищенные грецкие орехи и набивала ими узкий целлофановый пакетик, похожий на презерватив.

— Что это? — спрашиваю я.

— Как что... — она взяла горсть орехов в ладонь и сунула её в гондон, издав характерное чавканье, — твоя любимая “кишхела”.

Да... а я и не знал.

— А во что ты запикиваешь орешки? — спрашиваю я.

Завязав на конце гондона узелок, она отложила в сторону готовую “кишхелу” к трём уже готовым сосискам, которые до боли мне напомнили чурчхелу. Затем она взяла из другой миски узловатую розовую трубочку, напомнившую мне ту самую пуповину, за которую Роже вытянула из матери младенца, и растянула у меня перед носом.

— Свиные кишки, Отто. Ты забыл?

Точно! Свиные кишки — моя любимая “кишхела”. С орехами. Как я мог забыть?

— На ночь поставлю в коптильню, — говорит она, — и завтра сможешь полакомиться.

— А есть нормальная еда?

— Нормальная?

— Да, я есть хочу.

— Ты пока за Рожей сбегай, — говорит отец, выходя во двор, — а мать тем временем яйца нам приготовит. А на обед мясо будем есть!

Словно ковбой из американского фильма, себе на плечо он повесил скрученную в кольца верёвку, но весь образ испортил топором с гнилой рукояткой, разместившийся всё на той же верёвке. И я уже начинаю чесать репу, задумавшись на какую авантюру я подписался. Корову рубить мне не хотелось, жалко животинку. И кто меня за язык тянул?! Мне даже захотелось дать заднюю, слиться из дома, и пошироёбиться по округе до самой ночи. Но я так хочу жрать, что лесными ягодами точно не перебую адский голод, воющий волком в желудке. Я так и слышу в своих тёплых кишках, как бурлит желудочная кислота, переваривая жалкие остатки пищи. И снова я хочу пить. И зачем-то задаю тупой вопрос маме:

— А пить есть?

— А ты принёс?

Ясно.

— Отто, — говорит мама, — за Рожей пойдёшь — набери воды.

— А ведро?

— Под столом есть еще, — она с подозрением косится на меня. Берёт нож, отмеряет им середину кишок, и, быстрым ударом, рубит их точно по центру. Когда я вижу, как кишки с чмоканьем лопаются на две части — меня передёргивает, словно это по мне вмазали острым ножом.

Подстава, придётся идти к колодцу, а там и “Щепка” недалеко, и может появится патлатый. Конечно, он в открытую не полезет, но кто его знает, может и конченным психом оказаться! Мне нужен нож. Как раз вижу на столе парочку: один с длинным лезвием, другой — покорооче.

— Mam, можно взять ножик?

— Зачем? — спрашивает она, распахнув глазёнки от удивления.

— Ну, вдруг что случится!

— Отто, иди уже! — её голос строгий, и у меня нет никакого желания спорить.

Ясно. Справлюсь и так, но всё же, когда у тебя в кармане лежит шести сантиметровый стальной аргумент, оправдывающий твои поступки (какими бы они не были) — ощущаешь себя увереннее.

Взяв ведро, я подошёл к входной двери. Осмотрелся. И снова задаю тупой вопрос:

— Мам, а сандалии где взять?

— Босым иди, отец вечером сделает. Как раз будет из чего.

Босой, без ножа, да еще и иди хуй знает куда! Денёк обещает быть весёлым.

Выйдя во двор, я немного прихуел от увиденного. Грёбанный дождина превратил внутренний дворик в грязевой бассейн для скота. Даже узкая дорожка, идущая до калитки, скрылась под слоем коричневой жижи.

Но, ничего не поделаешь! Какой ребёнок откажется от такого развлечения. То ли у меня уже крыша поехала, то ли разум пиздюка имел какое-то влияние на меня, но я с радостью прыгнул в грязь.

Тёплая!

Мокрая, скользкая, и тёплая жижа доходила мне до щиколотки. Пришлось даже подвернуть штанины — я всё же не свинья какая-то!

Я дохлюпал до калитки. Собирался её отварить, но услышал громкое мычание. Корова была чем-то недовольна. Обернувшись, я увидел, как отец, держа бурёнку за рога, с силой вытаскивал её из загона во двор. Она усердно сопротивлялась, мочилась себе под ноги, крутила головой. Я лишний раз убедился в силе отца. Хоть его руки и мотало из стороны в сторону, сам он уверенно двигался спиной назад, практически волоча за собой корову. Он подтащил её к невысокому деревянному столбу. Снял верёвку с плеча. Одну петлю накинул корове на шею, другую — на столб.

Отец улыбнулся мне, подмигнул. Я кивнул ему в ответ и ушёл.

На удивление, ходить босиком не так уж и плохо. Наоборот, в этом что-то есть. Философия похуизма во всей красе. Я проходил мимо людей, и им вообще было плевать — есть у меня обувь или нет. Мне даже показалось, пройди я голый — всем будет насрать. Хоть с обосранной жопой ходи, никто ничего тебе не скажет.

Тёплая грязюка хлюпала под ногами, ведро болталось в руке. Я шёл за Рожей.

За Рожей...

Вот это поворот! А куда идти-то? Вчера мы дошли до колодца и там разминулись. Я хотел её поцеловать на прощание, но она даже не поняла, что я от неё хочу. Смотрела на меня как на тупого. Даже спросила, зачем я губы выкрутил в трубочку. Жаль, что она не спросила, что у меня в штанах свернулось в трубочку! Вчера я реально перевозбудился. И я реально это ощущал. Эрекция пришла неожиданно, и так же неожиданно ушла. Ушла вместе с Роже.

Ладно, пойду на площадь, один хер надо набрать воды.

Палящее солнце быстро высушивало грязь, от чего духота становилась еще невыносимее. Жарило как от асфальта в сорокаградусную жару. На ногах появлялась серая корка из смеси песка и фекалий животных, которых водят тут как домашних питомцев.

А вот и площадь! Влажная грязь сменилась сухим камнем. Показалась “Щепка”, и мне стало не по себе. Я заволновался. Начал глубоко дышать, сердце колотилось как бешеное. И меня это бесило! Я понимал, что ничего страшного не произойдёт, по крайней мере, ближайшие пару дней. От таких ранений можно и вообще не оправиться, но насколько успела Роже подлечить патлатого — я не знал. Но так же есть и вероятность того, что его тело медленно пухнет на солнце, наполняясь гноем и паразитами. Мало ли. По-хорошему — это надо проверить. Для галочки, чтоб спать спокойно.

Подходя к колодцу, я озираюсь по сторонам. Особо внимательно поглядываю на злополучный паб. Кстати, сегодня возле него никого. Двери заперты, ставни плотно закрыты. Ну и хорошо! Можно слегка расслабиться.

Возле колодца кружила шпана, взрослые набирали воду. Была небольшая очередь, к которой я и примкнул. Двигаясь со скоростью черепахи, я слушал людей. И ни хера дельного не услышал. Одна бытовуха, от которой меня тошнило. Там кто-то пьяный подрался, там кого-то ударили. Кто-то потерялся — нашли, а кого-то так и не нашли. Везде одно и то же! Бесит! Скука! И жрать сильно хочется.

От безделья, я начал ковыряться в своей голове, а точнее — погрузился в раздумья, но не свои, а пацана. Пробую влезть к нему в мозги, пробую проиграть память назад, как пленку аудиокассеты, которую мы крутили, насадив на карандаш. И что-то назревает!

Перед глазами проплывают фрагменты, судя по всему, ярких воспоминаний: как меня покусал я, будучи в теле вороны. Затем как меня лечила Роже. Вспоминаю, как пару лет назад упал с дерева, сломал руку, и снова меня лечила Роже. Кстати, за всю свою жизнь я ни разу себе ничего не ломал! Неоднократно слышал, как хрустят кости под весом бетонных плит. Слышал, как рвётся кожа, когда острый осколок кости находил себе путь наружу. И даже приходилось слышать, как мелодично воеет металлическая пила, пилящая человеческую кость. Но вот лично я прожил жизнь и даже не знаю, какую испытываешь боль, когда ломается кость...

В принципе, если Роже сможет быстро пофиксировать перелом — можно попробовать. Безумная идея, но живём-то один раз, надо всё попробовать!

Ковыряясь в памяти (а там особо ничего интересного не было), я нахожу дорожку, ведущую к дому Роже. Дорожка идёт от колодца. Идёт через дома, плотно стоящие друг к другу. Идёт по улице, окружённая плотным

забором с обеих сторон. Идёт, и заканчивается возле покосившегося домика.

Сколько угодно я могу говорить себе, что пошёл к Роже по просьбе отца, но истинная причина — желание что-нибудь сломать. Возьму ведро и как хуйну по руке, да так, чтобы кости хрустнули! Прикольно будет! А еще прикольно будет, если Роже не согласится лечить руку, скажет, мол, дурак, сам виноват! Но она так может сказать только в одном случае — если я это сделаю на её глазах — тут всё очевидно. Но если я приду к ней весь такой потрёпанный, да еще и с переломом — она точно мне не откажет!

Я пошёл по дорожке, уходящей к домам. Проходя между домов, ищу место, куда можно положить руку и уебать ведром. Можно положить на камни, но так я, скорее всего, порву кожу. Чтобы сломать кость, нужно положить её как мостик и ударить в центр. А для мостика нужно найти две опоры.

С каменной дорожки я вышел на песчаную тропку, и двинул в сторону дома Роже. По пути нашёл огромный булыжник. Глядя на него у меня появилась одна идейка, но нужен еще один, такой же. Можно и больше, но не меньше. Закинув его в ведро, побрёл дальше. По пути, кроме пыли и грязи, и еще пары гнилых палок, я больше ничего не нашёл. Зато, увидел впереди забор, между штакетин которого можно продеть руку.

Я подошёл к забору. Присел на колени. Нижняя переключина, к которой крепятся доски, на вид толстая и прочная. Я обхватываю её ладонью левой руки, локоть упираю в землю. Он скользит, но у меня получается его зафиксировать намертво. Делаю, так сказать, мост между забором и землёй. Глядя на ведро, мне кажется, что камень подойдёт лучше для удара. Не дай Бог еще разьебать ведро! Ладно рука, её вылечить можно, а ведро? Что с ним?

Беру правой рукой булыжник. Замахиваюсь, целясь в центр лучевой кости. Как-то сыкатно... Прикусываю нижнюю губу, шурюсь, боясь испытать невыносимую боль, и... и...

Пора решаться.

Всё будет хорошо!

— Отто! Ты что делаешь?!

Твою мать!

Я поворачиваю голову на голос и вижу, как ко мне стремительно приближается Роже.

— Отто, зачем тебе камень?!

На ней новое платье серого цвета с большим карманом на животе. Лицо чистое, волосы блестят на солнце. Она, как и я, босиком.

— Я... я... — блядь, да что придумать-то? Со стороны выглядит как полный пиздец. Я как обезьян с гранатой, в прямом смысле!

Я резко опускаю руку и бью камнем по мокрой жиже. Брызги летят во все стороны, но попадают только на меня.

— Крысу хотел прибить! — вру я. — Видела, какая она огромная была?!

— Крысу? Не-а, не видела.

— Эх, убежала! Ты слишком громко орала, — я встаю и смотрю ей в глаза, стараясь быть чуточку суровым, — взяла и спугнула! А так бы я размазал её в труху!

— Прости, я не хотела. Мне показалось...

— Показалось ей!

Ладно, что-то я перебарщивать начал. Сам уселся в это говно с единственным желанием — сломать руку. Я вообще нормальный человек? И о чём я только думал!

— Забей, — я растягиваюсь в широкой улыбке, — ты не виновата, мне надо было точнее целиться.

Она улыбается мне в ответ. Градус напряжения спал.

— А что ты тут делаешь? — спрашивает она. — Ты не боишься гулять рядом с “Щепкой”?

— Не парься! Он нас не будет искать.

— Почему?

— И как ты себе это представляешь? Подойдёт к нам среди белого дня и что дальше? Возьмёт за руку и уведёт в лес? Или начнёт пырять кинжалом на виду у людей?

— Ты говоришь, прям как взрослый. Но, наверное, ты прав. Но я всё равно боюсь. Всё утро просидела у окна, наблюдая за улицей. Потом заметила тебя, и вот, вышла из дома.

— Трусиха, не бойся, — я сейчас похож на дворового гопника, что элегантно подкатывает к местной цыпе, — со мной можешь никого не бояться.

И чего из меня полезла вся эта сентиментальность?

— Кстати, — говорю я, — меня отец отправил за тобой. — Он хочет сделать что-то с коровой.

Она задумалась. Свела брови в одну. Сузила глазки.

— Отец сказал, — говорю я, — тебе передать, что он пошёл за какой-то Ингой.

И тут Роже вдруг воскликнула:

— А, время разделки!

— Время разделки?

— Да, время разделки. Неделя прошла, можно снова разделять корову.

— Снова?

— Да, снова.

Короче, развёрнутого ответа я не получу.

— Идём, — говорит она.

— Идём, — говорю я, и добавляю: — Но по пути нам нужно набрать воды!

Не смотря на то, что меня окружали чужие люди, и мне как бы насрать на их просьбы и желания, я, всё же, набрал воды, как меня и попросила мама. Ну вот, начинается. Еще чуть-чуть и начну в огороде ковыряться. За курами убирать. Сено таскать в засранные загоны для скота. С одной стороны в этом нет ничего постыдного, обычная бытовуха, присуща всем местам похожим на ЭТО. Но мне кажется, здесь я могу найти работу куда интереснее. Да и с пропажей местных надо разобраться. Чёрт его знает на кого рука судьбы укажет следующим! Вначале надо к старичку наведаться, пошуровать в доме, заглянуть под доски. Только тело сменю, а то пиздюком шиться по округе — скучно.

Вместе с Рожей и полным ведром воды мы вернулись домой. Зайдя во двор, мы видим отца. Он стоит возле коровы преспокойненько дремавшей в грязи.

— Роже, привет! — отец вскинул руку с ножом и машет нам. — Идите ко мне.

Роже пошла к отцу, а я потопал в дом, оставить там воду. На пороге меня встретила мама, и строго сказала, чтоб я с такими ногами даже и не думал заходить внутрь. Приняла из моих рук ведро и вернулась обратно на кухню, дальше запихивать орешки в свиные кишки. Пожав плечами, я двинул к отцу.

— Инга ушла? — спрашивает Роже, рассматривая корову.

— Да, — тянет отец и вытирает ладонью пот со лба. — Быстро она сегодня управилась. Говорит мне, чтобы я за рога схватился и держал крепко. Я возьмись, а она как приставит свой лоб ко лбу коровки, и давай шептать что-то неразборчивое. А потом бурёнка и рухнула.

Роже с пониманием кивнула.

— Ну что, ребятки, приступим? — отец выглядит перевозбуждённым, видимо всё ночь ждал этого момента.

Он наклоняется к корове. Пальцами начинает ощупывать огромную коричневую болячку, что у коровы на боку. Щупает-щупает — а та в ответ неприятно похрустывает. Пальцами он поддевает её края и начинает медленно, и очень аккуратно отрывать от кожи. Туго идёт. Болячка прилипла намертво, но отец не сдаётся. Положив нож корове в ухо, он хватается двумя руками за края куска застывшей крови, по размерам как канализационный люк, и начинает её отрывать, оперевшись коленом корове в грудь. Кожа спящей бурёнки натянулась. Раздался хруст. Затем ещё. Болячка треснула, сложилась пополам и оторвалась от кожи. Отец глянул на два куска, что остались у него в руках, оглянулся по сторонам, и швырнул их в сторону. Забрал нож из уха.

На боку у коровы, в области рёбер, был виден розовый круг затянувшейся кожи. Без шерсти, без каких либо пятен. Свежая, розовая кожа, как на коленях в детстве, после того как шлифанул ими по асфальту, а потом, сидя в ванной, медленно сдирал болячку, наслаждаясь приятным пощипыванием.

— Ты готова? — спрашивает отец у Роже.

Та обошла корову и встала со спины. Наклонилась, выставив руки над розовым кругом.

Отец не волновался. Все его движения были отточены опытом и временем. Он подносит нож к месту, где розовая кожа переходит в здоровую. Выдыхает. И давит, погружая лезвие в плоть. А потом словно циркулем рисует ровный круг. Из свежей раны потекла кровь, но Роже начала водить руками и кровь остановилась, оставив на шерсти густые подтёки.

Отец просовывает пальцы корове под кожу, грубо сжимает в кулак края раны, и начинает отрывать кожу от рёбер, помогая себе ножом. Режет тысячи тонких сосудов, что пронизывают плоть сетью туннелей. Срезает жир, срезает мышцы. Роже продолжает кружить руками, и я не вижу даже намёка на свежую кровь, что должна ручьями хлестать наружу! Словно отец режет мёртвое, давно остывшее тело.

Когда нож делает новое движение — корова еле заметно подёргивается, но продолжает глубоко спать. Она явно под каким-то наркозом. Ничего не чувствует! Интересно, что еще умеет эта Инга?

Закончив, отец встаёт, держа в руке круглый лоскут розовой кожи. Он сворачивает его в трубочку и передаёт мне.

— Отнеси матери.

Я быстро побежал к дому. От увиденного меня трясёт. У меня адреналин. Мне хочется снять кожу... но не с коровы, и даже не с животного. Мне хочется найти патлатого! Но это позже, а сейчас я хочу увидеть, что будет дальше! Вроде, утром отец меня просил помочь ему “рубануть”, а это значит, что пришло время моей очереди!

На обратном пути мать пошла со мной. Она взяла маленький табурет и ведро. Поставила его возле набухшего коровьего вымени и начала доить. Тугие струи молока с силой били по деревянному ведру. Некоторые били мимо и падали на землю, быстро растворяясь в грязевой жиже.

Отец снова садится возле коровы. Подносит палец к оголившимся рёбрам и начинает их считать:

— Раз, — ведёт палец по бугристому тёплому мясу.

— Два, — скользит пальцем по узловатым мышцам.

— Три, — давит пальцем на пульсирующие вены синего цвета.

— Четыре, — он останавливается.

Подносит нож и резким ударом вонзает его между рёбер. И начинает резать всю ту биологическую защиту организма, которая не в состоянии противиться острому куску металла.

На лице отца написано, что это занятие не доставляет ему никакого удовольствия. Это его рутина. Его работа. Он не мясник. Ему нравится итог работы, а не процесс.

Он отделяет рёбра друг от друга (больше их не связывает между собой ничего: ни мясо, ни мышцы, ни вены). Теперь он может спокойно обхватить своей могучей ладонью ребро, пошатать его. Он зовёт меня. Зовёт к себе.

Начинается!

— Отто, возьми топор, — и головой кивает в сторону столба, в который воткнут топор, — а нож воткни рядом.

Я принимаю из его руки нож. Ноги скользят в грязи, легкое волнение заставляет меня поёжиться, но я уверенно подхожу к столбу. Вставляю нож, смотрю на топор. Лезвие засело глубоко, но схватившись за рукоять двумя руками, и чуть не пукнув, я его вынимаю. Я весь в предвкушении. Мои глаза блестят. Я глубоко дышу. Подхожу к отцу, сажусь рядом.

— Смотри, — говорит отец, — левой рукой обхватываешь ребро, и тянешь на себя. А топором бьёшь сюда — ножом он делает засечку на кости, практически возле кожи. — Понял?

Я кивнул головой. Роже внимательно за мной следит. Я ловлю её взгляд, подмигиваю, но в ответ она даже не улыбнулась. Вот сучка!

Левой рукой я хватаюсь за ребро — оно влажное и тёплое, но слегка шершавое, от чего моя ладонь не скользит. Тяну на себя и вижу, как оно выгибается, не сильно, но всё же! Делаю пробный замах. Подношу лезвие к засечке, а затем медленно заносу топор над головой.

— Нет, Отто! — говорит отец. — Ты собрался корову разрубить пополам? Или отрубить ребро?

Он берёт мою ладонь и начинает опускать. Где-то в метре от ребра он отпускает мою руку и говорит:

— Вот! Теперь бей. Бей, как будто рубишь дерево, под углом.

Пап, не беспокойся, я знаю что делать!

Выдохнув, я ударил. Кусочек кости отлетел в сторону, но перерубить кость с одного удара я не смог. Крепкая, зараза!

— Еще! — насеждает батя.

Мать прекратила доить корову, решив понаблюдать за мной. А Роже так и стоит с кислой миной. И чего она ожидает от меня?

Я целюсь. Бью, и ребро отскакивает в сторону, как доска от забора, после того как по ней ёбнешь ногой.

— Хорошо, — говорит отец, — теперь с другой стороны.

Всё это время он стоит со сложенными руками на груди. Оценивает каждое моё движение. Хмурится. Видно, что он переживает. Но после того как я всё же отделил ребро целиком, он заулыбался. Забрал ребро и сказал, чтобы я продолжил.

Я опускаю глаза и вижу в узкую щелку между костями огромное красное коровье лёгкое, сжимающиеся как целлофановый пакет после того, как из него высосал все пары клея. Корова делает вдох и красный пакет расправляется.

Выдох-вдох. Наклонившись, я слышу, как бьётся сердце. Оно где-то там, прячется от моих глаз, уткнувшись между лёгких, и когда лёгкое скукоживается — я его вижу. Огромное, как голова отца. Оно стучит. Стучит медленно и громко, как футбольный мяч об стену.

Отделив следующую пару рёбер, я приблизился к самому первому, и именно под ним и прячется коровье сердце.

Отец сказал, чтобы я был осторожен. Это самое опасное место, но, несмотря на всю опасность, мне надо учиться. Произнося эти слова, он посмотрел на Роже, словно ищет в ней поддержку своему решению. Потом он сказал, что мне пора стать ответственным, и всю эту ответственность вложить в удар.

Я ударил. Одно удара хватило, чтоб перерубить ребро в нижней части. Впереди самый ответственный удар. Последний! Нет, правильно говорить: “Крайний”. Но, походу дела, в моём случае, всё таки последний. Последний для коровы.

Давно я не испытывал такого пристального давления со стороны посторонних людей. Это как пойти пописать — я вот не могу пустить струю, пока рядом кто-то стоит. Жму-жму, а с конца даже не капает! Вот и сейчас, окружили меня со всех сторон и ждут чуда! Я так не могу!

Я зажмурился, от злости сжал губы, и уебал.

Горячая кровь брызнула мне на лицо, залила Роже платье, и струей ударило отцу в глаза. Даже залетело маме в ведро, испортив молоко.

Пиздец!

Корова сильно дёрнулась, лягнула меня, кинув в грязь, затем скрючилась, и в тот же миг обмякла, выкинув язык.

Завопила Роже, заорал отец.

Мне хотелось бить и бить! Бить дальше, пока окружающие меня крики не прекратятся! Отмахиваться от всех, даже не смотря на то, что я лежу в грязи...

Бить и бить...

Замолчите!

ПОЖАЛУЙСТА, ЗАТКНИТЕСЬ!

Я замахнулся, но мои ладони были пусты, лишь капли тёплой крови ощущались между пальцев! Я кинул взгляд на корову и увидел рукоять топора, скрывающуюся под медленно сдувающимся лёгким. Вот и пообедали. На удивление, отец вёл себя адекватно. Даже в критической ситуации он держал всё под контролем.

— Отто, быстро вставай!

Отец оседлал корову. Запустил руки ей в грудину, обхватил лёгкое и поджал его вглубь коровы — прямо туда, к желудку, словно парашют упаковал в рюкзак. Показался торчащий из сердца топор.

— Вынимай! Быстрее!

Топор вошёл не глубоко. Схватившись за скользкую рукоять, я с лёгкостью его вынимаю. Роже быстро наклоняется к грудине и начинает рисовать круги.

— Роже, деточка, давай, нужно оживить бурёнку! — у отца по лицу пот струится ручьями. Он смотрит то на Роже, то на меня. Его шея и лицо — красные, поросшие вздувшимися венами.

Роже опустила голову так, что мне не видно её глаз. Не видно её губ, а мне так хочется их видеть; шепчет она или молча создаёт магию, кружа своими ладонями над сердцем? Вопросы волновали меня больше чем судьба коровы.

Нарисовав в воздухе пару тройку кругов, Роже поднимает голову. Глаза закрыты, губы не шевелятся. Из раны, что оставил мой топор, потекла кровь. Сердце дёрнулось, но не забилося.

— Получается! — воскликнул отец. — Продолжай, пожалуйста!

Роже и не думала останавливаться. Она продолжала рисовать круги в воздухе, но теперь она делала это быстрее. Усерднее.

Сердце снова дёрнулось. Края раны потянулись друг другу как намагниченные, и соединились, оставив на сердце бледную полоску шрама.

Все молчали. Я волновался. Я больше не хочу есть, не хочу пить. Я хочу одного...

Раздался стук. Корова ожила, а с ней и мы. Надувшееся лёгкое выпихнуло руки отца из грудины. Он выдохнул, заулыбался. Весь засиял от радости!

— Роже! У тебя получилось!

Она молчала, продолжая водить руками. Там, где были обрубленные концы рёбер, появились острые выступы, напоминавшие горы, что тянутся к облакам. Сотни крошечных гор потянулись друг другу из разных концов рёбер. Когда они, наконец, соединились, на их поверхности начали появляться мышцы, что ручейками потекли из краёв кожи. Надулись вены. И в завершение всего, начала появляться новая кожа, но не так быстро. Вначале появился волнистый полупрозрачный слой, на поверхности которого выступили крохотные капли крови. И эти капельки крови сливались между собой, превращаясь в огромный кусок болячки, на который быстро слетелись мухи.

Вместо четырёх ребер у нас было три. И всё равно отец был доволен. Он был доволен не только Роже, но и мной. Только мама расстроилась; ей пришлось вылить молоко на землю.

Впервые я стою с топором в руке, перепачканный грязью и кровью, а окружающие смотрят на меня с восхищением! Идиллия, которой у меня никогда не было. Я словно снова очутился в детстве, в кругу семьи, где старшая сестра, мама, папа, все смотрят на меня, а ты в их взгляде ловишь теплоту любви и понимание. Ты не один; ни вчера, ни сегодня, ни завтра. Никогда! У тебя есть семья. Настоящая, искренне любящая тебя. И мне больше ничего не надо. Я больше ничего не хочу менять!

Держа три ребра, три ребра покрытых толстым слоем мяса, отец с довольным видом говорит:

— На обед и на ужин хватит. Роже, ты сегодня обедаешь с нами! И это не обсуждается.

Роже закончила колдовать над коровой. Со стеснением посмотрела на отца, а затем опустила глаза на своё платье. Да, видок был у неё не очень. Тусуется второй день со мной, и уже умудрилась дважды перемазаться в крови. А что будет дальше? Надеюсь, у неё есть платья на каждый день?

— Мне нужно переодеться, — говорит Роже, пробуя ладонью оттереть багровые разводы, но делает только хуже.

— Так чего вы ждёте? Бегите! — говорит отец.

Под этим вот “Вы” как оказалось, он имеет в виду и меня. По пути в дом, проходя мимо меня, отец хлопает

меня по плечу и говорит:

— Ну, чего глазёнки вылупил, теперь ты её должник. Руки в ноги и бегом!

Тут не поспоришь! Да и прогуляться я не против. Деревню необходимо изучить по подробнее, может еще есть какие интересные заведения. Да и я больше чем у верен, что помимо нашего захолустья в округе должны быть еще поселения, быть может, даже города! А еще у меня дикое желание навестить моего патлатого другана. Я смотрю на торчащий из столба нож и думаю: спросить разрешения или взять так...

Когда отец с матерью заходят в дом, я выдёргиваю нож, а Роже (конечно же, а как иначе) испуганно спрашивает:

— Зачем он тебе?

Отрезав от конца верёвки тонкий лоскуток, я привязываю к ноге (чуть выше голенища) своё новое оружие и прячу его под штаниной. Холодный металл приятно ласкает мою кожу. Мне хочется взяться за деревянную рукоять, вспороть воздух, услышать свист, и точным движением всадить его патлатому прям в сердце. Но не сейчас, надо набраться терпения. Всему своё время!

— Пригодится, — отвечаю я. — Пойдём.

Мы уже подходим к калитке, я открываю дверцу, и мы видим несущегося к нам на встречу тощего мужика. Он бежит из центра деревни. Бледный, задыхается. Трясёт руками и орёт:

— КРОВОКОЖИ! КРОВОКОЖИ ВЕРНУЛИСЬ!

— Чего он несёт? — спрашиваю я у Роже.

Она успела побледнеть. Руки безжизненно повисли вдоль тела. Её рот открывается, но слов не произносит.

Я хватаю её за плечи и еще раз, проговаривая каждую букву, спрашиваю:

— О ком он говорит?

— Плохо... — мямлит она. Её лицо кривится от испуга.

На пороге дома появляется отец, мать виднеется за его могучими плечами.

— Роже! — кричит он. Выпрыгивает из дома и в два шага подбегает к нам. — Роже, деточка! Быстро беги за Ингой, и прячьтесь в лесу! Слышишь меня? Инга поможет тебе, а ты ей!

Роже кивает головой, но ничего не произносит.

— Роже, побежали! — кричу я, хоть и не понимаю, что происходит. Хочу уже переступить порог калитки, но отец грубо хватается меня за руку.

— Ты никуда не пойдёшь! — он переключает своё внимание на Роже, и снова, на повышенных тонах ей говорит: — Беги! Чего стоишь?

Роже выскочила на дорогу и побежала в сторону центра, только не по главной дороге, а дворами.

Тощий мужик подбежал к нам. Его ноги все в пыли, рубашка вымокла от пота. Глаза как у безумца прыгают из угла в угол.

— Кровокожи вернулись, — говорит он, свернувшись пополам и тяжело дыша.

— Но ведь листопад еще не начался! — говорит отец.

Тощий ничего не ответил. Выпрямился и побежал дальше, в конец улицы, продолжая кричать о приходе кровокожих.

— Пап, о ком он говорит?

— Ты их не помнишь, последний раз они приходили пять зим назад.

— И чего они хотят? Почему Роже должна прятаться в лесу?

— Пойдём, сейчас всё сам узнаешь.

Когда к нам подошла мама, мы все вместе вышли на дорогу и направились в сторону центра деревни.

Пока мы с семьёй (поверьте, мне тяжело называть этих людей подобным образом, но что поделать) идем по песчаной дорожке устланной мелкими камушками и отходами животных, нам на встречу выходят люди из соседних домов. Люди выходят вообще из всех домов. Люди идут сзади. Люди идут впереди нас. У большинства на лицах негодование, у остальных — страх. Вся эта толпа шепчется в едином порыве, выдавая неразборчивые фразы. Речь одних накладывается на возмущения других и до меня доходят лишь редкие фразы, которые я с трудом могу разобрать: то, что сейчас происходит — не должно происходить. Эти самые “кровокожи”, как я понял, приходят осенью, а сейчас, судя по зелёным листьям и по вечно палящему солнцу — лето. С чем это связано — никто не знает.

Когда впереди показалась каменная дорожка, и до центра деревни оставалось совсем чуть-чуть, толпа забурлила. Хлынула в сторону как тысяча мальков, что в страхе прячутся от хищной рыбы. Люди сдвинулись на правую сторону, пропуская кого-то страшного и важного! Я присмотрелся, прищурился: по левую сторону от дороги показался всадник на коне. Он скакал нам на встречу, рассматривая толпу. Всадник был затянут в странные доспехи, кривые какие-то, бугристые, багрового оттенка. И лошадь — она тоже была всё покрыта чем-то напоминающую ту самую болячку, что мы отковыряли у коровы.

Мне было так любопытно, что я не мог оторвать глаз, мне хотелось рассмотреть доспехи в подробностях, в деталях, но отец отвесил мне подзатыльник. Несильный... Так, чутка волосы взъерошил.

— Отто, — говорит он шёпотом, — опусти глаза и смотри себе под ноги. Голову не поднимай! Понял меня?

— Понял, — я опустил глаза и начал разглядывать свои босые ноги, измазанные грязью. Да я весь был перемазан! Даже умыться не дали! Что за срочность то такая? Кто они?

Когда всадник проходит мимо нас, я слышу громкий стук копыт и булькающее лошадиное дыхание, как будто кровь ей затекает в носоглотку. Как мне это знакомо...

— Кто они? — спрашиваю я.

— Я потом тебе расскажу. Нас всё равно это не коснётся. И в будущем тоже. Я надеюсь.

Вот так всегда, живёшь себе живёшь, думая, что не коснётся, а хрен там! Пройдётся так, что мало не покажется. Не правильно он философствует. Надо быть готовым ко всему, к любой жопе, к любому говну!

А вот и пошли камни под ногами. Толпа уплотнилась, как в пригородной электричке рано утром, но двигалась ровным строем.

Мы дошли до центра деревни, и встали недалеко от колодца. Вот и “Щепка” недалеко, а вот та дорога уводит дворами к дому Роже, а та — в лес.

Толпа снова наполнилась возмущением, но покорна начала вытягиваться в ровную шеренгу. Два всадника, облачённые в такие же бугристые доспехи, бежали с двух сторон, выравнивая толпу.

Ну и духотища... В толпе это ощущалось в десять раз хуже — баня под палящим солнцем. А еще громкий стук копыт, достающий до меня. Я чувствую, как по камням бежит вибрация, окутывает пацана и волнами накрывает моё тельце.

Отец положил мне руки на плечи и выставил перед собой. Мать стояла рядом с ним. Я кинул взгляд налево — там также детей выставили вперед, с левой стороны — тоже самое.

Так-так-так... Попахивает каким-то ритуалом...

Из соседних дворов на площадь прискакали еще два всадника. Они слезли с лошадей и медленно пошли к толпе. Мне было их плохо видно, но то, что они делали, мне было знакомо. Выкинув вперёд руку, один из всадников шёл вдоль шеренги и над головами детей рисовал круги.

Вот всадники уже недалеко. Теперь я вижу их как на ладони, но лучше бы не видел никогда. Судя по выступающим грудям и упругим фигуристым задницам — это женщины. Их тела полностью покрыты коричневой коростой, грубой, с тонкими прожилками, тянущимися по всему телу от ног до головы. Слово их покрывает единый толстый слой болячки — коричневый, засохший с трещинами и буграми. Там, где суставы — болячки гладко стёрты и блестят, и ничто не сковывает движения всадников. Они идут спокойно, уверенно, ведут себя как захватчики. Оружия не видно, но, вполне возможно, что оставили на лошадях. А вдруг толпа взбунтует? Успеют они выхватить мечи или что там у них? Но, может быть, оружия и вовсе нет, и это всё (а я очень на это надеюсь), какая-то благотворительная акция?

Вот одна из женщин уже в десятке метров от меня. Её лицо скрывается под маской, на которой я вижу не только тонкие прожилки, но и диагональные порезы, напоминающие след от меча. Ни губ, ни носа, лишь глаза, утопленные в широких лунках её маски. Она кружит ладонью над головой очередного ребёнка, кидает взгляд то на его родителей, то на детей, что ждут своей очереди, и я слышу, как её дреды, а по-другому назвать это я не могу — длинные волосы, доходящие ей до соска, были скручены в острые сосульки, и, судя по всему, пропитаны кровью до

состояния всё той же болячки. Так вот я слышу, как эти дреды скребут по её доспехам.

Причёска этой загадочной дамочки напомнила мне передачу про путешествия, в которой показывали африканских женщин из племени Химба. Помимо огромных сисек, что свисали до пупка, у них было кое что еще, что отличало их от других племён — женщины замазывали красной глиной свои длинные волосы, скручивая их в тонкие какашки. Я тогда пытался подрочить на голых африканок, но не смог; на самом интересном моменте передача оборвалась ебаной рекламой! Всегда! Словно делали это специально!

И вот, эта женщина в кровавом доспехе вращает головой и все эти твёрдые дреды громко скребут по её наплечникам, сыплясь с плеч на спину и с плеч на грудь.

Еще пару детишек, и она возьмётся за меня! А что если она увидит именно меня? Не Отто, а меня, глиста солитёра, преспокойненько живущего в горячих кишках. Меня утешает мысль, что отец отправил Роже в лес только из-за её дара, а у меня ничего подобного нет! А значит — эта баба пройдёт мимо меня.

И вот, она уже готова подойти, как вдруг, на площадь врываются еще два всадника. Подбегают к нам, и один из них громко кричит, словно захлёбывается кровью:

— Мы нашли её!

Женщина резко оборачивается в их сторону. Её дреды взмывают в воздух и царапают лицо рядом стоящего мужчины. Тот откинулся назад и громко застонал. Ребёнок, что стоял перед ним, испуганно припал к отцу.

Я всматриваюсь в того всадника, и вижу, что за его спиной сидит Роже!

Еб твою мать! Пиздец!

Отец сильно сжал мои плечи и раздосадовано прошептал:

— Поймали...

Женщина с дредами подходит к всаднику, протягивает руку Роже и говорит:

— Не бойся. Возьми меня за руку и спускайся.

В ответ Роже протягивает свою ладонь, а в другой — сжимает какой-то длинный предмет, похожий на толстую палку.

В этот момент второй всадник, сидя в седле, зашатался и обмяк, припал к лошадиной шее. Вожжи они не использовали, и как держались на лошадях — хуй знает! Он неуверенно хватается за лошадиную гриву, которая выглядит так же, как дреды на бабе, пытается найти упор, но что-то явно идёт не по плану — он заваливается на бок и падает на брусчатку.

И тут все мы видим, что у него нет правой руки, а на боку — вырван (именно вырван) большой кусок брони. Там, где в броне зияет дыра, всё залито кровью, но наружу она не вытекала.

— Что случилось с Вацлавом? — гневно спрашивает баба с дредами, хватая Роже за руки и грубо срывая с лошади.

— Девчонки пытались спрятаться от нас в лесу, — докладывает всадник, — но мы их нагнали...

— Что случилось?!

— На Вацлава напал медведь.

Баба с дредами уставилась на Роже. Смерила девочку взглядом. Ладонью, затянутой кровавой коростой, стряхнула грязь с её плеча и провела большим пальцем по щеке, стерев засохшую каплю крови. Какие эмоции скрывались под маской — никто не видел. Но я видел, как сильно испугалась Роже.

Меня затрясло. Мне хочется взять нож, напасть на эту бабу со спины и вонзить лезвие сквозь дреды прямо в шею!

— Где вторая девка? — спрашивает баба с дредами.

— Пока мы убивали медведя, она успела убежать. Смогли только эту поймать, — и кивает на Роже.

Баба наклоняется к Роже и спрашивает, булькая кровью:

— И что ты умеешь?

— Она колдовала над медведем... — добавляет всадник.

Роже опустила голову и молчит. Теперь мне видно, что она держит в руках — это рука, судя по всему, второго всадника.

— Молчишь? Хорошо, я сама узнаю, — она вскидывает руку, медленно проводит ладонью над головой Роже. Затем сжимает кулак и восклицает:

— Нашли! — снова наклоняется к Роже, заглядывает в глаза и выкрикивает: — Продемонстрируй!

Роже молчит.

— Продемонстрируй! Слышишь меня?

Роже молчит. И тут, эта сука в доспехах, похожих на застывшее говно, хватается Роже за волосы и притаскивает к телу валяющегося на земле всадника без руки.

— Продемонстрируй! — кричит она на Роже.

Меня затрясло еще сильнее, я уже готов шагнуть вперед, но отец словно ощутил мой порыв — я прям

чувствую, как его пальцы с силой вонзаются в мою кожу, держа меня мёртвой хваткой.

Бедная Роже, во что же ты вляпалась... Только не плачь! Держись!

— Ты меня не слышишь? — наседает баба. — Продемонстрируй! — и швыряет Роже к телу всадника.

— Я не смогу...

— Почему?

— У него рука зажила.

Культя действительно затянулась коркой.

Баба с дредами молча садится возле всадника, берётся за его культю и свободной рукой начинает отдирать свежую болячку. Тот задёргался, замычал. Куски, похожие на кору дерева, посыпались на брусчатку. Вся процедура сопровождалась звуками лопающейся кожи и оханьем толпы, что с отвращением наблюдала за происходящим. Меня же картина устраивала полностью, только крови не хватало; она каким-то чудесным образом оставалась на культе.

Отрывая последний кусок, она говорит Роже:

— Быстрее! Показывай!

Роже подносит к культе оторванную руку, вставляет как протез, и просит бабу подержать. Та перехватывает, упирая её с силой в культю. Роже вскидывает руки над повреждённой конечностью и, как всегда в таких случаях, начинает рисовать круги, опустив голову.

Всадник подёргался-подёргался и замер. Он словно расплылся в блаженстве — боль ушла. Он встал, ощупал приращённую руку, покрутил ею, сжал кулак. На вид — как новая!

У Роже получилось срастить конечность с телом! Охренеть!

Всадник взобрался на лошадь. Его бок так же был цел, а на брусчатке ни капли крови, лишь куски доспеха валялись как засохшее дерьмо.

Баба с дредами хватается Роже за руку.

— Умница! Тебя мы и искали...

— А что со второй девкой делать? — спрашивает первый всадник. — Дальше искать?

— Нет. Нам нужна она...

“Африканочка” подводит Роже к первому всаднику. Кладёт руки ей на талию и начинает поднимать, пытаясь усадить на лошадь.

Пронзительный девичий крик болью отдаёт у меня в голове. Он сверлит мозг! Бьёт по нервам! Словно возле моего уха включили колонку на полную мощность с каким-то музыкальным говном девяностых годов! Пальцы отца уже не в силах меня удержать. Я вырываюсь из мёртвой хватки. Выбегаю вперёд, присаживаюсь. Хочу достать нож. Отец рванул за мной, но, когда баба с дредами кинула на нас взгляд, он замер, оставшись стоять в паре шагов от меня.

— Извините его, — мямлит отец. — Он...

Роже бьёт бабу ногами, колотит кулаками всадника, не давая себя усадить, но всё тщетно. Всадник усаживает её перед собой, повернув к себе спиной. Прижимается к ней, обхватывает руками. Всё, теперь Роже никуда не деться...

Блядская штанина! Поднимайся! Мои руки трясутся. Я тупо не могу задёрнуть штанину! Поднимаю её, а она вонзается в острие ножа, застрекает, мне приходится снова её выпрямить и снова задрать. Подняв глаза, я вижу перед собой ступни, покрытые уже знакомым мне кровавым доспехом. Вижу узкие прожилки, тянущиеся от голени до кончиков пальцев, чьи очертания проступают наружу. Поднимаю глаза и внимательно разглядываю доспех. Каждый сустав, каждое место, где тело должно сгибаться, имеет между пластинами крохотную щелку с отполированными до блеска краями. Вначале я не разглядел, но теперь вижу, что все элементы просто усыпаны мелкими сколами и порезами, оставленными хер знает каким оружием. Некоторые царапины похожи на след от когтей.

— Смелый мальчик... — гремит надо мной булькающий голос.

Я поднимаю глаза и вижу ту самую бабу с дредами. Штанина так и не поддалась; снова запуталась в лезвие ножа. Ну, давай же! Давай! Поднимайся! Я должен достать нож...

БЛЯДЬ, КАК БОЛЬНО!

Эта тварь схватила меня за волосы и потянула вверх, к своей роже. Но я не успеваю заглянуть ей в глаза. Она отшвыривает меня прямо отцу в руки. Прижимая меня к себе, отец возвращается в строй и шепчет мне, шепчет грубо, постоянно одёргивая за одежду:

— Что ты вытворяешь? Успокойся!

— Они заберут Роже! — отвечаю я ему. — Они делают ей больно!

— Ты уже ничего не сделаешь! Мы ничего...

Он замолчал, увидев перед собой ту бабу. Оно подошла к нам. Смотрит на меня, сука...

— Смелый мальчик, — словно с издёвкой булькает она. С насмешкой! Меня это бесит!

Затем она поднимает голову и уже смотрит на отца. Закидывает голову на бок, она словно его узнала...

— А-а-а-а, — тянет она, — такого мужчину я не могла забыть, — и кладёт ладонь ему на плечо. — А где же твоя дочка?

Дочка? Мне хочется залезть в воспоминания Отто, но я так сильно перевозбуждён от происходящего на площади, что даже не могу вспомнить своё утро!

— Её нет, — мямлит отец.

— Ну зачем же прятать от нас столь юное дитя? Сколько ей сейчас, лет пять? Ты думаешь, мы заберём вечно плачущее создание и будем с ним нянчиться?

Отец молчит, опустив глаза.

— Мы вернёмся через пять зим, — продолжает она, — и не смей её прятать!

— Я никого не прячу, — тон отца стал чуточку смелее.

— Ты должен был прийти на площадь со всеми детьми! Или ты забыл правила?

— Я пришёл со всеми своими детьми, — отец поднял голову и уставился на бабу, уставился в её глубокие лунки, внутри которых прятались глаза.

— Так и где она?

Трясущимися губами отец промолвил:

— Она умерла.

— Какая жалость, — цинично, без какой либо жалости, произносит эта сука, — девочка могла бы стать целителем. Ладно, мы выжмем все соки из этой девки, — и поворачивает голову в сторону Роже.

Я снова попытался вырваться, но безрезультатно; отец ни на секунду не ослабевал хватку, вгрызся в мои плечи, как голодная собака в кусок свежего мяса.

— Какой у тебя смелый сын. Любопытно...

Она вскидывает надо мной руку и начинает рисовать свои ёбанные кружочки.

— Отвали от меня, су... — отец зажимает мне рот...

Закончив кружить ладонью, она вдруг выдаёт такое, от чего я напрягся еще сильнее!

— Ты... — на мгновение она замешкалась, но всё же проболтала: — Ты — ПАРАЗИТ!

Она отходит от меня, вскидывает руку, вытягивает указательный палец, и, тыча им в меня, говорит:

— Ты — ПАРАЗИТ!

В этот момент термоядерная бомба взорвалась у меня в кишках, связав своей волной все мышцы моего тела в узел. Такой боли я давно не испытывал. Злость рвала каждый клочок моего тела, рвала каждый волос, рвала ноготь за ногтем с каждого моего пальца. Ну сука, держись!

Я дергаюсь с такой силой, что отец практически выпускает меня из рук. У меня получилось вырваться, сделать шаг на встречу этой запакованной в засохшее говно твари! Но ручища отца снова хватают меня за плечи. Он одёргивает меня к себе, обхватывает руками, да так, что я аж чувствую, как мои лёгкие сдавило как консервную банку под натиском ботинка, и я больше не могу произнести ни слова. Мама заплакала, а отец как заведённый твердит мне на ухо и тверди: — Успокойся-успокойся-успокойся...

— Смелый паразит, — говорит баба, — теперь не сможешь жить без неё? — и указывает пальцем на Роже. — А знаешь... ты меня заинтересовал!

Она медленно подходит к нам, демонстрируя всем своим видом свою безграничную власть над нами.

— Захочешь её вернуть... — и тут она подносит руки к своему лицу. Пальцами поддевает выступающие края своей кровавой маски на уровне виска. Пытается их углубить, медленно распатывая маску, и когда они заходят на половину, начинает её отдирает от лица.

Вначале она замычала. Громко и жутко, и чем больше маска отдиралась, тем громче она мычала. Когда мы слышим, как лопается её кожа, её кожа на лице, что рвётся целыми кусками, она начинает дико орать. Она явно чувствует боль, но продолжает себя мучить. И всё это из-за меня?

Маска отдирается очень туго. Её руки дрожат. В каждое движение она вкладывает всю силу. Я не слышу посторонних хрустов, как это было, когда отец отдирает от коровы огромный кусок болячки. Лишь маленькие осколки с её пальцев пылью осыпаются на землю. Боль сгибает её пополам, шатает из стороны в сторону, но эта сука продолжает себя мучить! Толпа продолжает бурно охать и ахать, а я даже и пискнуть не могу! Отпустите меня!

ОТПУСТИТЕ!

Кровавая баба, наконец, замолчала. За её дредами нам никуда не видно, но, когда она выпрямляется, я вижу её лицо. У неё на лбу, под линией волос, три отверстия размером с монету, из которых обильно вытекает кровь. Кровавый водопад каскадом стекает по её лбу, затекает на нос, на щёки, огибает губы и заливают подбородок, уходя к шее. Ни одна капля не упала на землю. Там, где под рваной кожей видны мышцы лица — выступает густая кровь

и быстро застывает. Она красивая. Ничто не может испортить её красоту. Кровь только подчёркивает стройные линии лица, скулы, тень под губами.

Она идёт ко мне. На её лице уже начал твердеть первый слой, быстро скрывающийся под наплывом следующего. Вот она в шаге от меня. Уставилась мне в глаза и смотрит не моргая. Один глаз затянут кровавым покрывалом, на котором видно лишь черную точку зрачка, другой глаз — обычный, зелёного цвета.

Она протягивает мне руку, в которой крепко держит маску, и говорит:

— Найди меня... — когда она говорит, из её ноздрей и рта вытекает кровь. Кровь заливает губы и твердеет на подбородке в виде острого рога. На лице уже появились очертания той самой маски, что она мне хочет отдать.

Отец продолжает меня держать, но я смог согнуть руку в локте и протянуть ладонь бабе. До маски совсем чуть-чуть, и я не знаю с какого хрена я решил, что она вот так возьмёт и вложит её мне в пальцы...

Баба разжала пальцы. Маска рухнула у моих ног, откатилась в сторону.

— Найди меня, — эти слова вылетели из узкой щели, где только недавно были губы.

Затем она повернулась к нам спиной, отошла, и громко проорала на всю площадь:

— ДОМОЙ!

В конце толпы (или это было начало) вышла вторая баба в таком же доспехе и, держа двух лошадей за гривы, подошла к ней. Они обе уселись на скакунов. Окинули толпу взглядом. Что-то между собой обсудили, после чего лошади вскочили на дыбы, и они помчались по брусчатке в конец улицы, в сторону леса, уходящего хуй знает куда, но я уже точно знал, что я отправлюсь следом! И найду эту суку!

Когда они ускакали, и оханье в толпе сменилось бытовыми разговорами, отец меня отпустил. Я уже хотел кинуться к маске, но вдруг тощая рука в чёрном рукаве опередила меня. Длинные пальцы схватили маску и кинули в ведро. В моё деревянное ведро!

Ебать мой хуй! Этот тот старик!

Прищурившись, он смотрит на меня. Изучает.

Я двинул в его сторону, но рука отца снова, БЛЯДЬ! Снова хватаем меня за шиворот и тянет прочь.

— Она тебе не нужна, — резко ворчит старик и уходит прочь.

— Нет! Нужна! — кричу ему я вслед.

— Нет! Не нужна! — кричит на меня отец. — Не смей! Успокойся, Отто! Всё, Роже больше с нами нет! Теперь мы сами по себе, больше нам не помогут, а значит мы должны быть аккуратными во всем! Понимаешь! Во всём! Это значит, что теперь никто не вылечит твои раны, никто не срастит твои кости, никто не приделает обратно тебе твой оторванный палец!

Он разворачивает меня к себе, наклоняется, пронзительно заглядывает в глаза.

— Отто, никто! Ты понял меня?

— Понял...

Всю дорогу, пока мы шли домой, родители молчали. Ни слова не произнесли. Словно ничего и не было. Так. Пустяк какой-то. Подумаешь Роже увезли в неизвестном направлении — ничего страшного. Но я считаю, что это полный пиздец! Все попытки выпытать из отца: кто и откуда эти всадники — не увенчались успехом. Он лишь мотал головой. Смотрел на мать и снова мотал головой. Когда он кидает на меня быстрый взгляд, я успеваю уловить в его блестящих глазах боль. Боль утраты — боль, которую ничем не скроешь. Роже была для него не просто соседской девочкой. Нет! Она была для него как дочь. И сегодня он снова потерял ребёнка.

И эти люди — грязные жители этой деревушки — по пути домой обсуждают всякую хуйню, и даже словом не обмолвились о происшедшем на площади! Беда минула и бог с ней? Да, верно, похуй на других. Похуй на Роже! Похуй на всё! Продолжайте обсуждать своих кур, своих коров. Обсуждаете свои переполненные говном туалеты! Сегодня беда миновала ваши дома!

Аххх... Как же я зол! И сделать толком ничего не могу!

Я вспомнил про нож, привязанный к моей ноге. Штанина в хлам вся разодралась, пока я пытался его достать, но родители этого не заметили. Ну и хорошо, он мне пригодится.

Когда мы пришли домой, корова уже проснулась. Отец отвязал её от столба и завёл в загон. От моей помощи он отказался. Я вижу, что он пиздец как расстроен, но вот молчать весь день как обиженная баба — это неправильно! Выскажись, скажи хоть что-нибудь! Видимо, я для него просто сын. Просто мелкий пиздюк, ничего непонимающей в этой жизни! Ну и ладно, пусть так считает, у меня своя игра.

— Мама, — говорю я.

У неё, как и у отца, вместо лица — скорбь. Она посмотрела на меня с порога, и мне показалось, что она постарела лет на двадцать. Золотистые волосы на солнце блеснули сединой, а наворачивающиеся на глазах слезы казались зеркалом, в котором я мог видеть своё отражение.

— Давай схожу за водой, — предлагаю я.

Она задумалась. Посмотрела на отца, на его ноги, на его грязные руки.

— Сейчас я принесу ведро, — и ушла в дом, сняв сандалии у порога.

Пока мама ходила за ведром, отец подошёл к столбу, к которому была привязана корова, и из которого я вынул нож, и начал его рассматривать. Обошёл кругом.

— Отто, — говорит он, — а ты нож не брал?

— Не-а, пап. Зачем он мне... — отец сейчас рассеянный как младенец, поверит в любую дичь.

— Да куда же он делся, — отец почесал затылок и смачно харкнул в жижу грязи.

— Пап, — говорю я, — может в корове забыл?

Такого перекошенного лица я еще никогда не видел. Нет, не на такую реакцию я рассчитывал! Думал, что он хоть чуть-чуть улыбнётся, а он... Неужели он поверил? Бляяя, сейчас как возьмёт и вскрыет коровку, — а там пусто. Зря я так пошутил... И он реально попёрся к корове.

— Пап, — кричу я, — я помню, что когда мы уходили, он был в столбе! Может, упал в грязь. Или забрал кто.

Он снова начал кружить возле столба, распахивая грязь ногами.

Вернулась мама.

Я забрал ведро, выскочил на улицу и помчался на центральную площадь. Конечно же, никакую воду я набирать не собирался. Это был предлог, чтобы съехать из дому. Всё легитимно!

Ведро я закинул под забор соседнего дома, и мне было насрать — спиздят его или нет. Сегодня я вернусь домой со своим старым ведром. И маской! Потому что эти вещи мои, и пользоваться ими вонючий дедан права не имеет!

Дорогу до деда я хорошо запомнил. И хорошо помнил расположение одного местечка. Проходя мимо лужайки, где мы оставили патлатого, я не смог сдержать любопытства. Конечно, ошибочно называть испытываемое мною болезненное чувство незавершённости — любопытством, но я более чем уверен, что этим самым словом: “любопытство” — можно описать любое чувство, толкающее нас на приключения. Злость — это любопытство. Любовь — это любопытство. Месть — это тоже любопытство, которое излечит ваше болезненное чувство незавершённости.

Держа нож в руке, я нырнул в высокую траву. Тщательно всё осматривал, замирал при каждом звуке. Потратил около часа на поиски гнойного насильника маленьких девочек, но ничего не нашёл. Смятая трава успела выпрямиться, а дождь окончательно смыл все следы. Но я точно знаю, что это было здесь!

Ну и ладно, хрен с ним! Найду позже. Никуда не денется от меня!

Вернувшись на дорогу, я побрёл в сторону реки. Рукоятка ножа приятно лежала в ладони. Отличная работа: нож лёгкий, острый, нужной длины, чтобы дотянуться до сердца и не быть слишком заметным, если его прятать

под рубахой, или как я — под штаниной. Но так делать не советую. Если вдруг припрёт — хрен достанешь!

Миновав речку, я дохожу до подлеска, а там уже и дом старика можно разглядеть. Если бы я не знал, что там стоит дом, никогда бы его не нашёл; в густой тени, что падает с разлапистых сосновых крон, можно было спрятать небоскрёб. Но я знаю куда идти. Скрывшись в высокой траве, я ухожу от дома в сторону. Затем перебегаю метров десять по открытому полю и ныряю в лес. Прячусь в первых попавшихся кустах. Осматриваюсь. Перемещаясь от дерева к дереву, подхожу к дому.

Тишина, лишь птицы распевают свои трели, да мухи назойливо жужжат у лица. Под ногами хрустнули сухие ветки, и я себя молча отругал. Надо быть внимательнее, и помнить, что под листвой скрываются не только ветки, но и толстые корни. Чем ближе к дому, тем сильнее меня потряхивало.

Неизвестность!

Неизвестность — мать адреналина! К сожалению, в моей обычной жизни я уже начал забывать эти сладостные моменты, что пинками в спину подводят тебя к грани безумия. Но и безумие со временем становится обыденностью. Вообще всё становится обыденностью, от которой так просто не убежишь по асфальтированной дороге. Нужно перестроиться на обочину. Съехать в кювет, перевернуться. Разбиться и выжить. Выжить. И жить дальше, оглядываясь на тот самый кювет, что подарил тебе новую жизнь.

Я не хочу переворачивать жизнь Отто. Меня беспокоит, что столь юное тело так часто вырабатывает адреналин. Это неправильно. Так не должно быть. Так не должно быть в нормальной жизни. Я — всего лишь пассажир его машины, и я надеюсь, что мои поступки не приведут его ни к грани безумия, ни к осточертевшей обыденности. Его дорога только началась, и я обещаю — я скоро выйду.

Подойдя к стене дома, я замер. Прислушался. Вроде... вроде тишина. Старика не было. Хотя, может он и спит. Я подхожу к окну, высовываю голову — пусто. Отлично! Надо быстро найти ведро и маску.

Залезаю в дом. Рыщу по комнате и ничего не нахожу. Досадно, но еще есть кухня, пару шкафов и тот сарай, что прячется за домом.

На кухне всё без изменений. Всё также под потолком висят тушки птиц. Стол усыпан хлебными крошками. Есть свежие овощи; в большой тарелке, под пучком укропа, я вижу сочные помидоры. Под столом тоже пусто. Вот блин...

Куда же ты мог их положить?!

Я снова возвращаюсь в комнату. Подхожу к шкафу. Хочу уже открыть дверцу, как слышу истошное мычание. Мычание сквозь боль. Сжав рукоять ножа, я медленно подхожу к столу, из-под которого разносятся загадочные звуки. Присмотревшись к полу, замечаю ржавое металлическое кольцо, закреплённое к доске такой же ржавой металлической скобой. Ага, а вон и петли. Это квадратный люк, замаскированный под четыре половые доски.

Пробую подлезть, схватиться за кольцо, но мне мешает стол. Надо его нахер отсюда выкинуть. Вылезаю из-под стола, уже хочу схватиться за его ножки и перевернуть на бок, как слышу громкий топот и хлопанье двери.

Что?

Куда?

Я молнией подбегаю к шкафу, ныряю внутрь. Ох, как же здесь воняет скисшим потом... пиздец! Ворот рубахи цепляю к носу и дышу ртом, делая малые глотки. Слышу, как там, на кухне, кто-то недовольно ворчит, разгребая посуду. Громко скрипят доски. Прижавшись к дверцам шкафа, я могу видеть комнату сквозь маленькую щелку.

Старик, облачённый в чёрную мантию, прихрамывая, заходит в комнату. В одной руке он держит тарелку с двумя помидорами, в другой — буханку белого хлеба. Подходит к столу. Разложив еду на столе, он отодвигает стул, садится. Немного помолчав, произносит:

— Ну что, ты проголодался?

Кому он говорит — я не знаю, он сидит один. Может у него уже деменция, или старческий маразм? Или... или неужели под досками, там, в скрытом погребке кто-то сидит?

Я отстраняюсь от дверцы и чувствую под ногами одежду. Щупаю руками и понимаю, что она везде! Разная! Взяв первую попавшуюся в руку вещь, я подношу её под узкую линию света, что прорывается сквозь щель в двери, и вижу платье. Красное, длинное. Беру другую, подношу — и вижу серую рубашку, мужскую. Другая вещь — штаны. Другая — хлопковая кофта с длинным рукавом. Другая — детское платье. Другая — детская рубашка. Я уже понимаю, откуда эта одежда. И понимаю, что это не филиал секонд-хенда. Эти кучи, эти ворохи грязного шмотья собраны с абсолютно разных людей. И я больше, чем уверен, что с дедом не проживает здоровый мужчина, жирная баба и маленькая девочка.

Мне всё стало ясно. У меня у самого шкаф был постоянно завален чужой одеждой. А куда её девать? Выбрасывать — палево. Сжигать — жалко. Но я нашёл решение. Сайт объявлений, храни его Господь! И не обязательно было закидывать вещи в стиральную машинку; люди покупали и с пятнами пота, и с пятнами крови, главное — это дорогая бирка. Вещи от Levi's улетали в туже минуту, как появлялась объявление. Как правило, приезжали всякие педики и расфуфыренные тёлки. Они просили померить, — а я был не против. Конечно, говорил

я, можете зайти в ванную и померить.

И вот, надевая на себя джинсы, которые я стянул с морально дегенерата, позволившего себе тыкать в меня пальцем и усираться, что это я помял упаковку его говёного айфона, надевая на себя джинсы морально дегенерата, которого я потом распилил на множество частей и скормил собакам на очередной стройке элитной высотки, педрила выходит из ванной и спрашивает меня:

— Они меня не полнят?

— Конечно нет, — отвечаю я. — Не полнят.

В этот момент я для него не просто продавец бэушных вещей. Я — друг, помощник в тяжёлом выборе. И действительно, джинсы сидели на нём офигенно. Наконец-то вещь нашла достойного владельца. Жалко, что на штанине имелось багровое пятнышко, но ничего страшного. Педрила так и говорит:

— Ничего страшного, химчистка всё исправит.

С подбородка капает на пол.

Дед снова вгрызается своей беззубой челюстью в сочный помидор, снова стучит ногой по полу, пытаюсь заглушить мычание.

— Заткнись, — недовольно он бурчит, когда и это не помогает.

Обглоданный помидор вернулся на тарелку. Дед вскочил, отодвинул стол к стене. Нагнулся к люку и открыл крышку. Что там или кто — я не видел. Но за то я услышал речь человека, потерявшего все силы:

— Пить...

— Что ты там мычишь?

— Пить...

— Пить хочешь? Ну, хорошо... сейчас-сейчас.

Старик улыбнулся. Закрыв крышку подвала и ушёл на кухню с пустым глиняным стаканом.

Пока он там ворковал, я начал думать. И мысли мои меня пугали. И какого хрена я сюда попёрся! Да еще и один! Надо выбираться нахер! Не дай Бог он меня запалит и поймает! Что я буду тогда делать? На крайняк у меня есть нож, который я с удовольствием пушу в ход, но риски никто не отменял. Может и боком выйти. А что он делает с телами жертв — неизвестно. И тогда окажусь я в числе “пропавших”, и никто так и не узнает правды.

Тогда решено — валим к чёртовой матери от сюда нахер!

Я вылезая из шкафа, подкрадываюсь к окну, стараясь не обращать внимания на мычание, но опять это любопытство. Мне пиздец как интересно — кто же там сидит! Вот я уже у окна, хочу вылезти на улицу, но громкий хлопок двери меня останавливает. Дед ушёл? Выглянув в окно, я вижу, как он прётся в свой сарай.

Пронесло, теперь можно спокойно съебаться из дома. Залезаю на подоконник и снова слышу мычание. Мычит и мычит!

Мычит и мычит! Ты можешь заткнуться? Успокойся! А любопытство тянет меня в дом обратно.

Да и дед сдвинул стол к стене. Теперь мне ничего не мешает открыть крышку подвала. Да и с пустыми руками уходить нельзя. Я знаю, что ведро и маска где-то здесь! Я чувствую! Вполне возможно, что они именно там и лежат, в подвале, ждут моего прихода!

Снова мычание и я окончательно всё для себя решил. Спустившись с подоконника, я подхожу к крышке. Хватаюсь за ржавое кольцо и тяну на себя. Крышка не поддаётся, тяжёлая как слон! Тужусь и тужусь, но всё в пустую.

Я вдруг осознал, что всё равно ничего не смогу сделать. Я — маленький мальчик с ножиком. И всё. Мне нужно сделать что-то радикальное. Я должен не только заполучить свои вещи обратно, но и остановить творившееся тут безумие! И не руками пиздюка. Может это и есть моя цель? Возможно, именно для этого я здесь оказался...

Я кидаю взгляд на стол, смотрю на горбушку хлеба. У меня есть идея. Стрёмная, но, живём один раз, надо всё попробовать! Да и деду хочется насрать по полной. Нехуй воровать чужие вещи, и людей! И сейчас самый подходящий момент, иначе я никогда не узнаю, куда он спрятал мою маску.

Ладно, Отто, будем прощаться. Спасибо тебе за те тёплые дни, что я провёл в кругу семьи! Спасибо за единственно добрые воспоминания...

Положив нож на стол, я беру мягкую горбушку хлеба и вставляю свой мизинец в тёплый мякиш. Места достаточно. Затем спускаю штаны до колен, не спуская глаз с входной двери, присаживаюсь на корточки и подставляю горбушку к своему анусу. Я начинаю извиваться, скользить по кишкам смазывая стенки молофьей. Двигаюсь быстро. Трусь о стенки кишок, трусь о кал, и уверенно двигаюсь вперёд. В какой-то момент окутывающее давление кишок исчезает. Моя продолговатая тонкая голова свободно повисает в воздухе. Я заглядываю между ног, рукой отодвигаю в сторону маленькую пипиську и вижу торчащую из своего очка головку извивающегося червячка. Прицелившись, накрываю его — то есть себя — горбушкой.

Я — тот, что солитёр, — выныриваю из ануса в горбушку и, свернувшись пружинкой, погружаюсь в тёплую

тзму. Всё, больше я не чувствую тело Отто. И вот тут я проебался с планом по полной программе! Я так привык к телу мальчика, что даже и мысли не допустил, что связь между нами может разорваться! Бляяяя... Тупой я пиздюк!

Ладно, спокойно... всё будет хорошо!

Тут отворяется дверь. Раздаётся громкий топот, и до меня доходят волны вибраций по тону схожие с голосом старика.

Приплыли...

— Ты что тут делаешь, паршивец! А зачем портки снял? Хотел нагадить мне на пол, засранец?!

Он заходит в комнату. Начинается какая-то суматоха, в которой я, сидя в хлебе, падаю на пол.

— А хлеб зачем украл? — хрипит старик. — Проголодался? Потерпи, скоро и тебя накормлю.

Отто захныкал, начал звать маму. Прости пацан, я не подумал о последствиях. Ну почему я всегда не думаю о последствиях! Потерпи, я всё исправлю.

Две пары шагов засеменили в сторону подвала. Скрипнула крышка, после чего дед сказал:

— Полезай! Не бойся, у тебя будет компания.

— Пить... — мычал голос из подвала.

Отто заплакал еще громче. Началась суматоха, громко застучала по полу обувь. В какой-то момент, судя по всему, дед одержал победу и кинул Отто в подвал. Теперь я ощущал только одну пару ног. Грохнула крышка. И теперь, помимо мычания, я слышал детский плач, доносящийся из-под досок.

Шаркающие шаги приблизились ко мне. Я нервничал. Боялся быть обнаруженным, потому что если дед меня запалит — пострадаю не только я. Эта мысль сводит меня с ума.

Вот он поднял горбушку с пола. И я очень надеюсь, молюсь, что он не выкинет её в компостную яму. Слушай, дед, не надо переводить хороший продукт, особенно когда он нафарширован такой сочной начинкой — мной!

Дед подошёл к столу. Сел на стул, продолжая держать меня в руке. Я словно улитка, спрятавшаяся в раковине. Слышу, как он чмокает помидором, откусывая очередной кусок. А затем я поплыл по воздуху. Поплыл к потолку. Начинается. Он подносит горбушку к губам. Запихивает её на половину в рот и кусает своими розовыми деснами с парочкой гнилых зубов. Мякиш приятно давит на меня со всех сторон. Я словно завернулся в тёплое одеяло холодной зимней ночью. Осталось дожидаться, когда зева тьмы захлопнется, утянув меня в горячие кишки старого деда, где я буду как дома. Как в хорошем, богато обставленном доме на побережье чёрного моря.

Мякиш давит сильнее. Полегче, дедуля, не сломай зубы! Если будешь продолжать в том же духе — перекусишь меня! Глотай так! Слышишь меня? Глотай! Глотай целиком!

Давление становится невыносимым. Еще чуть-чуть и мои чёрные глазки, как у креветки, вылезут из орбит, повиснув...

ЕБАТЬ! АААААА!

БОЛЬ...

НЕ...

ПЕРЕДАВАЕМАЯ...

Словно я рубанул себя топором по пальцу, перерубив не только кожу и сухожилия, но и кость...

СУКА! Дед перекусил меня своими гнилыми зубами пополам! Я не чувствую хвоста, не чувствую зада! Моя оставшаяся маленькая половинка погружается в густую слюну и перемешиваясь с кусочками прилипшей к дёснам еды. Моя голова скребёт о гнилые зубы, о шершавый язык. Острые крошки вонзаются в моё тельце, и я боюсь, что одна из них может попасть мне в дырку, загноиться там, а это в свою очередь приведет к смерти! Но я не знаю свою физиологию! А вдруг в откусанной части тела было сердце? Может, я сейчас умру...

Я не хочу умирать! НЕ ХОЧУ!

Мне хочется блевать. Блевать от боли и кричать от страха, что меня охватил!

Я трусь... не хочу, но трусь...

Трусь... Но слюна деда гуще; она не даёт извергнуться наружу моей молофье, и смывает меня в глотку. И я улетаю в пустоту, как каяк с водопада в бездну.

Подобно слепому кроту, что роет норы для спасенья от дождя, я рыл свою дорогу головой, стараясь не обращать внимания на боль, льющуюся из моего конца. Я дрыгался, крутился, извивался. Цеплялся за мягкие стенки горла, за пищевод. И постоянно чувствовал, как агрессивная среда чужого организма пробует меня на зубок, пытается определить: съедобный я или враг, от которого нужно срочно избавиться. Как дождевая вода обжигает лёгкие крота, так кислота желудка обожгла моё крохотное израненное тельце. Снова боль, снова отчаяние. Я думал, что сейчас умру, но мой организм не такой слабый, как я думал. Инстинкты активизировались — я зашевелился. Зашевелился в прямом и переносном смысле. Я шевелился, чтобы выжить.

Внутри желудка я услышал голос.

— Он откусил у тебя лишь хвост! — Дроздов вернулся. — Успокойся! Это царапина.

Но мне больно!

— Тебе не больно! Запомни, ты не чувствуешь боли! Твоя жизнь — это боль. Ты можешь ощущать только сокращение мышц, остальное — рождает твоё уродливое подсознание, привыкшее бояться любой, даже столь незначительной боли!

Нет!

— Да! Отпусти ты эту боль! Скручивайся, трись, крутись — это твой язык чувств. Ты — глист, что должен выжить в любой враждебной среде, и не важно — куда закинула тебя судьба! Хоть в пищевод коровы, хоть в пищевод свиньи! Пусть ты окажешься в кишках белой акулы — ты должен жить!

И снова советы старших! А меня учили, что старших надо слушать. И уважать!

Я опускаюсь на дно. Чувствую стенки желудка — они бугристые, горячие и мягкие, как целлюлитная жопа толстой проститутки. И как положено, я начинаю тереться на все деньги! Трусь всем телом, облизываю шершавую кожу и снова трусь. Хватаю пальцами так, что белеют складки, разглаживается целлюлит, и шлюхе это нравится! Она стонет, начинает извиваться. Просит в неё войти.

Я трусь и вхожу. Трусь и вхожу, не чувствуя боли... Еще... О-да! Да! Вот так... Еще-еще! Трись! Трись! Сегодня можно в кровь стереть всю кожу! О-да! Вот так, ты молодец! Засуну ка я этой жирной шлюхе в жопу!

И... и.... вот так... пошла! ПОШЛА МОЛОФЬЯ ПО ТРУБАМ!

Кусающую боль от кислоты смыло, словно на свежий ожог пустили струю ледяной воды. Я успокоился. Мысленно выдохнул. Теперь я в безопасности. Как и обещал Дроздов — боль ушла. Судя по всему, её и не было. Всему виною неправильные движения телом. И паника. Теперь нужно найти проход к кишкам.

Пока я дрыгаюсь, скребу о стенки желудка, бьюсь о проплывающую мимо меня еду, дед с кем-то разговаривает. Он открыл крышку погреба и говорит:

— Малец, а ты случаем не сын Юриса?

Сквозь детский плач, я слышу, как Отто отвечает: — Да.

— Бедный-бедный Юрис. Хороший мужик, но вот дети слишком любопытные. А ты свою сестрёнку помнишь?

Сквозь детский плач, я слышу, как Отто отвечает: — Да.

— Бедная девочка. Заблудилась. Потерялась. — всё это время дед кряхтит и свистит, тяжело выпуская воздух из лёгких. — Одна гуляла по улице! А это не допустимо! Родители должны смотреть за детьми! Вот ты? Почему ты здесь очутился? Где твой отец!

Сквозь детский плач, я слышу, как Отто отвечает: — Я не знаю... отпустите меня...

— Ты не нужен своим родителям. Я своего сына никуда не отпускал. И не отпущу. Никогда. Глупый-глупый Юрис, остался без детей.

— Отпустите меня, — хнычет Отто, — я домой хочу.

— Зачем? Ты никому не нужен, — и начинает смеяться, но быстро замолкает, чуть не подавившись.

— Я домой хочу...

— Пить...

— Заткнитесь вы оба!

Крышка подвала с грохотом закрылась. Дед куда-то ушёл.

Что задумал этот старик? Зачем ему пацан, для чего ему вообще нужны люди? Мутный он. Завалит Отто! Стопудово завалит, если я не вмешаюсь!

Старик вышел на улицу, я чувствую это по шуршащей листве под его ногами. Зашёл в помещение. Пока он там что-то делал, ходил из угла в угол, ругался на самого себя и проклинал всех жителей деревни, я продолжал искать проход к кишкам.

Всё осложнялось едой, скопившейся в желудке. Твёрдой едой. Из-за отсутствия зубов, дед глотал продукты не

пережёвывая, а это очень плохо для пищеварения. И как оказалось — плохо для меня. Что там творится в кишках — я не хочу думать. Решаем проблемы по мере их поступления.

Головой я нащупал что-то средней мягкости — по консистенции напоминает мясо, истыканное ножом. Мне нужно найти дырку! Снова! Снова и снова я ищу дырку. Что за жизнь такая! Я ползу по мясу — ищу мягкие участки, готовые пройти в сфинктер привратника — эта и есть та самая дырка, через которую еда попадает к вам в кишки. И вот, спустя хуй знает сколько времени, я ощущаю мягкие куски мяса, разваливающиеся подо мной. Ползу дальше. Ага, вот оно; мясо разваливается на мелкие волокна, по толщине схожие с моими размерами.

Головой я упираюсь в стенку, веду в сторону — всё это напоминает первый секс, когда ты заявляешь, что это у тебя не в первый раз, но вставить получается только с пятого, и то, когда тебе помогает твоя “неопытная” партнёрша. Но сегодня мне никто не помогает! Только я и моя головка. И дырка, в которую я, наконец, проникаю этой самой головкой. Начинаю извиваться, дрыгаться сильнее. И... И я зашёл!

А тем временем старик всё ходит и ходит.

Ходит и ходит.

Пока я пробираюсь сквозь двенадцатиперстную кишку, дед заходит в дом, заходит в комнату. Снова открывает крышку подвала и говорит:

— На, Отто, выпей.

— Я хочу домой...

— Пей, я говорю! — старикан злиться.

— Пить... — мычит голос.

— Ты потом! — кричит дедан. — Потерпи, и до тебя очередь дойдет.

А тем временем, я ощущаю уже знакомую мне обстановку. Выпуклые вены, горячие скользкие стенки, и твёрдый кал — я в толстой кишке. Я дома. А значит — я могу веселиться! Дрыгаться и извиваться. Я начинаю тусоваться! Молофья брызжет из меня как никогда. Я заливаю всё. Несусь вперёд — и там всё заливаю, смазывая стенки и говно. Я словно скульптор, что мажет глиной острые края! Я — дизайнер, переделывающий квартиру под нового жильца — современного и продвинутого. И молодого, как я!

Я!

Я!

— Я! Я... — я вижу стены, стол. В руке у меня кружка. — Я дед... — и я сказал это вслух.

Опустив глаза, я вижу Отто. Бедный мальчик прижался к земляной стене, накрыв своим телом какого-то голого мужика. Я присаживаюсь — и это ой как не легко; у меня хрустнули кости, отдало в спину и заболела шея! Мляя... Ну и хер с ним, всё равно деда в расход.

Приложив не дюжину усилий, я всё же присаживаюсь, протягиваю Отто руку.

— Отто, — говорю я, — это я!

От этих слов на его лице только прибавилось страха. Я не то хотел сказать... Да блядь, тут что не скажи, он всё равно нихуя не поймёт! Церемониться нет времени.

— Возьми меня за руку, быстро! — кричу я на него, и добавляю спокойным тоном: — Не бойся. Я отпущу тебя к отцу.

Он послушался. Протянул руку. Я взял его за ладонь и испытал странное чувство, словно сам себя держал за руку. Когда я его вытащил, я заглянул в подвал. И знаете кого я там увидел? Именно! Патлатое чучело валялось на сырой земле с перебинтованным боком! И на кой ляд он сдался старику? Может... может я... нет, не так! Может дед насильник? Ладно, с патлатым я разберусь чуть позже, а пока надо вывести отсюда пацана. Дать ему ведро.

Пока Отто молча стоит как вкопанный и с тупым выражением лица смотрит мне в глаза, я решил пробежаться по памяти старика, узнать, где тот спрятал маску и ведро. И увидел я там не лицеприятное зрелище. Дед оказался конченным психом. Он крал на улице не только вещи, но и людей! Детей! Эта скотина выкрадывала на улице детей! Зачем? Я пока боюсь смотреть. Вначале разберусь с Отто. И мне нужно кое-что ему передать. И это не ведро. Ведро — это полная хуйня по сравнению с тем, что я сейчас ему отдам.

Мы подошли к шкафу. Из вороха вещей я выудил детскую юбку и крохотную хлопковую рубашку с маленьким пятнышком застывшей крови. Свернул их и передал Отто.

— Возьми вещи и передай отцу. Скажи, что тебя похитил с площади старик. Ты смог убежать, и забрать с собой эти вещи.

В ответ Отто лишь хлопает глазами.

— Бери! — настаиваю я, пихая вещи ему в грудь.

Он послушно зажимает их подмышкой.

— И не смей их выкинуть по пути! Иначе я снова тебя выслежу, украду и... — ладно, это уже лишнее.

Я проводил Отто до двери. Рукой указал ему на поляну и мягко подтолкнул в спину. Пиздюк молнией вылетел на улицу и, что есть силы, побежал вперёд.

Дальше, когда отец поймёт, чьи это вещи, старику настанет пиздец. Его порвут на лоскуты! Но вот вопрос морали — стоит такой грех перекидывать на руки отца? А как по-другому? Возможно, боль в сердце отца прошла, и он придумает другое наказание за потерю собственного ребёнка, но может явится и с голыми руками... Мне нужно новое тело... А, хотя... может это мой конец? Может, пора уже отпустить ситуацию, дожидаться финала, сидя на диване?

Нееееет... Пока патлатый жив и дышит в погребу, я не успокоюсь. Сколько у меня времени? Час-два?

Мне хватит и получаса.

Когда Отто скрылся в густой траве, я вернулся в комнату.

— Пить...

— Да-да, сейчас-сейчас.

Я кинул взгляд на кружку. И чего дед с ней так возился? Поковырявшись в памяти, я отыскал интересный момент. В кружке не просто вода — там пошло, позволяющее управлять человеком. Не просто угнетать его личность, превращая в зомби, — а прям управлять. Подчинять, как марионетку. И вот этот коктейльчик старик готовил по особому рецепту: под ветками деревьев дед ставил графины и собирал капли, что выделялись из гнёзд кусачих мух. Собранную жидкость выливал в ведро и размешивал с отваром трав, которые можно собрать в окрестностях деревни. Всё просто — приготовить может даже ребёнок.

Взяв кружку, я присел возле погреба.

— Открой рот, — сказал я.

Патлатый повернул голову. Сальные волосы застлали его бледное измученное лицо. Он расклеил высохшие губы, обнажив беззубый рот, и высунул язык. Я повернул кружку. Часть струю ударила ему на лоб, скинув волосы в сторону, а другая в аккурат попала в рот. Он чуть не захлебнулся. Начал задыхаться, кашлять, и я чуть не испугался, подумав — что он уйдёт из жизни так легко. Но, прокашлявшись, он попросил еще.

Выливая ему в рот остатки, я уже знал, что сделаю с этим педофилом, с этим любителем маленьких девочек. Осталось его достать из подвала и найти подходящее место для работы. Боюсь, что поебаться придётся с обеими пунктами. Я — старик, и просто вытянуть патлатого из погреба за руку не получится, да и в комнате так мало света, что навряд ли я смогу полноценно реализовать задуманное. Возможно, всему виной мои старые, уставшие глаза, — но это не точно.

Походив по дому, я не нашёл ничего похожего на лестницу или стремянку. И как дед доставал своих жертв из погреба? Не просил же он их взять и вылезти самим? Стоп... а почему и нет?

Подойдя к погребу, я говорю:

— Вылезай.

Патлатый больше не просил пить. Он встал на четвереньки. Опясывающая его торс повязка пропиталась кровью и выглядела как половая тряпка, после уборки нескольких этажей психиатрического корпуса. В нос бил запах гноя и сырой земли.

— Вылезай, — говорю я, более настойчиво.

Продолжая стоять как собака, патлатый зашатался. Повернул голову и посмотрел на меня. В его взгляде была пустота. Там реально ничего не было. Ни боли, ни злости, ни страха. Это были глаза в хлам обдолбанного наркомана. Картину дополнили густые слюни, повисшие прозрачным целлофаном на его губах.

— Вылезай! — я уже кричу на него, а он всё также продолжает тупо пялиться на меня. Да что ж такое! Бестолочь! Может я мало в него влил коктейля?

Я уже собирался пойти за новой порции, как вдруг патлатый встал. Ну и видок у него... как зомби...

Он облокотился о стену, продолжая смотреть на меня.

— Так, молодец, хороший мальчик, — подбадриваю я его, — а теперь вылезай наружу.

В глубину погреб был метра два. Всё, что ему нужно было сейчас сделать, чтобы вылезти — подпрыгнуть и ухватиться за край доски. Он прыгает. Хватается пальцами за доску, но тут же соскальзывает, и с грохотом заваливаясь обратно на пол.

О Господи, только не это!

— Ты можешь поторопиться! — кричу я. — Вылезай быстрее! У меня мало времени!

Кинув взгляд на стол, я замечаю свой нож. Вернее сказать, отцовский, но что спиждено — то спиждено. Так что — нож мой. Взяв нож, я смотрю на патлатого и понимаю, что мог бы убить его на месте, прикончить и забить, но это так легко. Так скучно и без цельно. А я еще не забыл, как это чучело тыкало в меня пальцем. Как это чучело пыталась изнасиловать Роже. Нет! Он получит то, что заслужил!

Покрутившись по полу, он снова встаёт. Снова подходит к стене и снова прыгает. Хватается, но уже увереннее. Упирается ступнями в рыхлую земляную стену и начинает карабкаться как скалолаз. Под конец, я хватаю его за гнойную повязку и помогаю выбраться наружу. Опрометчиво, но я уже заебался его ждать! Я хочу уже быстрее уголить жажду мести, до боли высушивающую мой разум, мои нервы, мои мышцы.

Я немного отпрянул от патлатого. Хер знает как он себя поведёт. Вроде, опасности он не представляет — спокойно стоит, чуть пошатываясь, но глаз от меня не отводит. Ждёт дальнейших распоряжений?

— Сидеть, — приказываю я.

И он садится на корточки, но его так сильно штормит, что он чуть не улетает в дырку позади себя. Я успел сделать шаг и схватить его за волосы. Ну вот, ладонь испачкана теперь не только гноем с повязки, но и жиром с его волос! Обтерев руки об мантию, я приказал ему стоять и не двигаться.

Отлично, первый пункт выполнен. Теперь надо найти подходящее место. Со столом. И с хорошим освещением. Не знаю как точно это описать, но словно какое-то внутреннее чутьё или знания старика, подсказывают мне, что надо идти в сарай.

— Вперёд, — команду я патлатому, указывая рукой на выход из комнаты. А далее мы выходим из дома. Моего ручного “зомбака” заносит с каждым шагом, но он идёт. Идёт вперёд, пытаясь смотреть на меня через плечо.

Мне любопытно: он хоть что-нибудь понимает? Он понимает — кто я? Где он? Или его разум чист как у младенца, и он безукоризненно слушается взрослых, не вступая ни в какие споры? Надеюсь, он всё понимает.

Теперь меня беспокоит другой вопрос: чувствует он боль? Проверим...

Ладонью я бью его в бок, туда, куда я ранее нанёс десяток ударов ножом. Патлатый лишь пошатнулся, споткнулся о корень и рухнул на землю. Даже не пискнул. Послушно встал и двинул дальше, к сараю. Плохо. Я хочу, чтобы он чувствовал. Чувствовал всё, что я буду с ним делать! Чтобы он ощутил весь тот страх, через который пришлось пройти Роже. Нет, так просто он у меня не помрёт! У любого зелья есть своё время действия; рано или поздно, но и мой коктейль его отпустит. Надеюсь, что это произойдёт рано...

Мы подошли к сараю.

Приказав патлатому стоять, я распахнул деревянную дверь. Меня обдало жаркой вонью гнили и скисшей воды. В лицо хлынули мухи. С трудом сфокусировав глаза, я попытался заглянуть внутрь — там мрак. Чернота глотала свет как изголодавшаяся гуппи сжирает своих мальков сразу же после родов. Не беда. Сейчас всё поправим. Обойдя дом, я распахнул все ставни. Ну вот, — другое дело! И проветрим помещение.

По моей просьбе, патлатый зашёл в сарай первым, я — следом. Первое, что я почувствовал — липкий пол, но на это я особо не обратил внимание. Всё моё внимание приковал стоящий по центру сарая “X” образный стол, сколоченный из двух толстых досок. Его поверхность устилала сколы от различных лезвий и пятна крови, как свежие, так и давно засохшие. На концах досок были кожаные ремешки. Этаким набор для извращенца — любителя БДСМ, с передеванием в кожаные наряды и надеванием толстого дилдо.

Еще в сарае вдоль стен стояли узкие столы, заставленные множеством крохотных глиняных колбочек. На стенах висели открытые полки, в которых можно было разглядеть глубокие кастрюли, тряпки, и книги. Книжки! Заглянув в одну, я увидел нарисованную от руки картинку, на которой наглядно было показано, как вынуть сердце. В других книгах была схожая информация. А где-то были аналогичные советы, но только по отношению к животным. Дед меня удивлял с каждой минутой! Он был кем-то вроде хирурга, но каждый пациент не получал лечение, а давал новые знания в области анатомии. Конечно же — ценой своей жизни. Но было еще что-то... Что-то, до чего я пока не мог доковыряться в его гнилой памяти.

Приблизившись к столу, я что-то задел ногой. Опустив голову, я увидел своё ведро. Ура! Надеюсь, маска там же.

С трудом наклонившись, я беру ведро за ручку и начинаю поднимать, но она настолько тяжелое, что у меня трясутся руки. Ведро заходило ходуном, выливая густую кровь на пол. Охренеть! Полное ведро крови! Зачем? С трудом, но я поставил ведро на стол. С отвращением осмотрел его и заметил плавающий на поверхности твёрдый кусок какой-то хуйни. Дотронувшись пальцем, эта херь сдвинулась в сторону, словно айсберг, что скрывает под водой свою основную часть.

Я запускаю ладонь в остывшую кровь, нащупываю твёрдый предмет и, обхватив его пальцами, вытаскиваю наружу. Маска. Она словно обмазана горячим мазутом, что тонкими густыми струйками стекает на пол. И что мне с ней делать? Как мне при помощи этой затвердевшей болячки найти эту грязную сучку, посмевавшую на публике обзывать меня паразитом?! Как?!

ТВАРЬ!

СУКА!

Что есть силы, я швыряю маску в угол сарая. Меня всё бесит! Бесят все! Мне хочется убить себя, убить эту суку, убить этого пидора с длинными волосами!

— Хуйли ты устался! — кричу я на патлатого. — Ложись на стол!

Он послушно начал лезть на стол, но это выглядело настолько нелепо и опасно, что мне пришлось ему помогать. Давай. Ногу сюда... ага, молодец, теперь вторую ногу закидывай сюда. Помучившись пару минут, мы, наконец, улеглись на стол, вытянув руки и ноги вдоль досок. Я уложил его животом вниз — так мне будет удобно

работать с кожей. Зафиксировав его конечности ремнями, я встал по центру стола. Первым, что я ему отрезал, — волосы. Его сальные волосы, которые застилали шею и могли мне помешать. Собрав их в хвост, я аккуратно рубанул, стараясь не повредить кожу — она еще мне пригодится! Ох, как же я сейчас мечтал иметь в руках машинку для стрижки волос. Я бы обрил его целиком, ни оставив на коже не единого волоска. Мечты-мечты.

Дальше я срезал повязку, обнажив его тело. На удивление, все нанесённые мною порезы — зажили! Остались лишь бледные шрамы и крохотные подтёки крови, и то, они появились после моего удара ладонью.

Может дед и стар, дряблый как вялый хуй, но руки у него твёрдые как сталь. И мне это нравится. Ладони уверенно держат нож, исключая любую тряску, какую мы можем наблюдать у алкаша, держащего стопарик водки возле своих губ. Работать я смогу комфортно, не боясь повредить...

— Пить...

Опа! Ты очнулся. Какая прелесть.

— Ну что, — говорю я, прикладывая лезвие ножа к его небольшой шишке на затылке, — начнём!

Находясь в этом тесном сарае, за любимой работой, я вдруг вспомнил один прекрасный день из моего детства. Тогда я был пиздюком, и мы всемером (такие же пиздюки как я) любили играть в прятки. Особенно приятно было играть в прятки среди разрушенных домов, где ты мог слиться с любой тенью, где ты мог подлезть под любую валяющуюся бетонную плиту, и, наконец, ты мог спрятаться в любой квартире, если конечно у неё сохранились четыре стены и крыша, а таких, поверьте мне, было немного.

В тот день наш выбор пал на пятиэтажку, манящую нас своим единственным уцелевшим подъездом. Скинувшись на “цу-е-фа” — проиграла Юлька, ей и водить. А Юлька умет считать очень быстро, и по этому времени у нас было очень мало.

Забежав в подъезд, я сразу нырнул в квартиру на первом этаже, забежал в комнату и спрятался в платяном шкафу.

Бывало, мы по долгу не могли найти друг друга. А бывало и во все — кто-то пропадал навсегда.

Юлька мне нравилась, и сам того не подозревая, я мечтал быть первым, кого она найдёт. Найдёт в этом шкафу, а я, вместо того, чтобы выйти, протяну ей руку и позову к себе. Мечты-мечты. Она зачем-то попёрлась на второй этаж, мандавошка тупая!

Ну и хер с ней! Я вылез из шкафа, выскочил из дома и подбежал к металлическому столбу, пронизанному насквозь осколками. Там Юлька и считала. Мне нужно было положить ладонь на холодный металл и произнести: стуки-стуки за себя! И всё — гейм-овер! Но я отвлёкся, увидев на соседней улице трёх мужчин в военной форме и с автоматами, под руки несущего четвертого. Того, что был четвёртым, особо не устраивало происходящее. Ногами он упирался в асфальт, оглядывался и что-то выкрикивал, яростно сопротивляясь.

Ну и какие тут прятки? В жопу прятки! Мне стало любопытно, и я двинул следом, из всех сил стараясь быть незамеченным.

Мужики зашли в дом через дорогу. Данную конструкцию домом назвать сложно: всё, что осталось — первый этаж и подвал на четыре подъезда из десяти возможных.

Живя среди развалин — ничего интересного не происходит. Каждый день одно и то же: ты ешь, если есть что, ты играешь, если есть с кем, и ты выживаешь, если есть где. И когда происходит что-то необычное, как сейчас, что-то интригующее — ничто тебя не удержит на месте. К тому же, я был ребёнком. Маленьким, любопытным, ловким ребёнком.

Любопытство подвело меня к бетонной лестнице, уходившей в подвал. Я ступил на первую ступень. Меня чуть затрясло, но не от страха. Ступил на вторую. Третью-четвёртую-пятую. И передо мной выросла дверь. Она была чуть приоткрыта и из образовавшейся щели наружу лился свет. Я подкрался к двери в плотную. Пытался слушать, что же там происходит, но это было скучно и не интересно. Я хотел картинку! Я хотел всё видеть, как в телевизоре, с красками, с актёрами и декорациями.

Я прильнул к щели, заглянув в помещение всего одним глазком.

Среди бетонных стен с облупившейся голубой краской, посередине пыльного бетонного пола, среди чугунных труб, обвивающих подвал, словно гнилые корни деревьев, под треугольным светом одной единственной жёлтой лампы, я увидел тех четырёх мужчин и дядю Колю.

Дядя Коля очень любил тётю Клаву, ну ту, что работала продавщицей в магазине. Ту, что заложили в самый низ котлована. Ту, чьё охваченное огнём тело накрыло бетонной плитой.

Дядя Коля был мясником. Он весил килограмм сто, носил спортивные портки с прожжёнными от сигарет дырами, и любил зачёсывать назад свои жиденькие волосы. Весь район питался его мясом. Тогда я подумал, что он приготовит что-то вкусное.

— Колянчик, смотри кого поймали, — говорит один из мужиков, ставя автомат в угол. — Разукрашенный!

Дядя Коля молчал. Спокойно курил сигарету, стряхивая пепел резким выдохом из носа. Пока он молчал, мужчины раздевали четвёртого: сняли бронежилет, сняли китель, вынули ремень из штанов.

Пока дядя Коля молчал, один из мужчин задёрнул майку четвёртому.

— Колянчик, — говорит мужик, — как ты любишь, — и хлопает ладонью по обнажившейся груди, на которой мне видны рисунки. Много рисунков! Всё его тело как один большой рисунок с участием людей, красочных знамён, и дерева, чьи корни обвивают черепа.

— Колянчик, — продолжает он, — тут у нас и военачальники, и правители, и самый главный “Усатый”.

Да-да, он так и сказал: “Усатый”.

— И смотри еще что, — продолжает он, хлопая ладонью по плоскому животу четвёртого, на котором я вижу нарисованный крест, но только не такой как мы привыкли видеть в церкви, а другой, с закруглёнными краями к центру.

Дядя Коля нарушил молчание. Он профессионально протянул:

— Красив, — и встал со стула, громко скрипнув.

Дядя Коля выудил из кармана штаников маленький фонарик, и как врач, что светит в глаз для определения реакции на свет, начал осматривать каждый клочок кожи, распрямляя рисунки своими пальцами. Пальцы у него шершавые как наждачка, и я вижу, как четвёртый морщится при каждом прикосновении к его коже.

Четвёртый вдруг задрожал, словно простоял день под ледяным дождём. Его выпихнули под свет светильника, и я увидел, что его лицо разбито в кровь. Глаза скрылись под сливовыми синяками, а губы... я не увидел губ. Там было мясо, вылезшее из лопнувших губ.

— Слышал про “Лувр”? — спрашивает Дядя Коля четвёртого.

Тот кивнул головой.

— А был там?

Тот отрицательно мотнул головой.

— И я не был. И не буду! Я не хочу! Да и зачем мне куда-то ехать, когда у меня дома есть свой “Лувр”, - и он тычет пальцем в пол, тычет пальцем в стены, тычет в потолок. — У меня есть такие экспонаты, что директор “Третьяковки” позавидует! И ты не подумай, что я впариваю тебе фуфло, нет.

Дядя Коля вышел из луча света и пропал на несколько секунд. Когда вернулся, в руке он держал старую кожаную папку. Он аккуратно развязал узелок и раскрыл папку. Что там было — я не увидел, но думаю что-то очень ценное. Четвёртый мужчина сухо глянул на руки дяди Коли, не проявив никакого интереса или удивления.

— Не впечатлило? — спрашивает дядя Коля.

Тот отрицательно мотает головой.

— Ну, у меня есть новость, которая тебя впечатлит, — тут дядя Коля засмеялся, дрыгая выпуклым животом, спрятавшийся под резиновый фартук мясника. Закончив, он вынул сигарету. Прижался к четвёртому, поднёс свои пухлые губы к его разбитому, покрытому запёкшейся кровью уху и прошептал: — Ты станешь частью моей коллекции.

Он шептал так громко, что мне всё было слышно.

После такой новости, четвёртый задрожал ещё сильнее, задёргал головой, кидая взгляды на мужчин, и чуть не обмяк на пол — его вовремя схватили под руки, подняли и приказным тоном попросили стоять ровно.

— На стол его! — вдруг крикнул дядя Коля. — Искусство не потерпит промедления! Я хочу создавать!

Пока четвёртого укладывали на стол, дядя Коля всё никак не мог успокоиться, продолжая выкрикивать фразы:

— Ты станешь моей “Джокондой”! Ты украсишь мою стену, став новой “Тайная вечеря”! Когда всё закончится, ты будешь лучшим экспонатом современного времени!

Четвёртый продолжал дрыгаться, и он начал делать это с новой силой, словно ощутил прилив энергии и адреналина. Его схватили за шею, слегка придушив, схватили за ноги, и взялись за связанные за спиной руки, как за ручку сумки.

Втроём подняв его над полом, они уложили его на металлический стол с резиновыми колёсиками.

Мужчина продолжал дёргаться и мычать.

Дёргался и мычал...

Дёргался и мычал сквозь разорванные губы, сквозь вытекающую кровь, улетающую на пол после каждого стоны.

Дядя Коля долго кружил возле медицинского шкафчика, утопленного в угол подвала. Он долго перекидывал с места на место ножи, с интересом рассматривая каждый на свету. Примерял в ладони, словно пишущую ручку и что-то рисовал в воздухе. Определившись, он подошёл к четвёртому. Быстро срезал с него майку, штаны и трусы. Омыл из ведра водой, смыв грязь и пыль. Постелил на спине марлю и сказал:

— Держите.

Двое мужчин навалилась на ноги, третий вжал голову в стол, предварительно запихнув тряпку в рот, но я всё равно слышал это жуткое мычание, словно леопард поймал кабана и вместо того, чтобы сразу его прикончить — ел заживо.

Я так испугался, что даже пискнул. Охнул, отстранившись от двери. И меня заметили.

Дядя Коля быстро подбежал к двери и распахнул её так, что она уебала полбу мне.

— Малой, — говорит он, — ты что тут забыл? А ну, иди гуляй со своими.

Я встал, и уже собирался уйти, как он говорит:

— А ну подожди.

Он ушёл, закрыв за собой дверь, но через пару секунд вернулся с пластиковой бутылкой ледяной воды.

— На, прижми ко лбу, а то синяк появится, — и протягивает мне воду.

Забрав бутылку, я ушёл прочь. Дверь с грохотом захлопнулась, и что там было дальше — так и останется в моих фантазиях.

Вечером того же дня, когда солнце еще могло откинуть тень от стены дома, возле которой люди готовили себе ужин, пришёл дядя Коля. Он подозвал к себе тётю Свету — учительницу начальных классов, в грязном пальто и с пучком волос на затылке, и обмолвился с ней парой слов. После чего, та собрала нас — шестерых детей — и повела к тому самому дому, к тому самому подвалу.

— Сегодня, — гордо говорит она, — у нас будет урок истории.

Она закуривает сигарету и, дрыгая своими большими сиськами, говорит: — Будем изучать исторических личностей, по чьей вине погибло множество людей.

— И детей? — спросил один из моих друзей.

— И детей, — ответила тётя Света, — Вы, дети, должны знать их в лицо! Вы должны знать историю, чтобы она ни в коем случае не повторилась в том виде, что есть сейчас.

Дверь подвала отворилась. Первым наружу вышел дядя Коля. Кряхтя, он и его друзья, пытались пропихнуть в дверной проём огромную картину, изображение которой было скрыто под серой тряпкой. Они пробовали и так, и сяк. Боялись сломать раму, но в какой-то момент картина выгнулась и смогла пройти через косяк.

Поставив картину перед нами, дядя Коля смахнул тряпку.

Это оказалась не картина. Тётя Света прильнула к дяде Коле и удивлённо спросила:

— Это вы нарисовали?

— Я.

— На свиной коже?

— Нет, — спокойно отвечает он, — на коровьей.

Видимо, в тот день из оставшихся шести детей я один знал правду. И я не хотел ни с кем с ней делиться. И не хотел никому говорить, что этот кусок кожи, растянутый на деревянной раме, принадлежит не животному.

Пока учительница рассказывала про злодеяния этих нехороших людей, я не выдержал и поднял руку. Мне очень хотелось потрогать кожу. Хотелось узнать — тёплая она или уже остыла. Мягкая, или уже затвердела.

Мне разрешили.

Кожа была грубой, холодной, но изображения остались чёткими, и я мог всё разглядеть в деталях.

В тот день мы узнали слово — геноцид. И еще много других слов, по причине которых мы сейчас живём в таких условиях. Нам стало скучно. Мы ушли есть. Но в тот день я хорошо запомнил, где был сделан первый надрез, где провели первую линию, и как тонко и изящно сняли кожу с четвёртого мужика.

Уперев кончик ножа в шишку на затылке патлатого, я надавил. Лезвие упёрлось в кость, прошив кожу как пластилин. Начало положено. Патлатый чуть дёрнулся, напрягся, но тут же расслабился, не издав ни звука. Хорошо, уже что-то чувствует. Свою ладонь я кладу ему на повисшую голову, и с силой давлю, чтобы он вдруг её не задёрнул и не выбил нож из моих рук. Ощувив лёгкое сопротивление в пальцах, я начинаю вести ножом линию, задевая позвонки. Дойдя до середины спины, патлатый вдруг ожил. Он не мычал — он начал хрипловато свистеть и дёргаться.

Всегда надо начинать резать со спины — когда тело дрыгается, вы не сможете провести ровную линию, но оно вам и не надо. Спина — ваш черновик. Всё, что вам нужно — это место, откуда вы начнёте срезать кожу. Я довёл линию до копчика. Получилось кривовато, и пошла кровь, но меня это не беспокоит. Нисколько. Чуть выше ягодиц патлатого, на уровне пояса, я провёл еще две линии, доведя их до живота. Кожа его головы и рук мне не нужна, поэтому я нахожу удобную точку между лопаток, и провожу две перпендикулярные линии относительно основного разреза, и веду их до подмышек, остановившись у сосков.

Нож очень острый, плоть режет на ура.

Края рассечённой кожи вздыбились. Всё это напоминает резку старого линолеума, который после надреза в протёртых местах начинает раскрываться как бутон розы ранним утром.

Кровь быстро заполняет открытую рану и начинает стекать наружу, медленно двигаясь по коже. Попадает на стол, образуя липкую лужу и капает на пол, мне под ноги.

“Х” образный стол очень удобный. Я могу подойти к голове патлатого. Могу удобно встать возле его пояса. Встать между ног. Где бы я не встал, мне не нужно перегибаться через весь стол. Всё продуманно!

Схватившись за оттопыренный кусок кожи на спине, я начал срезать его с мяса. Медленно, работая ножом как отец Отто, когда тот срезал мясо с ребер коровы. Медленно, сантиметр за сантиметром, я проводил ножом под кожей, отделяя её от мышц и сосудов. Жира здесь практически не было. Когда я дошёл до ребер, патлатый заметно задёргался. Задёргался так, что стол начал ходить ходуном. Меня это напрягло. Отрезанная кожа уже начала свисать со стола и мне пришлось скрутить её в трубочку и подпереть под тело. Когда я заканчиваю с другой стороны тела, патлатый уже громко стонет и сильно дёргается, шевеля ногами и руками. Меня это выбесило в край.

Успокойся! Ты можешь лежать спокойно!

Заткнись!

Но он всё никак не угомониться.

Я поднимаю его голову за волосы и зажимаю в локте, чуть придушив. Я рассматриваю его лицо, его щетинистые щеки. Смотрю на выпученные глаза и понимаю, что ненавижу этого ублюдка всеми фибрами души! И дело даже не в блестящих каплях пота, обильно выступивших на его лице, и не в вони, что вырывается из его рта, и не в волосах, торчавших из его ушей. Нет! Всё дело в сочетании. В гнусном сочетании черных волос, гнилых зубов и шрама на подбородке, напоминающим пизду!

На его губах слюни надуваются пузырями. Он рвано дышит, и мне хочется ему помочь. Помочь дышать полной грудью.

Я подношу лезвие к его губам, резко вставляю в рот и вспарываю щёку от уголка губ до самого уха. Он так орёт, что кровь начинает литься из щёки. С другой стороны лица, я делаю тоже самое. К сожалению, я неправильно рассчитал силы, и рубанул жевательные мышцы, от чего его челюсть повисает в неестественной форме. Обнажившейся язык продолжает извиваться, словно он пытается сделать куннилингус.

Со своей мантии я отрезаю тонкую полоску ткани и с её помощью, накинув на зубы, привязываю нижнюю челюсть к его шее. Ну всё, теперь он сможет дышать и мычать в разы тише. Тело патлатого охватила судорога. Частая, лихорадочная. Он выгнулся, все мышцы напряглись как натянутая резинка на рогатке, и вдруг всё прекратилось. Отпустив его голову, она безжизненно повисла, чуть покачиваясь.

Патлатый перестал дрыгаться. Перестал дышать. Я наклонил голову к его спине, — а там тишина. Я не слышу биение сердца! Обойдя тело, я смерился с тем, что патлатый оставил меня в одиночестве, и продолжил свою работу.

От испытанного мною удовольствия, я тяжело дышу. У меня дёргаются мышцы лица, дергается глаз. Свои губы я смазываю языком. Языком пытаюсь пересчитать зубы: их семь, от остальных остались лишь корни и гнилые остовы.

Всё это время у меня стоит член. Дрын длинный, но вялый, и это мне мешает, особенно, когда он трётся о мантию.

Срезав со спины всю кожу, я отвязываю тело, переворачиваю на спину. Обрато привязывать уже нет смысла. Кожа свисает со стола, словно на тело накинули простынь. Взавшись за края, я сворачиваю кожу в рулон, продолжая срезать её ножом. Дойдя до середины, я обхожу тело и всё повторяю. Кровь продолжает течь, но уже не так обильно. Руки у меня грязные, липкие — мне так и хочется опустить их в тёплую воду.

Закончив, в руке я держу кусок кожи размером полметра на полметра. На нём есть соски, волосы на груди и животе, и даже пупок. Я выхожу из сарая. Захожу в дом. Пока я работал, в памяти старика я наткнулся на интересный момент — в кухне, в полке на стене лежит курительный табак. Там же я нашёл курительную трубку. Забил её.

На полу я расстилаю кожу патлатого. Ставлю на неё стул, сажусь. Скидываю неудобный сандалии и прижимаюсь своими шершавыми ступнями к своему новому ковру с человеческими волосами. Закуриваю. Делаю тягу. Выдыхаю густой серый дым, быстро превращающий кухню в утреннее поле, окутанное влажным туманом.

Вся та боль, весь тот гнев и ярость, что сжирали меня изнутри, улетучились. Рассеялись с дымом, выветрившись в окно. Мне полегчало. Ощущалась слабость. Веки начали опускаться, предвещая глубокий, долгий сон. Всё, что мне оставалось, — дожидаться отца и принять участь за все свои деяния. За все грехи, что я натворил!

Я готов! Приди и возьми меня! Зажав трубку между дёсен, я воздел руки к потолку и проорал: — Я ГОТОВ!

Глаза мои зацепились за птичьи тушки, что висели вниз головой, подвешенные за крохотные лапки. И что с ними делал старик? Неужели жрал? Можно проверить...

Я закатываю глаза, обращаясь к старческой памяти, и начинаю рыскать, заглядывая в каждый тёмный уголок.

Рыщу и рыщу.

Рыщу...

ПИЗДЕЦ!!!

ЭТО ПРОСТО ПИЗДЕЦ!!!

Раскуривая мягкий табачок, я обливался холодным потом и слегка охуевал от увиденного в голове деда. И это было сложно сравнить с ощущениями после просмотра фильмов ужаса, когда вы их чередуете поочередно с порнухой, и в какой-то момент уже не можете определить: где было страшнее? Разум Отто напоминал дорожку от спальной комнаты до грязного сортира — скучную, ничем не примечательную, где ярким событием могло стать только говно в унитазе. Но разум деда это другое. Разум этого психа, маньяка, и патологического социопата, для которого жизнь человека не представляет никакой ценности, был абсолютно другим и сложным. Если посмотреть на картинку сверху — можно сравнить старческие лабиринты разума с картой метрополитена современного мегаполиса, где каждая станция — это событие. И все эти события хранятся в виде VHS кассет, включив которую перед твоими глазами быстро бегут красочные кадры.

Кадр за кадром ты сидишь и смотришь. Сидишь и понимаешь, что отдавать деда на растерзание толпе местных жителей — будет самой большой ошибкой.

Я обратился к десятку воспоминаний, до которых я мог дотянуться, не преодолевая мучительных секунд сумасшествия и боли. Это были свежие воспоминания, всплывающие раз за разом, даже если ты уже не хочешь их видеть! Но они продолжают упорно мелькать перед глазами, заставляя корчиться от отвращения. Мне хочется покинуть это тело. И как можно быстрее.

Вытряхнув истлевший табак на человеческий ковёр, я положил трубку на стол. Отвязал тушки птиц, разложил их на столе. Сын старика любит птиц. Всё детство и юность он любил птиц: если находил в лесу раненую — выхаживал. Если находил под деревом уцелевшие яйца, выпавшие из разорённого гнезда — приносил домой и пытался их вырастить, строя подобие инкубатора. Птиц отпускал, попусту дома не держал.

Но добрые поступки не смогли уберечь его от тяжёлой болезни. Он перестал ходить. Перестал видеть, перестал слышать. Тело его побелело, лицо посинело. От приёмов пищи он отказывался, а если у него и получалось что-то съесть — это тут же выходило наружу в виде жёлто-зелёной желчи.

Дед свихнулся от горя. Он ничего не мог поделаться, лишь отдаться безумия, подтолкнувшее его на отчаянный поступок.

Первого кого он убил — мужчина, который, как ему показалось, мог исцелять раны. Старик его долго упрашивал помочь его ребёнку, но тот отказался, сказав, что ничего не умеет. А если бы и умел, то его давно бы забрали “Кровокожи”. Хочет он, не хочет, может он, не может — старику было плевать. У него была своя правда, в которую он верил, и, если он внушил себе, что тот умеет — значит он умеет.

Искусный алхимик, зельевар, мудрец, что мог спасти скот от чумы, ничего лучше не придумал, как напоить свою первую жертву и заманить к себе домой. Но ничего не получилось. Мужчина ничего не смог. Он и крутил руками, и стоял рядом, и дышал на сына — всё в пустую. И тогда у старика родилась идея.

Затащив бедолагу в сарай, дед вскрыл ему вены и наполнил сосуды свежей кровью. Густой багровый напиток был влит бедному ребёнку в горло до последней капли. Результат превзошёл все ожидания. Бледность прошла, синее лицо окрасилось бодрым румянцем. Радость продлилась не долго. Прошёл месяц и всё повторилась.

Следующей жертвой стала женщина. Когда дед вошёл во вкус, он быстро перешёл на детей, которых отмечали “Кровокожи”.

После того как количество жертв перевалило за двадцать, болезнь сына мутировала. Тело покрылось гниющими ранами, по краям которых образовались гнойные пузыри. Комната пропиталась болезненным едким запахом, от которого не просто слезились глаза, а содержимое желудка просилось пулей наружу. Ежедневно дед делал перевязки, но спустя неделю ему приходилось пеленать тело целиком, начиная от пяток и заканчивая макушкой.

Сын перестал говорить. Перестал стонать и плакать. Тот страх, что видел дед в пожелтевших глазах своего ребёнка, улетучился, сменившись кровавой паутиной ярости. Сказать стоп дед уже не мог. Вера в излечение, вера в то, что рано или поздно он найдёт того, чья кровь исцелит его сына, поглотила его целиком, не оставив ни единого шанса рациональному мышлению. И всё бы ничего, — пей кровь и спи спокойно в комнате, источая вонь, — если бы не один раковой случай.

Вернувшись домой, старик не застал сына в его комнате. И на кухне не нашёл. И в погребе его тоже не было. Старика охватил страх, в голове понеслись тревожные мысли, от которых он чуть не сошёл сума, хотя он и так уже был в край поехавшим. Но не суть.

Мысли, что его сынишка сгинул, или его нашли местные, что рыскали в поисках пропавших людей, в один миг отхлынули, сменившись сладостным облегчением. Зайдя в сарай, дед увидел своего выродка за каннибализмом.

Это пиздец, чем дальше мне приходится ковыряться в углах его разума, тем сильнее мне хочется блевануть. Мне хочется поджечь себя, поджечь этот дом. Сжечь дотла сарай! Но самое интересное впереди...

Обглодав до кости ногу очередной жертвы (к тому моменту жертва была уже мертва), сын взглянул на отца. И не просто кинул пустой взгляд. Нет! Наоборот! В его взгляде старик увидел понимание. Он увидел разум, терзаемый болью. Боль от не понимая того, что он в данный момент совершает. Но всё это меркло в сравнение с тем, что старик сумел разглядеть в бедных глазах ребёнка надежду на нормальное сосуществование в обществе, среди таких же молодых людей. Старик сразу же представил, как сын заводит друзей, находит девушку, заводит детей. Но не всё сразу. Действовать нужно поэтапно.

Оставлять сына дома больше нельзя. Он уже не просто мог уйти, он мог смело отправиться на охоту, уйти в город, и тогда пизда наступит всем. Ебанут не только сынишку, но и дедулю рядышком уложат на брусчатку и пусят десяток коров, копытами кости пересчитать.

Сына нужно спрятать. И продолжить кормить человеченкой до полного выздоровления — решил для себя дед.

И вот сейчас, выбираясь из воспоминаний старика, я понимаю, что сын его жив! Да-да, жив-здоров! Дед до сегодняшнего дня кормил его, и тот ждёт, когда папа вернётся с новой порцией лакомства.

Ну, это уже ни в какие рамки не лезет. Судя по воспоминаниям, пердун нашёл глубокую пещеру в километрах десяти от дома. Там и ждём меня сын, с тушками птиц, нафаршированные человечиною. Иначе, (а случаи были), сынок кинется на отца, несмотря ни на какую родственную связь.

Мне, конечно, уже влом куда-то наебенывать, рыскать по лесам в поисках отпрыска, но я должен поставить конец этой “династии” лично. Убью сыночка, дабы он не наделал делов без присмотра, а потом вернусь и отдамся в руки правосудия.

Но вначале нужно подготовиться. Всё максимально тривиально, можно делать в повседневной жизни — хоть каждый день — напихаю в птиц человечину и вернусь к сыну, а когда тот приступит к трапезе, уебу дрыном по голове, или запыряю ножом, благо он у меня есть.

Взяв три птичьих тушки, я возвращаюсь в сарай.

Осмотрев тело патлатого, думаю, что его нужно перевернуть обратно, на живот. Его тело хоть и тощее, но мускулистое, крепкое. И даже не знаю, к чему подступиться. Что там любит сынок? Ага, нашёл!

Взяв нож, я отрезаю обе ягодицы. Мясо жилистое, жёсткое, но лучше мне не найти. Нарезаю маленькими ломтиками и запикиваю их в вороньи тушки. Вставляю кусочек в клюв и пропикиваю в глотку на всю длину пальца. Беру ещё кусок мяса и всё повторяю. Пихаю до тех пор, пока не округлился животик у бедной птички. Тушка холодная, окоченевшая, но выглядит живо, особенно красиво выделяются на фоне пустых глазниц чистые перья, переливающиеся в лучах солнца радужным нефтяным пятном.

Заканчивая набивать третью тушку, я обратил внимание на манящий меня своим блеском объект, валяющийся в углу тесного сарая. Это была маска.

Ну и чего ты хочешь от меня? Зачем заставила обратить на тебя внимание? Как же она меня бесит! Каждый раз, когда этот кусок запёкшейся крови попадает в поле моего зрения, я сразу вспоминаю ту бабу, что ткнула в меня пальцем и обозвала паразитом! Мне так и хочется её поймать, содрать с жопы все её кровавые наросты и, подобно тому как я сейчас набиваю ворону, запихнуть её же палец ей в сраку по самые кишки!

Представляя это во всей красе, меня чуть отпустило. Я выдохнул, ощутил лёгкое головокружение. Главное, чтоб это было не давление. Не хватало мне ещё инсульта! Помру прям тут в сарае и всё, пизда всему. Увидят меня дохленьким и даже не станут с похоронами заморачиваться. Сожгут тело, придав прах сырой земле. Туда ему и дорога, без всяких почестей.

Ну и чего ты хочешь от меня? Она снова манит меня своим блеском. Закончив с вороной, я подошёл к углу. Нагнулся, поднял маску. Слой чужой крови, что её покрывал после того, как я её вытащил из ведра, осыпался на пол пылью. И что вообще дед хотел с ней сделать? Зачем положил в ведро, да ещё и наполненное кровью? Я закрываю глаза, мысленно обращаясь к воспоминаниям. Свежим...

Не то... нет... Забавно, если бы мы с Рожей не наткнулись на патлатого на поле, и, если бы я его не пырнул ножом раз двенадцать, наверно, жил бы он дальше своей спокойной жизнью. Но, ему не повезло. Вот правильно говорят: оказался в нужном месте, в нужный час. Старик напоил патлатого своим зельем, перевязал раны и отвёл домой. Всё бы хорошо, но есть одно но...

Есть одно но...

Нужное место и нужный час оказались удачными для старика, а не для пидора с откусанным членом. И всё равно, судьба нас снова свела. Глядя на маску, я прикинул, — а какие шансы на встречу с этой дамой? Так, я отвлёкся! Маска... маска...

Я снова закрываю глаза, мысленно обращаясь к памяти.

Не то... ага, вот оно... забавно, а так можно?

Старик хотел растопить маску в чужой крови; вылить несколько литров крови в глиняный горшок, утопить там маску, и поставить на огонь. Получившуюся субстанцию растереть в порошок. В получившемся порошке обвалить мясо, и этим мясом в “панировке” нафаршировать птиц. Ну и гурман! Нужно ещё добавить лука и соли по

вкусу. Вся эта задумка выглядит криком отчаяния. Глупая надежда, что засохшая кровь этой бабы может хоть как-то повлиять на организм человека. Ну а хотя, если кровь людей превратили парня в хрен пойми кого, то может и эта кровь смогла бы сделать из него что-то стоящее? К сожалению, этого мы никогда не узнаем. Но вот кто реально старику пригодился бы — это Роже.

И факт таков — дед постоянно за ней охотился, но Отто был для неё чем-то вроде оберегом, что следовал за ней как ручной пёс. Думается мне, что отец Отто приложил к этому руку. И правильно сделал! Как мне хочется вернуться домой, обнять отца и сказать этому огромному мужику, что он молодец! Сделал всё правильно и воспитал нормального пацана. Мечты-мечты.

Маску я кладу на узловатые грудные мышцы, что обвивают рёбра паглатого как тысячи дождевых червей. Беру птиц, беру нож и возвращаюсь в дом. Нахожу рубашку с длинным рукавом и пихаю все свои новые вещи в неё. Завязываю между собой рукава узлом, и вешаю свой импровизированный рюкзак на плечо. Впереди километров десять пути, и я даже не предоставляю: хватит у меня сил или нет?

Напившись воды, я закурил трубку и двинул в путь.

На удивление дорога оказалась не такой тяжелой. Еле заметная вытоптанная в высокой траве дорожка шла сквозь лес, огибая красивые сосны, могучие дубы. Кстати, возле одно я приметил себе огромный дрын. Тяжеловат, но состругав ветки и переломив пополам, у меня получилась увесистая дубинка, похожая на лакированную бейсбольную битой, которой без проблем можно разьебать наглых пидоров, распивающих свои ёбаные “хучи” на лестничной клетке. Продев её в рукав моего рубашечного рюкзака, я двинул дальше.

По пути я слышал звериный вой, но на встречу мне никто не вышел. Скорее всего запах старикана не такой вкусный и возбуждающий. Да если бы меня и съели, я был бы не против! Наоборот, если я увижу медведя, жаждущего мной полакомиться, я даже не стану сопротивляться. Да-да. Вскину руки в стороны и пойду ему на встречу.

Рыбой был.

Вороной был.

Человеком был.

А стану медведем — так это вообще кайф! Буду жопой тереться о деревья, ловить лосей во влажных лесах, трахать бурых самок. Да много еще чего! Бля, быть животным круто! А особенно круто, когда у него есть человеческий разум. Имея когти размером с хер, можно будет уложить любого. Прибегу к пещере и разорву сыночка на мелкие клочки. И больше никто не побеспокоит бедных жителей деревни. Ну, если только снова не вернуться “кровокожи”. Но это уже не мой геморрой, ебитесь сами. Хотя, Роже мне жалко. Хорошая девчонка. И никуя не ясно, что с ней будет... Оставят её в живых, или превратят в такое же существо как они сами?

Ладно. Это уже не важно. Умерла так умерла. Сейчас мне хочется размазать череп тому недоразумению, что создал дед. И быть может, после, я дам заднюю и не стану возвращаться домой... уйду в лес, искать медведей. Такие мысли заставляют меня улыбнуться. Я начинаю смеяться, захлебываясь чёртовым кашлем! Но никто из животных мне на встречу так и не вышел. Ну и хуй с вами! Сидите в своих норах! Надо будет мне, я сам вас найду! Разденусь до гола и оскверню ваши берлоги!

Чёртов лес! Чёртовы животные...

Смахнув с лица пот рукавом своей мантии, я понял, что уже прикурил. Прикурил идти, охуевая от жары и духоты. Дорога пошла в гору, от чего мне стало еще тяжелее. Между стоящими впереди деревьями замелькала гора. Высокая, серая, насаживающая на свои зелёные рога мягкие облака.

Лес начал обрастать мелкими камнями и булыжниками. Всюду рос треугольный папоротник. По ощущениям, я был уже близок. И какого хера я не взял с собой воды? Ни еды, ни табака, никуя не взял, балбес! А еще же обратно идти... а там стемнеет уже... хренов путешественник. Но это не я виноват, это всё тело деда. В душе я молоденький мальчик, для которого сто километров пройти — пустяк. Не привык я дряблым быть. Не привык! Но сейчас уже не получится переобуться, придётся в таком виде идти до конца. Хочется прилечь в тени, подремать. Перевести дух. Хочется достать дрын и опереться на него как на трость, и, хромая, доковылять до пещеры.

Но мне этого не пришлось делать. Среди огромных валунов, поросших густым мхом, я заметил вход в пещеру. Ага, вот и она. Дырка!

Я приблизился максимально осторожно. Почуял тяжёлый запах гноя и разложения. Стало жутковато. Разложив на траве рубаху-рюкзак, я взял первую ворону и кинул её в сторону пещеры. Тушка упала куда я и целился — прямо у входа.

Ну, понятно, что сразу ничего не произошло. Тишина, да и только. Даже птиц не слышно. Я оглянулся, боясь быть застигнутым врасплох. Судя по воспоминаниям деда, сын частенько гуляет в окрестностях, но далеко не уходит, словно пещера его держит на привязи.

Взяв следующую тушку в руку, а в другую — дрын, я подошёл к пещере ближе.

— Ау! — кричу я.

А в ответ тишина.

— Сынок! Это папа... — как же тупо это звучит. — И мама! — ну, это я уже угораю.

— Сынок, — ни как я не могу уговориться, — выходи гулять!

И тут я труханул так, что чуть в штаны не наложив.

Словно с набитым ртом еды, медленно и натянуто, жуткий голос вырвался из пещеры и обдал меня запахом гнили.

— Папа... кушать...

— Да-а... — сыкливо тяну я, — это я... папа...

Ну всё, шоу начинается.

Вначале показалась синяя рука, покрытая сотней гнойников, источающие не только вонь, но и серый гной, ручьями обвивающий кожу. Пальцы с гнилыми ногтями схватили тушку и утащили внутрь пещеры.

Ага, молодец мальчик, иди ко мне.

— Сынок, — кричу я, — выходи!

Но в ответ тишина. И даже никто не вышел. Вот урод!

Я кидаю вторую тушку, но не ко входу в пещеру, а подальше, буквально в паре тройку метров от себя. Я хочу увидеть его!

Раздался вой и звук когтей, царапающих поверхность камня, словно гвоздём по стеклу. В ярких лучах солнца, пронизывающих кроны деревьев насквозь, я увидел силуэт человека, появившейся в проходе.

— Молодец! — говорю я. — Иди ко мне, у меня есть еще!

Он послушно делает шаг.

Мда-а-а. Бомж с курского вокзала и то выглядит попримечнее: только пахнет так же — стократным слоем мочи и говна. Худощавый парень лет двадцати в серой рубаше, висящей на нём как на вешалке, и в длинных серых штанах, чьи штанины протёрты до дыр, смело выходит на свет. Сразу в глаза бросается синяя кожа, жёлтые глаза и редкие сальные волосы, изъеденные плешью. Он безобидно смотрит на меня. Смотрим мне на руку, в которой я держу последнюю тушку птицы.

— Иди ко мне, сынок, я вон, тебе еще одну приготовил, — и головой тычу в траву, где виднеется вторая птица.

Он делает шаг мне на встречу, еще один. Чуть пошатывается, но босые ступни жадно вгрызаются в мягкую землю, уверенно удерживая исхудавшее тело. По его прикиду, явно подобранного не по размеру, мне становится ясно, куда еще старик девал одежду своих жертв. Цинично и практично.

Подойдя еще ближе, мне удаётся рассмотреть его повнимательнее. На его лице, как и на руках, сотни мелких пузырей желтого цвета. Они лопаются, выделяя гной, и тут же снова надуваются, и снова лопаются. Гной течёт по коже, но на землю ни одной капли не упало. Ручейки обвивают новые вздувшиеся пузыри и просачиваются в образовавшиеся отверстия на коже, — и на этом месте снова появляется пузырь. Что-то подобное я уже видел. У той бабы на площади, но только у неё подобным образом текла кровь по коже.

Ни единой капли мимо.

С конца больше не капает на пол.

Подойдя к тушке птицы, парень присел. Пятёрнёй жадно схватил птицу, да так, что из клюва полезли куски мяса. Он обнюхал добычу. Покрутил перед глазами и быстро поднёс её к своим синим губам. Голова мёртвой вороны легла между черных зубов словно под гильотину и в тот же миг отделилась от тела, хрустнув позвонком.

— Молодец. Кушай.

Пока он трапезничал, не обращая на меня внимания, я приблизился. Длины дрына хватало чтобы одним ударом снести ему башку. Я уже хотел замахнуться, но парень вдруг дёрнулся, кинув на меня взгляд. Он закончил с первой тушкой и потянулся ко мне за второй. Я быстро среагировал. Кинул последнюю тушку птицы ему под ноги. Когда он поднял её с земли, я снова занёс дрын для удара...

И снова этот звук, снова кто-то скребёт ржавым гвоздём по стеклу!

Меня перекоёбило и я не смог ударить. Да что за нахер? Замахнулся еще раз, но тоже не смог ударить — причина была в другом: разум старика препятствовал, но я смогу преодолеть эту секундную слабость!

Обхватив рукоять дрына двумя руками, я уверенно замахнулся, прицелившись парню в висок, и уже был готов уебать, но в этот момент из пещеры вышел еще один парень. Такой же худой, грязный, похожий на бродягу, как и сын деда.

А вот этот момент я проглядел...

Так, спокойствие! Надо действовать! Успею разобраться и со вторым.

Замахиваюсь. Дрын летит по верной траектории, но вышедшая из пещеры молоденькая, но жутка страшная девушка отвлекает меня в последний момент, и палка чуть царапает парню макушку. По инерции меня развернуло боком к сынишке, — а он, недолго думая, вскакивает и неуклюже прыгает на меня.

— СУКИ!

Еще до того как этот холодный, гнойный хер повалил меня на землю и уселся мне на живот, еще до того как он своими зубами вгрызся мне в щеку и откусил её с кусками лицевых мышц, я успел обратиться к памяти деда, чтобы разобраться: где я обосрался при планировании своего неудачного плана.

Во-первых: начинку для птичьих тушек нужно было пропитать зельем, тем самым, что подчиняет людей, и только в этом случае эта троица не будет представлять опасности. Ну уже всё, поздняк метаться!

Во-вторых: если бы я был более терпеливым, и смог бы еще уделить часок на изучение извращённых воспоминаний дедули, то лишний раз смог бы убедиться в его воспалённом сознании, а именно: в идее создания общества (семьи) для своего сыночка. То, что дед вывел новый вид людей, я вообще молчу. Семья так семья, тут нет ничего плохого. Только есть один момент, повергший меня в шок, — дедуля надеялся внучков понянчить, даже замахивался прадедом стать. Ебанутый хер! В конец ошалел!

Дрын выскользнул из моих рук и откатился в сторону. Ладонями я упираюсь в лицо сына, пытаюсь его притормозить, отстранить от себя, не дать откусить нос, но эта сука откусывает мне пальцы.

БОЛЬНО! СУКА! ОТСТАНЬТЕ ОТ МЕНЯ! УЙДИТЕ ПРОЧЬ!

С тушками птиц я тоже проебся. Три шгуки хватает на усмирение одной особи. Будь у меня запасы — сейчас бы не валялся в траве, громко крича. А еще надо было взять нож в зубы...

А еще... А еще...

Всё! Пиздец! Как говорил дядя Петя: Артиллерия и огнемёт остались дома — сражаемся руками.

Ко мне уже подошёл второй дружок сына и его, судя по всему, стрёмная пассия. На ней пропитанное гноем и слюной платье, свисающее мокрой тряпкой до колен. Одна из тонких лямок на плече лопнула, оголив красивую упругую сиську с синим соском, вокруг которого золотой короной выпирают гнойные пузыри. Мне хочется блевать, орать, ссать, и срать!

ОТСТАНЬТЕ ОТ МЕНЯ! ОТВАЛИТЕ, СУКИ!

МНЕ...

БОЛЬНО...

В глазах уже туман, но вместо того, чтобы целиком меня поглотить, он рассеивается, когда очередной кусок плоти отделяется от моего дряблого тела. И что вы сочного тут нашли? Бледная морщинистая кожа, усеянная старческими пятнами и седыми волосами! И как вообще к этому можно прижимать свои губы, облизывать языком?

Второй утырок присаживается возле меня и начинает драть мантию на животе. Сынишка с новой силой вгрызается мне в лицо. Своей цели он добивается, и я вижу, как мой нос сжимается гармошкой между его губ. Задрав голову, он глотает его целиком, не пережёвывая. Животное!

Из последних сил я упираюсь ногами в землю, пытаюсь скинуть с себя ублюдка, успеваю даже схватить его за шею, но оставшиеся пальцы предательски скользят по вытекающему из пузырей гною. Зловонные капли окропили мне лицо, попали в рот, в дырку, где раньше был нос. Жжётся так, как будто по лицу хлестнули веником из крапивы, а потом еще раз, и еще.

От боли и от литра адреналина, хлынувшего к голове через всё тело, у меня получается перевернуться набок, скинув с себя сына. Из носа прыскает кровь как из пульверизатора, оставляя крохотные капли на мятой траве. Я мычу от боли, а троица, словно с издёвкой, мычит мне в ответ. Мычит от удовольствия и запаха страха, что так обильно выходит из моих пор вместе с потом.

Баба, подобно обезьяне, перепрыгивает через сынка, присаживается возле меня и жадно вгрызается в ухо. Её мягкая сиська накрывает мне глаза, трётся о лоб, оставляя гнойные разводы, взъерошивает пряди седых волос. В какой-то момент я замечаю сквозь огромные дыры на её платье чёрную пизду, из которой вытекает липкая слизь. Я продолжаю кричать, орать, захлёбываюсь смесью крови и слюны. Кашляю, давлюсь. Мне хочется отползти в сторону, спрятаться под деревом и забыть обо всём. Отсоединиться от тела и больше не чувствовать боли! Но не выходит! У меня тупо не получается!

Ухо отделяется от головы не с первого раза. Когда зубы сомкнулись в первый раз, я ощутил боль, схожую с укусом овчарки — кожу сдавило, расплющило, но не порвало, а вот когда челюсть сомкнулась во второй раз, сильнее, попав в следы первого укуса, где кожа обрела винный оттенок, ухо оторвалось, но не полностью. Тонкий кусок кожи лопнул, не выдержав натяжения.

У меня все же получается оттолкнуть эту тварь. Она отшатнулась. Наступила ногой на лежащего на земле сына и споткнулась, убававшись спиной о траву. Но это мне не помогло. Мне уже ничего не поможет.

Тот, второй дружок, хватает меня за плечо, поворачивает к себе, и начинает своими культяпками нервно дёргать возле моего лица, словно еще не определился, к какой части моего тела он жаждет приложить свои зубы. Я хотел пнуть его ногой, но сынок рухнул мне на ноги и вгрызся в бедро.

БЛЯЯЯ! БОЛЬНО! СУКА, ОТВАЛИ ОТ МЕНЯ! УБЕРИТЕ ОТ МЕНЯ СВОИ РУКИ И ГУБЫ!

Мантия вся изорвана, эти уроды раздели меня как насильники несчастную бабёнку в подвале!

Меня трясёт, кровь повсюду, из рваных ран в воздух бьют плоские багровые фонтаны. Баба перехватывает мою правую руку. Второй пидр, не обращая внимания на мои потуги вставить ему пальцы в глаза, своими гнилыми когтями рвёт мне плоть на обвисшем брюхе, капает как дворовая собачонка роет землю, и по локоть погружается мне в живот. Но зачем? Хочешь добраться до органов? Хочешь сожрать мои внутренности?

Я практически теряю сознание, но напоследок вижу, как синие ладони вытаскивают из моего брюха синекрасные кишки, обвитые тонкими венозными червячками. Они дымятся и воняют дерьмом. Тот, что второй, хочет сожрать их, но сынишка грубо толкает его, валит на землю и забирает кишки себе. Схватившись обеими ладонями, растягивает их возле своей морды, растягивает этот кишечный трос похожий на длинную сосиску, и жадно вгрызается. Как по щелчку пальцев, картинка исчезла.

То ли дед не выдержал болевого шока, то ли кишки отомкнули от тела как штепсель из розетки, — я не знаю. Но точно знаю одно — дед ушёл в расход и больше никого не похитит.

Внутри рваных кишок, среди ошметков тёплого говна, я свернулся калачиком. Затаился, как змея перед атакой. Спрятался, забившись в угол своей тесной комнатки, и стал дожидаться финала. Но, быть может и начала.

Как на ковре-вертолёте я поплыл по воздуху вверх. Мычание сменилось чавканьем, и меня начало круто болтать из стороны в сторону. Я так и вижу, как сынишка своими чёрными зубами перемалывает кишки в фарш, прежде чем проглотить. Но делает это безответственно, оставляя большие куски не пережёванными. И мне это на руку. Повезёт — останусь в живых.

И мне везёт! Парень жадно заглывает, боясь, что его оголодавшие дружки могут в любой момент попытаться забрать его добычу, и давиться. Я застреваю у него в глотке. Я словно космонавт, облачённый в герметичный костюм, сшитый из кишок, выхожу в открытый космос, но напрочь застреваю в трюме. Ни туда и ни сюда. Впереди неизвестно, позади — смерть. Глотка часто сокращается, сжимая меня со всех сторон, и я потихоньку начинаю выдавливаясь, как зубная паста из тюбика. И вот, я вроде живой, всё хорошо, но меня начинают посещать мрачные мысли. Вот я окажусь в желудке — растворюсь в желчном соке или выживу? Ок, выжил — окажусь в кишках, сработает моя молофья?

Стенки кишок, в которых я спрятался, снова меня сдавили, чуть не выдавив наружу как гной из прыща. Заглотив пищу как пеликан, сынишка приступил к следующей партии мяса, отрывая сочные куски от тела деда.

Вот я и в желудке. Ощущаю привычное уже пощипывание. Вроде, терпимо. Поджелудочная кислота густая и липкая, но её очень много. Слишком много! Она заполняет желудок целиком. Вся моя защитная оболочка вмиг растворяется, оставив меня один на один с кислотой. Меня словно кипятком обдало, так резко она вступила в связь с моим тельцем. Меня скрутило, изогнуло, но не потому что так надо, а потому что пиздец как мне стало больно!

Подобно извивающейся бактерии, застигнутой врасплох сквозь линзы микроскопа, я начал заниматься своим любимым делом.

Прижавшись к стенке желудка, я начал тереться.

Трусь что есть силы, трусь что есть мочи. Болезненные укусы кислоты заставляют меня двигаться резче, словно до конца сеанса с проституткой остались считанные секунды. Ох, как меня это бесит! Придётся продлевать... И не смотри так на меня, сука ты тупая! Это всё ты виновата! Я не могу кончить из-за тебя!

Снова болезненный укус. За ним еще один. Я так не смогу! Они меня отвлекают!

Напряги фантазию! Сейчас-сейчас... Нашуваю ту самую и как дам гари!

Пока я трусь в пустую, я думаю о сиськах. О больших, огромных мягких сиськам, что растекаются на ладони как густое тесто. Думаю о влажной, набухшей от возбуждения пизде. Ага... Хорошо... Она раздвигает ноги, открыто приглашая меня внутрь, а я с удовольствием принимаю приглашение. Я подхожу, снимаю тесные трусы. Плюю на член и мигом устремляю его в цель. Погнались... Да-да... Вот так... Она кусает меня за ухо, кусает за соски... Мне хорошо... Продолжай, кусай... Кусай...

КУСАЙ...

О да...

Брызнула горячая молофья...

Вокруг меня вдруг забурлила кислота, и мне не хватает воздуха. Мне нечем дышать, — и от этого меня прёт сильнее. Асфиксия усиливает мой болевой порог, усиливает наслаждение!

Я окунулся с головой в фантазию и даже не заметил, как отключился.

Потух свет, потухли чувства. Перед глазами поплыл сон, — а может это были глюки? Боль отступила, укусы прекратились. Я даже и не понял, сколько прошло времени, когда в голове ожили мысли. Ожило сознание, брызнув яркими красками.

Окутанное густым слоем молофьи, моё скользкое тельце опустилось на дно желудка, а потом, как говно в унитаза, смылось в кишки. Инстинкт самосохранения включился моментально, заставив меня снова тереться.

Снова и снова. Но на этот раз, много усилий прикладывать не пришлось. Разум этого разлагающегося “труп” настолько прост и примитивен, что мне понадобилось дёрнуться лишь пару раз. Я быстро овладел разумом и так же быстро охуел.

Открыв глаза, я ощутил дикий голод. Деда уже успели перевернуть на спину, стянули мантию и принялись пожирать зад. Я грубо отталкиваю ту гнусную тёлку и вгрызаюсь зубами в сморщенные ягодицы. Бля, какого хуя я творю? Но я так жрать хочу, что мне пока не хочется ни о чем думать...

Оторвав жёсткий кусок, я жевал его как резину. Кровь капала с моего подбородка на траву, и когда я взглянул на гнойники, что обильно усеивают мои тонкие пальцы, меня охватил адский зуд. Чесалось всё! Ноги, руки, волосы, и даже глаза! Хотелось сдёрнуть целиком кожу, вывернуть её наизнанку и шпателем соскрести всю ту внутреннюю грязь, что так ярко просится наружу сквозь узкие поры.

Я поднимаю правую руку и хочу своими потрескавшимися ногтями содрать все волдыри с левой руки. Кладу ладонь на плечо, сжимаю пальцы и веду руку вниз, оставляя гнойный, продолговатый след на коже. О, да... как хорошо... словно почесал укус комара. Я посмотрел на руку — опять появились пузыри, и снова они чешутся. Я повторил процедуру, и снова всё сначала. Короче, так можно сидеть до бесконечности, сдирать и сдирать.

Сдирать и сдирать, испытывая удовольствие. Но на десятый раз мне надоело, заебалось заниматься хер знает чем! Я стал противен сам себе. Ну, не я сам — червячок — а я, что выглядит как живой мертвец, питающийся человечиною. Выплюнув остатки деда, я встал. Голова кружилась, ноги не слушались. Для данного тела это было нормальное состояние — мозг разлагался, двигательные функции медленно, но уверенно затухали. Как долго я протяну в таком виде — неизвестно. И получается, что если дед больше не будет их подкармливать, больше не будет их сдерживать, не позволяя уходить далеко от пещеры, то эти особи в скором времени отправятся в свободное плавание?!

Этого нельзя допустить!

Я сделал пару шагов и упал на колени. Руками упёрся в сухую землю, замяв огромный лист папоротника. Желудок скрутило и я блеванул тёмно-красной желчью.

Я снова ощутил зуд во всём теле. Больше всего мне хочется почесать спину, но руки не дотягиваются, а если где я и мог дотянуться — мешала рубаха. Я попробовал её стянуть, но своими неуклюжими движениями оторвал рукав и оставил дыру на спине. Попытался выудить руку из короткого рукава, но согнул локоть так, что он порвал подмышку рубашки. Пиздец я немогущий... Ладно, хватить мучиться. Надо думать, что делать дальше... Как мне убить эту троицу, но при этом самому не пострадать, и успеть сменить тело?

Пока я думал со скоростью черепахи, сквозь дыру в моей рубахе солнечные лучи быстро разогрели гнойные волдыри на спине, и те начали раскрываться как попкорн, обливая кожу горячим гноем. Больно! И жжётся! Мне захотелось быстро спрятаться в тень, найти влажное место, где я спокойно смогу переждать день.

Подняв глаза, я увидел вход в пещеру. Вырывающаяся вонь из глубин чёрной дыры звала меня своим прохладным дуновением ветра. Я поддался чувствам. Быстро вскочил и направился в сторону овальной дыры.

Ещё никогда я не был так счастлив. Мне даже не верится, что, оказавшись в столь тёмном помещении, без окон, без солнечных лучей, я буду рад до усрачки.

Зуд прошёл. Влажный воздух смягчил сухую кожу. Моргнув несколько раз, глаза быстро привыкли к темноте, а спустя еще пару секунд я с лёгкостью различал туннели уходящие вглубь пещеры.

Облокотившись о холодный камень, я присел на корточки. Голод тянул меня наружу, тянул меня к свежему телу, на котором еще остались сочные куски мяса, но я противился. Противился, как наркоман под гнётом ломки, противится принять дозу, понимая, что если сейчас не скажет “стоп” — то в принципе следующего раза не быть.

Через кривую дыру выхода из пещеры, я видел, как мои друзья — о нет, только не это, я так не мог сказать! — эти две твари пожирала ноги деда, смакуя огромные куски мяса. Мне стало интересно: кто они и откуда? Только я решил обратиться к воспоминаниям, как вдруг понял, что надо копать глубже! Похер на этих двух ублюдков!

Закрыв глаза, я начал блуждать по лабиринтам памяти, но стены сознания обрушились так сильно, что мысли путались между собой. Я маленький мальчик, у меня есть мама, папа. Вдруг есть только папа. А потом бац, я ем папу — жру его, не осознавая — кто он для меня.

Мама...

Птицы. В голове они летают всюду. Куда я не пойду — всюду птицы. Вот мальчик находит мёртвых голубей во дворе. Ему их жалко, и вместе с отцом они закапывают их недалеко от дома. Вот мальчик нашёл раненого воронёнка — забрал домой, выходил, но тот улетел, смешался с десятком других ворон, что громко и противно каркали, летая над полем. Мальчик был опечален, но отец объяснил ему, что так и должно быть. Что его ворон обрел семью. Что он помог птице стать счастливой. Мальчик был рад. Мальчик мечтал вылечить всех птиц на земле.

Мама как ПТИЦА...

И вот однажды он нашёл птицу, которую не мог излечить. Не помогла вода, не помогла еда, ни что не

Блуждающие по бесчисленным туннелям прохладные сквозняки приносили мне сотни запахов. Как кобель чует течку у суки, так я чую человеческий запах. Он тёплый, с кислинкой, вызывающий в сознании чувства вкуса и сопутствующего вместе с ним голода. Я знаю куда идти. Я смогу туда прийти даже с закрытыми глазами.

Завернув в нужный туннель, я иду вперёд. Двигусь уверенно, но вот моя походка оставляет желать лучшего. Меня укачивает, шатает как после литровой бутылки вискаря. Прильнув плечом к стене, я остановился. Сделал глубокий вдох. Запах человечины окружает меня как микроскопические частицы освежителя воздуха, быстро оседающие на твою голову и одежду, когда ты пытаешься замаскировать свою вонь под запах лаванды.

Переведя дух, я отправился дальше. Управление таким телом даётся несколько сложнее. Мысленно ты поднимаешь ногу и уже готов опустить её на землю туда куда хочешь, но неуправляемый импульс, случайно проскочивший в дырявом мозгу, ставит её в другое место. Так и с руками. И с пальцами. Можно встать в угол и попробовать отлить, но я больше чем уверен, что зассу все штаны, возможно даже рубашку! Хотя, судя по порткам, данный индивид испражняется не утруждая себя съёмом вещей.

Я прижался плечом к холодной стене. Так лучше, хоть какая-то стабильность. Под ногами хрустели насекомые, но ни крыс, ни змей, ни еще каких либо животных я не встречал. Спокойно шёл вперёд, ориентируясь на дорожку запаха. И вот я ловлю себя на мысли: зачем? Для чего? Ответ очевиден: спасти несчастную девушку. Но только ли эта цель меня ведёт вперёд? Нет конечно же! У меня на эту деваху будут больше планы. Нужно только добраться до неё.

А вообще странно, почему эта троица оставила её в живых? Почему не сожрала как деда? Невкусная? Пахнет плохо? Перхоть в волосах? Множество вопросов заполнили мой мозг, и мне срочно захотелось найти ответы. Мало ли что случится по пути, а так — буду готов! И в очередной раз я заглядываю в память, которая напоминает всё ту же карту метрополитена, только с незначительным отличием — мегаполис, которому принадлежит метро, погрузился в постапокалипсис. Станции разрушены, из труб в стены бьёт вода, всюду трупы людей. Мне было мерзко двигаться сквозь этот кошмар, но что поделать: знания не даются легко. Взобравшись на перрон очередной станции, я осмотрелся. Увидел маму... мысли путаются... как сложно ориентироваться в этом хаосе!

ПИЗДЕЦ! ЭТОТ РАЗУМ МОЖЕТ МЕНЯ ПОГЛОТИТЬ.....

Спокойствие...

Всё будет хорошо...

Под ногами хрустят тараканы. Я кидаю взгляд на выходящую из туннеля девушку. Мне хочется накинуться на неё, вгрызться в мягкую шею и вырвать огромный кусок мяса. И вот, я уже готов разбежаться и протянуть к ней свои руки, как вдруг вижу кружащую над её головой стаю птиц.

Птицы...

МАМА...

Её трогать нельзя. Она даёт пищу. Она даёт птиц.

Ясно. Всё дело в птицах. Но паренёк с трудом сдерживает своих дружков, чтобы те не напали. И те не нападают. Пока не нападают.

Точно не знаю, сколько еще метров каменных стен я измазюкал своим гноем, прежде чем обнаружил маленькую комнатку, но я точно знал — я пришел по адресу. Туннель резко сузился, но когда я прошёл сквозь овальный проход, в нос мне ударил тяжёлый запах экскрементов и человеческого пота. В темноте глаза видели хорошо, возможно, как у кошки; если подвернётся случай, обязательно проверю.

Внимательно осмотрев и обнюхав помещение, я заметил девушку, валяющуюся среди ворохов одежды. Укрывшись несколькими рубашками, она мирно спала, чуть подёргивая ногами. Я приблизился. Мне не хотелось её напугать, поэтому я старался идти на цыпочках, но какие тут нахуй цыпочки, когда ноги живут своей жизнью!

Я оступился, прильнул к стене, чуть не уебавшись головой, но вовремя вскинутые руки кое-как уберегли меня от падения. Мои ногти чиркнули о стену, и неприятный звук разбудил девку.

Ну и ладно, пусть лучше так. Не представляю, что бы было со мной, если меня разбудил мертвяк, нежно похлопывая по спине.

Девушка подняла голову, покрутила ей из стороны в сторону и уставилась на меня. Неужели видит? Может, чувствует. Правой ладонью она ошупала воздух возле себя и сказала:

— Отпустите меня!

Я молчал, было слышно лишь моё тяжелое дыхание.

Левой рукой она нашла стену, и, робко, боясь удариться головой об потолок, начала подниматься.

Моё зрение позволяло разглядеть её силуэт, полной картины я не видел. Она стройная, высокая, и только поэтому мне хочется ей помочь. Какой я гнусный человек...

— Птицы больше не прилетят, — говорит она.

Так странно. Её слова резанули меня по живому. Мне стало обидно. Мне хочется убить её, разорвать на куски! Да как смела она мне такое сказать!

СУКА!

— Отпустите меня, — продолжает она, ощупывая рукам пространство перед собой.

Нет, она меня не видит, возможно, чувствует и слышит, но не видит. Я делаю шаг к ней навстречу, пытаюсь заговорить, но получается криво:

— Не... бой... — тут я смачно отрываю, от чего девка пугается, — ...ся меня. Не... бой...ся...меня...

— Отпустите меня, пожалуйста!

Я подошёл к ней на расстояние вытянутой руки и схватил её за запястье. Схватил не сильно, но она всё равно завизжала, попытался выдернуть руку, но я был сильнее.

— Пой... дё-ё-ё-ём... — тяну я. Это очень сложно. Мои мысли несутся вперёд как табун лошадей, но вот речь — это облако пыли, что подняли в воздух копыта. Я пытаюсь их подружить, стараюсь думать медленнее. Но когда надо действовать, попробовать успокоить девчонку, у меня снова получается какая-то хрень.

— Я... дру-у-у... идё... — и снова рыгаю, захлебнувшись слюной и словами.

Так. Короче. Это тот случай, когда словами делу не поможешь. Никакими: ни добрыми, ни злыми. Нужно действовать эффективно, с применением силы, иначе всё пойдёт по пизде.

Пока она пытается вырваться, кричит и стонет, я начал выходить из комнаты, утягивая девушку за собой. Поначалу она сопротивлялась, ударила меня по спине. Врезала кулаком по голове. Бей-бей, я особо ничего не чувствую, а вот твои руки потом хрен отмою. Мне хочется ей это сказать, но вы сами всё понимаете...

Она вдруг резко присаживается на корточки, пытаясь меня затормозить, но я даже не замечаю её сопротивления. Спокойно иду дальше, крепко держа её за запястье. Вначале она заваливается на колени, а потом и вовсе падает живот на каменный пол, успев подставить под себя руку. И если бы она не закричала, так и тащил бы её до выхода, волоча по полу.

Ну что ты кричишь! Заткнись, пожалуйста, заткнись!

Через дыры в штанах с конца капает на пол.

Я остановился. Нагнулся к ней, и, схватив её за обе руки, поднял. Поставил на ноги.

— Отпустите меня...

Отпущу, давай только выйдем наружу.

Я снова пошёл вперёд, таща её за собой. Больше она не сопротивлялась, шла спокойно, пыталась строить из себя непробиваемую женщину, но я-то всё чувую. Чую её страх. Чую адреналин, что начал наполнять её организм. Но чувую и слабость духа. Безнадёжность. У неё давно нет желания никуда убежать. Всё это время она дожидалась своей участи, допуская редкие мысли о спасении.

Впереди показалась освещённая солнцем дыра. Дунуло свежим лесом. Тёплый воздух наполнил мои лёгкие. И я словно очистился, улетучился гнев. Подойдя к выходу, я вижу двух уродцев, обгладывающих людские кости. От деда остался кровавый скелет, местами обтянутый бледной кожей. Зрелище пиздец стрёмное, словно возле него взорвалась мина, осколки которой содрали всю кожу с мясом, а мышцы даже не задели.

И кстати, пока мы шли, у меня появился план. Тоже стрёмный. Такой же стрёмный, как и всё, что тут происходит.

Когда мы выходим из пещеры, я вижу девчонку целиком. На вид ей лет двадцать, высокая, черные волосы до подбородка. Её прикид ничем не отличается от местного: сандалии, льняные штаны и рубаха с коротким рукавом и треугольным вырезом на груди. В таком прикиде она больше походила на пацана, но я точно чувствовал, что это девчонка.

Когда нас замечают уродцы, они бросают свои дела и подбегают к нам. Я по-прежнему держу девушку за руку, не давая ей убежать. Они встают передо мной, и словно чего то ждут. Как будто ждут команды. Стрёмная баба заглядывается на девушку, открывает рот, и я вижу, как жёлтая слюна стекает с уголков её губ.

— Нет... — уверенно говорю я.

С недовольным видом мразь захлопывает пасть и пристально смотрит на меня.

Мне хочется сказать девчуле, чтобы она не переживала и не боялась. Сказать, что будет всё хорошо. Что она должна довериться мне и не бояться. Но сделать этого я не могу. Нет, я могу, конечно, потратить пару часов, пытаясь всё это промямлить, и залить всё слюной под ногами, но нахера? Да и мои дружки слушать не будут, поймут меня не верно, да и накинута на бедняжку.

Пришло время реализовать план. Точно не уверен в его успехе, но, живём один раз — надо всё попробовать!

Еще тогда, когда я жрал деда, я ощутил некую связь между мной и этими двумя уродцами. Связь ментальную, соединяющую нас невидимой нитью. Мы находились на одной волне, как животные в стае, подчиняющиеся инстинкту, следующие за вожаком. И в этой стае вожак — я. Они не спорили со мной, они не перечили мне, они

подчинялись мне безоговорочно. И пришло время воспользоваться этой властью. Но прежде, нужно понять — как!

Я посмотрел на синюшную бабу, чьё лицо измазано кровью и гноем. Перевёл взгляд на синюшного парня, в пожелтевших глазах которого я не смог разглядеть ни единой эмоции. Они покорно ждали. Ждали моих приказаний, скорее всего, надеясь только на то, что я разрешу съесть бабёнку.

Вглядываясь в мутные глаза парня, я мысленно посылаю ему сигнал: возьми её за руку...

И, конечно же, никуя не происходит! Он продолжает тупо пялиться то на меня, то на вкусную бабу.

Я протягиваю к нему руку, в которой держу руку девчонки, и снова посылаю сигнал. Я уверен, что делаю это правильно. Это должно сработать! Тычу ему в грудь пальцами девушки и говорю про себя: возьми её за руку...

И никуя...

Нет, постойте!

Он опускает глаза. Смотрит на нежную, сочную кожу, которую мне так и хочется откусить! Ну, давай, быстрее! Перехватывай руку, тупой ты мудила!

И о чудо! Он перехватывает её руку, но так сильно, что её кожа белеет в том месте, где отпустил я, а он взялся. Девушка взвизгнула, начала вырываться. Я хватаю её за вторую руку, пробую уговорить. Мне нужно объяснить этому долбаёбу, как нужно обращаться с девушками, и что следует быть гораздо нежнее. Но времени на всю эту хуйню у меня нет! Мне нужно срочно сбежать из этого тела! Еще чуть-чуть и я сдамся. Не смогу долго себя удерживать от жажды нападения на этот сочный, молоденький кусок мяса, который так и просится мне в рот.

Я протягиваю своему дружку вторую руку девушки, и он послушно её принимает, обхватив запястье с такой же силой.

Только не поломайте её мне! Он словно услышал меня, его пальцы ослабили хватку. Девушка чуть умолкла, но продолжала трястись. Бедняжка, успокойся, скоро всё закончится. Я кладу свои руки ей на плечи и сильно давлу. Хочу уложить её на землю. Она сопротивляется, но проседает. Вначале присела на корточки, но когда я надавил сильнее, её ноги подкосились, и она завалилась на бок, подмяв под себя траву. Отлично! Полдела сделано. Хоть она и била воздух ногами, руки её были надёжно зафиксированы.

Чтобы пошло всё по плану, мне нужно будет оружие. Я подхожу к своему рюкзаку-рубашке, достаю нож. Безумие, но что поделать. Так, если я его вставлю сюда, то, когда всё получится, вытащу его и вставлю сам себе в глаз, проверну пару раз и приступлю к этим двум. А если вдруг проебу нож, у меня всегда под рукой будет дрын — он длинный, увесистый; на этих тощих уродах хватит и пары ударов.

Вернувшись к девушке, я кладу рядом с ней дрын. Зажав нож в ладони, я примерил лезвие к своей груди. Если ударю сюда, под лёгкое, ничего страшного не произойдёт. И смогу вынуть быстро. Интересно, будет больно?

Сейчас проверим!

Я замахиваюсь и вставляю нож себе в грудь, прямо под лёгкое. Загоняю по рукоять и на удивление, ничего не чувствую. Потёк гной, но он течёт так же как и везде, словно я и не тыкал себя ножом.

Отлично! Погнали дальше.

Теперь я смотрю на эту тощую, синюю суку. Она грязная, вонючая, в её волосах земля и трава. Держи её за ноги, говорю я ей про себя. Держи её за ноги, повторяю я. Она послушно валится на колени, и начинает неуклюже прикасаться своими пальцами к нежной коже.

Держи её, говорю я, становясь рядом. Сучка испугалась. Я это чувствовал. Но всё равно продолжает делать не то. Нет!

НЕТ! ТЫ ДЕЛАЕШЬ ЭТО НЕПРАВИЛЬНО!

Я присел рядом. Схватил её трепыхающиеся руки и положил их на дрыгающиеся в воздухе ноги. Мы вместе хватаем их за щиколотки и прижимаем к земле. Крик становится громче, я чувствую возросшую силу в теле девчонки. Адреналин. Девушка изгибается, словно охваченная судорогой, мечется из стороны в сторону, но мои вурдалаки надёжно её зафиксировали, как стальные гвозди крышку гроба.

Настало моё время. Я присаживаюсь на колени возле головы с прекрасным личиком. С голубыми глазами и пухлыми губами. Я хочу попробовать выбраться через рот. Вылезти из кишок в желудок, а там по глотке в рот и вуаля — я на свободе, и если что-то не получится — я быстро вернусь обратно. Но прежде, мне нужно открыть её рот. Своими синими пальцами с грязными ногтями я зажимаю ей нос, а второй рукой оттягиваю подбородок. Девка сопротивляется, крутит головой. Ну-ну, успокойся. Спустя минуту её пасть распаивается, и я вижу розовый язык, обильно залитый густыми слюнями. Она пытается говорить, но внятно с открытым ртом разве можно что-то сказать? Не важно. Её слова не имеют никакого значения.

Прижавшись к стенкам кишок, я начинаю двигаться внутри словно рыба. Извиваюсь, отталкиваясь то от говна, то от тёплого мяса. И у меня хорошо получается, параллельно я брызжу молофьей, но это так, на всякий случай!

Сделав три поворота налево и четыре направо, дорожка пошла вертикально вверх, затрудняя движение. Меня это не остановило. Я был настолько поглощён своей работой, что даже не заметил, как выбрался в желудок, и, используя куски мяса и кислоту, быстро всплыл. А теперь прикол!

Отвернув голову от девушки, я вставил два пальца в рот и потеребил маленький язычок — та розовая капля, что болтается за языком. На удивление, эффект от молофьи сохранился, я по-прежнему управлял телом, и продолжал им управлять, даже когда волна блевотни вынесла меня наружу. И если бы я не ухватился за гнилой зуб, валялся бы сейчас на траве, среди полупереваренной пищи.

Так, действуем-действуем!

Я поворачиваюсь обратно к девушке. Её рот закрыт, но когда я снова оттягиваю ей подбородок, передо мной послушно открывается зева. Погнали!

Оставляя свой хвост в глотке парня, я начинаю спускаться вниз, словно скалолаз по канату. Моя головка проникает в её глотку, двигаюсь по пищеводу и вдруг понимаю, что длины моей не хватает! Пиздец! Приехали. И вот, находясь одновременно и в зомбаке и в молодой деве, я оказываюсь перед сложнейшим выбором: выскочу из парня — потеряю связь, и тут не надо быть деканом в институте, чтобы понять, что деваче пиздец...

Но возможно, я быстро проскочу в кишки, подрываюсь там, и дело в шляпе. Выскочу из под сынка и убегу. Но тут шансы стремятся к нулю! Очень рискованно...

Что же делать? Как же быть?

— Залезь в мозг! — опа, Дроздов вернулся.

Куда-куда?

— В мозг!

В мозг?

— Ну да. Нервная система кишок имеет схожую структуру с нервной системой мозга. Поэтому ты и управляешь телами. Твоя молофья заставляет организм ставить на первое место кишки, убирая в дальний ящик мозги. Попадёшь в мозг — эффект тот же.

Ну, хорошо. Но как я попаду в мозг? Череп ей проломить?

— Нет, ты что, дурак что ли? Всё просто — через глаз.

Через глаз?!

— Да! Прямоком по зрительному нерву. Ну и чего ты думаешь? Ты же сам говоришь: живём один раз — надо всё попробовать.

А дед прав! Ладно, попробуем.

Пока мои два ручных существа держат девушку распятой на земле, я переносу свои пальцы к её глазу.

Ну, начинается! Девка захлопнула пасть и сильно-сильно зажмурилась. Но ничего, не проблема.

Пальцами я фиксирую её голову (больше она не мотает ею из стороны в сторону) и раздвигаю веки. Она так тяжело дышит, что я слышу, как стучит её сердце — громко, как молот по мясу. Раздвинув веки сильнее, её глаз нервно задёргался, тыча зрачок во все стороны. Продолжая висеть в воздухе как длинная макаронина, зажатая между губ, я заносу сам себя над её лицом и начинаю спускаться.

Своей вымазанной в блевотни тонкой головкой касаюсь тёплого глаза и начинаю двигаться вдоль века по слизистой. Доползаю до слёзного канала и начинаю пробовать вставить голову между ним и глазом. Поддеваю, расшатываю. Углубляюсь! У меня получается! Отлично! Я уверенно двигаюсь вперёд. Нашупываю что-то похожее на узловатый трос. Цепляюсь за него, обвиваю. И ползу вперёд, пока не утыкаюсь во что-то мягкое и извилистое.

Теперь время пати! Я начинаю тереться. Трусь о мозги, трусь об извилины, мне хочется добраться до серого вещества и окрасить его во все цвета радуги, сделать ярким и сочным! Да, ярким, сучка! Таким ярким, чтобы мне все завидовали! Да-да... О да... вот так... хорошо...

Да-да-да!

Горячая молофья обрызгала мозг. В прямом смысле я выебал бабе мозги! И в тот же миг мой разум разорвало на две части. Это не объяснить. Словно у вас четыре глаза. Обзор на 360! Я и внизу и наверху. Я и мужик, я и баба. Это что-то с чем-то.

Будучи мужиком, я приказываю своим дружкам отпустить девушку и отойти в сторону. Я чувствую, как их хватки ослабли. Они встали и отошли.

Будучи бабой, я вытаскиваю нож у себя из груди (то есть из груди сына), и когда мой хвост выскальзывает изо рта паренька, тыкаю ему лезвие в глаз, вгоняя нож по самую рукоять. Пока он мычит и заливается кровью, я быстро перекатываюсь в сторону. Хватаю с земли дрын и вскакиваю на ноги.

Ну теперь держитесь, суки!

Пока сынок деда мычит и пытается встать на ноги, я убираю свой тонкий хвостик под глаз девушки, и сворачиваюсь калачиком под гипофизом, стараясь не вызвать болезненные ощущения как при опухоли мозга. Обретённое мною новое тело юное, сильное. Я уверенно держу дрын в руке и готов его применить!

Сынок попытался встать на ноги, но видимо нож задел что-то важное и он снова упал на колени, приняв позу собаки. Дружки его агрессивно мычат в два рта, но продолжают стоять как вкопанные. Ну и хорошо, стойте-стойте, не мешайте.

Я быстро подбегаю к сынишке и широко замахваюсь. Конец палки точно влетает в висок парню, разбивая череп как стеклянную банку. Как пробка из бутылки шампанского, на землю из глазниц вылетает нож и соседний глаз. Синее тело безжизненно валиться на траву, а фонтан гноя и крови бьёт из раскрытого черепа, заливая всё вокруг.

Дружки ожили. Видимо, связь с “вожаком” прервалась, и теперь они могут делать все, что им вздумается. Если только в этих пустых головах осталось чем думать. И судя по их лицам — осталось.

Неуклюже, шатаясь, они двинули на меня. Баба выбегает вперёд и, выставив перед собой руки, прыгает на меня. Я наклонился, отступил в сторону. Она пролетела рядом и упала на землю. Я хотел врезать ей по голове, но второй зомбарь уже близко. Коротким прыжком назад, я ловко уворачиваюсь от его синих рук. Но как баба, он не падает на землю. Замирает, кидает на меня взгляд и в тот же миг кидается сам, раскрыв пасть.

Трава скользкая. Багровая смесь крови и гноя толстым слоем налипла на подошву сандалии. Но эту проблему испытываю не я один. Когда зомбарь в шаге от меня, его нога предательски скользит, и не даёт телу сделать рывок вперёд, вместо этого он припадает на колено возле моих ног. Я заносу дрын над головой и, что есть силы, хуючу. Деревянная дубинка рвёт отделившийся от головы скальп на две части, обнажая серый череп. Я замахваюсь ещё раз, но вижу, как баба быстро вскакивает и снова кидается на меня. В один прыжок она взбирается на своего дружка, и когда хочет сделать прыжок в мою сторону, я бью сверху вниз наудачу, и попадаю ей по плечу. Она отлетает в сторону, но глаз с меня не спускает. Вот упёртая сука! Она быстро встаёт на ноги и снова кидается на меня.

Она громко мычит. Я громко дышу. Силы ещё есть. Есть адреналин. Замахнувшись дрыном как бейсбольной битой, я дождался, когда она приблизится на расстояние удара и вьёбал страйк. Эта синяя мразина поскользнулась в полу метре от меня, резко нагнулась и головой влетела мне в живот. Мы вместе завалились на землю. Дрын улетел в сторону. Усевшись на мне, эта сука начала вгрызаться своими пальцами мне в лицо.

Уйди нахуй от меня, тварь! Уйди! Сука, слезь! Блядь, ёбаная!

Она оцарапала мне щёки, вырвала клок волос, и сильно ударила в глаз. Я отвернул голову в бок, а своими руками, схватив её за подбородок и шею, попытался увести её голову в бок — ещё не хватало мне, если она своими зубами захочет мне что-нибудь откусить. А я точно уверен, что ещё чуть-чуть и захочет.

Ёбанный гной! Все руки измазаны этой херью. Эта сраная, вонючая жижа капает мне на лицо, на одежду, на шею. Воняет пиздец! Я упираюсь ногами в землю. Пытаюсь сделать “мостик” и скинуть эту суку с себя, но она тяжёлая, и я только зря трачу силы. Я снова отворачиваю голову. Мои глаза скользят по траве, скользят по валяющемуся возле нас окровавленному телу сынка, скользят по блеснувшему в лучах солнца лезвию ножа.

Привет, дружок! Тебя-то мне и не хватало! Моя левая ладонь срывается с шеи сучки и ныряет в траву. Пальцы нащупывают холодную сталь. Я сжимаю её, тяну к себе. Перехватываю, хватаясь за деревянную рукоять, покрытую липкой кровью, и, не целясь, бью суку в лицо. Попадаю в скулу, загоня лезвие под кожу. Бью ещё раз — попадаю в глаз. И ещё — снова лезвие попадает под скулу, чиркает по кости и выходит из носа, вырвав хрящ. Но сука так и не угомонилась. Мычит и мычит! Только теперь вместе с гноем, меня обильно заливает и кровью.

Я отстраняю руку с ножом, целюсь и бью. Лезвие вонзается в кожу под подбородком, дырявит язык, но опять эффект нулевой. Синяя тварь начинает двигаться быстрее, бьёт меня яростнее и больнее! Новый клок волос отделяется от моей головы. Лопнула губа и несколько глубоких царапин украсили мою щеку.

Да что же это такое! Сука! Слезь с меня! На ещё! На-на-на! Как заведённый, я начинаю бить её в грудь, рву платье, рву сиську.

Бью и бью.

Бью и бью... Тыкаю между рёбер, тыкаю под сиську, болтающуюся на лоскуте кожи. Уже ударил раз семь в живот, и бил бы ещё, но из её разорванного брюха мне на грудь вываливаются кишки. Мерзость!

И вот, залитая кровь, покрытая тонким слоем гноя, украшенная гирляндой из кишок, я снова бью её в грудь.

Бью и бью.

Снова бью, и эта тварь вдруг замирает. Дёрнулась и свалилась. Возможно, я попал в сердце — не знаю, да и похуй. Я быстро встал на ноги, поднял дрын и одним точным ударом размозжил её череп, разметав мозги по

зелёной траве.

Я огляделся. Остался один, тот, что второй. С оголённым черепом он пытался встать на ноги, но судя по всему, его координация была конкретно нарушена. Стоя на корточках, он пробует упереться ладонью в землю, но принимает за твёрдую поверхность воздух. Бедняга. Что, в глазах всё двоится? Но ничего, сейчас всё прекратиться. И в подтверждение моих слов, он упирается рукой в воздух, и, думая, что это земля, пробует встать. Логичный итог: рука скользит в сторону, а его тело валится на бок. Как трёх летний ребёнок, что пытается встать первый раз на ноги, он задирает жопу, упирается локтями в землю, и, шатаясь, начинает вставать, но к его сожалению, заваливается вперёд, врезаясь мордой в землю.

Всё, я не могу на это смотреть! Заебало! Встав рядом, я занёс дрын, и когда он посмотрел на меня своими несчастными глазами, я со всей мочи ударил.

Звук ломающихся костей меня успокоил. Я посмотрел на измазанную кровью палку в моих руках и с облегчением выдохнул. Всё. Кошмар прекратился.

Осмотревшись, я нашёл тень, откидываемую огромным деревом. Спрятавшись в тени от палящего солнца, я облокотился спиной о сухую кору. Мне хотелось пить. Курить. Срать и ссать. И вот это не шутка! Девчонка до последнего терпела, сидя в пещере! Ну что же, природа зовёт!

Встав у дерева, я спустил портки и пустил струю. Горячий ручеек потёк по моей ляжке и быстро добрался до шпанов. Блядь, я ж баба! Это так не привычно!

Я осмотрел свою промежность, насколько позволяло тело, и пришёл к выводу, что нужно присесть на корточки.

Закончив свои дела, я спрятался в тени уже другого дерева, что росло дальше. Облегчившись, я начал думать.

И что дальше? Что делать дальше? Куда идти, да и зачем? Какой у всего этого смысл? Мой ад продолжается?

Вопросы-вопросы-вопросы...

А знаете где искать ответы? Верно! Конечно же, у себя в голове! Только ваша голова может быть для вас верным советчиком.

Вытянув ноги, глубоко вдохнув и удобно пристроив голову, я обратился к воспоминаниям. Голова юная, светлая, память как книги, что любимы разложены в алфавитном порядке на полках. Тут и детство, тут и юность. Вот тут друзья. Тут родители. Но рядом с хорошими воспоминаниями тесно стоят и плохие. Здесь больше нет родителей, здесь больше нет друзей. Тут я расстаюсь с Роже. Тут убегаю в лес.

Стоп! Что? Роже?

Так-так-так, перематываем... ага, вот! Это тот день, когда к нам в деревню пришли “кровокожи”. Ко мне домой прибегает Роже. Она явно напугана. Хватает меня за руку и просит, чтобы мы побежали в лес. По пути она рассказывает мне, что происходит. Мы выбегаем на дорогу, бежим через поле, и в какой-то момент, перебегая в лес, нас замечают всадники. Мы слышим громкое и жуткое ржание лошадей. Мы слышим приказы, повелевающие нас поймать. Мы бежим. Бежим без оглядки, боясь быть пойманными. Кряхтя и сопя, мы пробираемся сквозь густые кусты, прячемся между стволами деревьев, но всё равно продолжаем слышать топот копыт.

Мы останавливаемся. Я присаживаюсь на колени и, зажав уши руками, начинаю что-то шептать. Роже мне не мешает. Она стоит молча, с опаской оглядываясь по сторонам. Я ничего не слышу, ничего не вижу, лишь мысли о любимом животном наполняют мой разум. Образ медведя рисуется тонкими линиями, словно карандаш рисовал на бумаге набросок.

Не вижу, не слышу, но чувствую.

Появившийся рядом всадник спрыгивает с коня, и подбегут к нам. Второй всадник стоит где-то рядом. Он видит, как его напарник бьёт меня ногой в грудь, заваливая на рыхлую землю. Смотрит, как он хватается Роже за плечи и начинает тащить к лошади, но в этот момент раздаётся оглушительный рык медведя. Все замерли. Топот тяжёлого зверя быстро приближался.

Всадники заметили медведя метров за двадцать. Сбивая с кустов листву и поднимая в воздух землю, медведь нёсся напролом, точно нацелившись во всадника, что держал Роже.

Быстро сориентировавшись, всадник отпустил Роже и выставил руку перед собой. Он зажал кулак и повернул его, указав большим пальцем на землю. Из его ладони потекла кровь. Толстая струйка опустилась на метр и моментально застыла, превратившись в подобие меча, выкованного из красного металла.

Когда до всадника оставалось пару метров, медведь прыгнул. Второй всадник спрыгнул с лошади и подбежал к товарищу. Завязалась драка. Недолго думая, Роже подбежала ко мне и сказала, чтобы я убежала!

— Быстро, вставай и беги прочь! Им нужна я!

— Нет! — я хватаю её за руку, пытаюсь утянуть за собой, — бежим! Он справится, нас никто не будет искать.

Медведь громко рычал, но в его рёвы мы слышали боль. Звук вонзающегося в плоть металла наполнил лес. Горячая кровь залила всё вокруг.

— Беги! — орёт Роже. — Беги! Ты наша надежда, им нужна только я! За тобой они не погонятся!

— Нет!

— Да! — и уверенно добавляет: — Найди Отто! Он сможет меня отыскать! Слышишь меня! Найди Отто! — и начинает своими мягкими ладонями пихать меня в грудь, гоня прочь. Прогоняя меня от себя.

Я встаю и убегаю. Убегаю от лучшей подруги, убегаю от любимого зверя. Убегаю от всего, до конца не понимая, какого хуя тут происходит... Почему, почему это случилось сегодня?!

Роже...

Я вспомнил её лицо, её взгляд. Хотя она и была юной девой, она мне очень понравилась. Её тёплые прикосновения пробуждали во мне что-то хорошее и доброе. Но этой доброты не хватит, чтобы заглушить во мне жажду мести и желание убить ту тварь, что облачилась в кровавые доспехи! Во что бы то ни стало, но я должен найти эту слишком уверенную в себе бабу, содрать с неё маску и задушить.

Маска... Прежде чем протянуть её мне, она сказала: найди меня. Ну что же сучка, я постараюсь тебя отыскать! Освобожу Роже, и мы вместе вернёмся домой!

Но в первую очередь, надо забрать маску из сарая.

Той рубахой, что я использовал как рюкзак, я оттер своё лицо и тело от крови и гноя. Тщательно вытер рукоятку ножа, лезвие. Оттер подошву сандалий. В обратный путь я отправился налегке, кроме ножа у меня больше ничего не было. Я мог взять дрын, но подняв его с земли, я увидел, что он переломился.

У меня в теле было столько адреналина, что я побежал. Бежал долго, пока не заломило грудь и не заболело в боку. Хотелось пить, но я терпел. Злость и чувство мести уверенно вели меня вперёд, словно схватили за руки и силой протаскивали сквозь любое препятствие, появившееся на моём пути.

Тусклый диск солнца коснулся верхушек деревьев, когда я вернулся к дому старика. Вернее к сгоревшему остову, тлеющему на месте дома. Сарай! Там тоже валялись чуть дымящиеся угольки.

Да ёбаный в рот!

Да как так-то!

СУКА!

Нихуя не осталось. Я поковырялся в тёплом пепле, раздвигая его палкой, и смог найти лишь пару костей и череп, скорее всего, принадлежащий патлатому.

ЗА-ШИ-БИ-СЬ! Маска сгорела, превратившись в груды пепла. Сгорела так же, как и моя надежда на спасение Роже.

Так, нужно успокоиться... Подумать хорошенько...

Дорога из деревни одна, куда идёт — хер знает, но если по ней к нам прискакали, то по ней они и ускакали. Логично? А то! Ну, тогда двигаю в путь, что тут думать. Но вот вопрос: сколько по ней пиликать? День, два или месяц? Может год... заебись план...

Нужно вернуться в деревню. Попрошу у отца припасы! Вдруг повезёт, и он раздобудет мне лошадь? Надо рискнуть.

К вечеру я вернулся в деревню. На улице тишина. Проходя мимо колодца, меня охватила дикая жажда. Ведра не было, а значит, и попить не смогу. Двое пьяниц стоявших возле входа в “Щепку” завидев меня громко заржали. Я кинул на них взгляд, и когда они его поймали, вдруг резко умолкли. Уже когда я проходил мимо них, двигаясь в сторону дома Отто, один прошептал второму:

— Это она! Заткнись, — и тычет рукой своего приятеля в грудь, — или ты хочешь, чтобы тебе крысы ночью откусили твой хер?

Подойдя к калитке дома, я огляделся. Во дворе никого. Животные молчат.

— Пап! — крикнул я и поймал себя на мысли, что это было максимально тупо. — Отто! Выходи!

Ну а что еще я мог крикнуть? Ау, это я, выходите!

Входная дверь распахнула. В дверях нарисовался отец. Вначале он меня не разглядел, но когда понял, кто стоит за забором, вдруг широко улыбнулся, быстро пробежал через весь участок, и распахнул передо мной калитку.

— Инга! — воскликнул отец. — Ты жива!

— Да...

— Давай, заходи, чего стоишь как неприкаянная.

По-отцовски обняв меня и водрузив свои тяжёлые ладони мне на плечи, мы прошли через двор, и зашли в дом. Я нарушил их ужин. На столе, на тарелках, лежало жареное мясо, при виде которого у меня потекли слюнки.

— Садись, — говорит отец.

Мать засуетилась у печки, а Отто сбегал в соседнюю комнату и притащил стул.

— Где ты была, что с тобой случилось? — спрашивает отец.

Вот честно, сейчас что-то рассказывать, и пытаться объяснить, у меня нет никакого желания, и я просто говорю:

— Пить...

Отец хватает первый попавшийся стакан и сует мне в руки. Затем двигает тарелку с едой.

Когда я глотнул холодной воды, а кусок сочной говядины провалился в желудок, я закатываю глаза от удовольствия и выдыхаю. Сразу же заломило тело, занули все мышцы. Адреналин отпустил меня, оставив моё тело один на один с болью и усталостью. И на том спасибо.

— Ну, рассказывай, — всё ни как не угомониться отец.

— Мне надо найти Роже! — говорю я.

Его густые брови заползли на лоб, а глаза чуть не вылезли из орбит.

— Вернуть Роже?

Короче, следующий час мы потратили на тупые объяснения, где я узнал, что это они сожгли дом старика, что теперь они знают правду о том, кто похищал людей, и что теперь главная цель — найти деда. Выдержав паузу, я рассказываю отцу, где он сможет найти деда, и еще пару созданий, выглядящих как уродцы, вышедшие из кошмаров. Отец не верит моим словам, но обещает проверить.

Не выдержав описания жутких сцен, Отто уходит в комнату. Я смотрю ему в след и испытываю тёплые чувства. Мальчик пережил много дерьма, но страх не смог овладеть его разумом. Он не замкнулся, не забыл как говорить, словно с ним ни чего страшного и не произошло. Когда он возвращается из комнаты, он садится рядом со мной, кладёт на стол маску из застывшей человеческой крови, и говорит:

— Смотри, что папа мне подарил.

Я охуел.

— Где ты её взял? — спрашиваю я, протягивая пальцы к маске.

— Я забрал её из сарая, — говорит отец, — лежала на столе.

Ага, на столе! Конечно, пиздит как дышит. Но, может просто Отто не хочет шокировать?

— Она лежала не на столе, — говорю я.

Отец с подозрением на меня посмотрел. По его лицу не сложно догадаться, что он рассматривает всю эту ситуацию с шуточной стороны. Но ничего, у меня для него кое что есть.

Поджав ногу к животу, я упираю ступню в стул. Поднимаю штанину и отвязываю от голени нож. Тот самый, что отец потерял. Как неоспоримый аргумент, как козырь, что я держал до последнего хода, я кладу нож на стол.

— Я смогу найти Роже с помощью этой маски, — заявляю я.

— Но как? — спрашивает отец, забирая нож со стола.

На его лице я вижу неподдельный интерес. Он крутит в ладонях нож, рассматривает его, поднимает глаза на меня.

— Я пока не знаю, но уверен, (тут я поправляюсь и говорю, что уверенА) что разберусь.

К этому надо привыкнуть....

— Та женщина, — говорит отец, — что забрала Роже, кинула эту маску к ногам Отто, и сказала — найди меня. Это было так странно. Что она имела в виду?

— То самое и имела в виду, — говорю я.

— Но как ты собралась её искать?

— Легко, — говорю, я, — куда ведёт дорога из деревни?

— Ты и сама знаешь...

— Нет, не знаю!

Отец громко проглотил слюну, подметив мой слегка грубоватый тон.

— Ну, — тянет он, — у нас припасов хватает на жизнь, мы особо далеко не уходим от деревни, а вот местный портной частенько навдывается в деревушку за лесом. Туда дорога и ведёт.

— Туда я и отправлюсь.

Хмыкнув, отец встал из-за стола. Взял маску, подошёл ко мне. Уставился на мои грязные волосы, с отвращением посмотрел на одежду. Хотел потрогать порезы на щеке, но я отвёл его руку в сторону.

— Иди, — говорит он, — омойся в бочке и ложись спать. Утром пойдём к Эдгарсу. Вещички твои обновим, и дорогу узнаем.

Когда я встаю из-за стола, он протягивает мне маску.

— Возьми. Надеюсь, у тебя всё получится.

Устроившись в тёплой и уютной кровати, я уже был готов провалиться в сон, как вдруг услышал странный разговор. Примитивный, на языке, который я слышу впервые, но, блядь, прекрасно понимаю. Во дворе, между собой о тяжёлой судьбе спорят свинья и корова.

Больше книг на сайте - Knigoed.net